

Рэй Рассел

**Бежавшие
влюблённые**

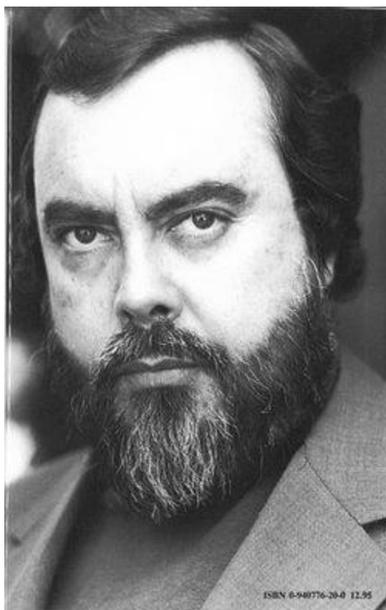
2022

**Рэй
Рассел**

**БЕЖАВШИЕ
ВЛЮБЛЁННЫЕ**

**Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва**

**Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2022**

Раймонд Роберт Рассел. Бежавшие влюблённые. — Москва, Паровая типолитография А. А. Лапудева, 2022 — 335 с.

Роман и избранные рассказы американского писателя, сценариста, составителя антологий и литературного редактора журнала «Playboy».

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© Р. Р. Рассел, текст, 2022

ИНКУБ, или ДЕМОН ВОЖДЕЛЕНИЯ

Галэн — обобщённый образ сразу нескольких городов в Калифорнии и не является портретом какого-либо реально существующего города.

УЖАС

Все мы — порождения некоего универсального аппетита. Мы жаждем пищи, воды, любви, власти, славы и отличаемся друг от друга только соотношениями этих желаний. Одних непреодолимо влечёт еда, и это подавляет всё остальное, но не исключает совсем. Для других — главное секс, третьи одержимы стремлением властвовать. Предназначение святых — утвердить себя в милосердии, но не растворяя в нём полностью и другие желания. Но разве нет доказательств того, что есть среди нас и исключения. Их ведёт по жизни единственное желание и каждый миг существования подчинён достижению этой главной, какой-то заранее закодированной цели...

Хенрик Стефаньски

1

Я родился сегодня ночью. Какой это восторг ощущать себя! Как это великолепно выйти из тьмы и тут же понять цель своего появления на свет.

Как чудесно сознавать, что ты сплав силы, власти, могущества, горячей крови, циркулирующей по венам, обладатель плоти, крепкой как дуб.

Как прекрасно дышать, различать ароматы воздуха и, упиваясь ими, проникать туда, где можно выполнить своё предназначение. Как непередаваемо хорошо воспарить, ощущая полноту безграничного восторга, и осознать осмысленность вспышки, предвестившей твоё появление.

Я родился сегодня ночью. Я думаю, что я рождался и раньше, в другом месте или местах, и умирал, и рождался снова. Но всё это не имеет для меня значения.

Я знаю лишь, что я родился сегодня ночью и что есть цель, для достижения которой я был рождён.

И я выполню своё предназначение...

2

Подавляющее большинство наименований больших и маленьких городов в Калифорнии испанских кровей. И, как правило, они неразлучны со святой или святым — Санта или Сан: Санта-Барбара, Сан-Диего. Некоторые сохранили лишь намёк на некогда великое прошлое оригиналов-прародителей. Вряд ли многие сегодня знают, как появился знаменитый Лос-Анджелес.

Послушайте, как это звучало на испанском: El Pueblo de Nuestra Senora la Reid de los Angeles de Porciuncula. Поистине, гора родила мышь! Из стольких слов и букв всего два — Лос-Анджелес.

Добрый десяток названий неискущённому кажется испанским, а на поверку — в них индейские корни. Сонома, к примеру. Или Азуза. Это всего-навсего сокращённое индейское обозначение конкретного места на земле — «Горы скунса».

Впрочем, не все наименования городов в Калифорнии испанского происхождения. Многие крестила природа: Лонг Бич — Длинный пляж, Саузенд Оукс — Тысяча дубов; многие появились на свет от скрещивания двух языков. В лучах славы Диснейлэнда греется процветающий городок Анахейм. Первая часть названия унаследована от протекающей рядом реки Санта-Ана, а вторая — понятие «дом». Это уже по-немецки.

Кто не знает Тарзана — человека-обезьяну, придуманного Эдгаром Райсом Берроузом? А вот Тарзана — наверняка

единственный город в мире, титулованный в честь фантастического киногероя. И придумали это в Калифорнии.

В других случаях не утруждали себя муками творчества и просто заимствовали названия в иных географических широтах: Онтарио, Венеция, Неаполь, Инглвуд, Монмаус. Причём в последнем примере оно перекочевало не из Уэльса, как можно было бы подумать, а из Иллинойса. Его привёз с собой какой-то переселенец.

Говорят, что только из-за лени мысли обитателей один из калифорнийских городов, основанный Вилкоксом, долгое время был безымянным. Наконец как-то его жена в вагоне-ресторане поезда познакомилась со словоохотливой дамой. Та без умолку рассказывала о своём поместье — Голливуде — на востоке страны. Такое звучное имя как нельзя лучше подходит городку, заложенному её мужем, решила сразу миссис Вилкоккс.

А сколько экзотики в названиях шахтёрских поселений: Ущелье Бешеного Мула, Долина Москитов, Квартира Цыплёнка, Дай Им Хорошенько. Жаль, что большинство из них уже исчезло и забыто.

Ну, а как же было не уважить знаменитостей? Скажем, Монровия появился в честь пионера железнодорожного дела Вильяма Ньютона Монро. Бывает наоборот. Все считают, что город носит имя известного человека, а это вовсе не так. «Наш Бэрбанк — это память о выдающемся ботанике Лютере Бэрбанке!» — воскликнут «знатоки», услышав ваш вопрос. Отнюдь! Имя городу оставил скромный зубной врач Дэвид Бэрбанк.

На полпути между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско лежит маленький, тихий городок — Галэн. Наречён он так совсем не в знак почтения к великому греческому целителю — Галэну. У него своя история.

Городок раскинулся на берегу океана. Но если не знать точно, что это Калифорния, ни у кого не возникло бы сомнения, что побережье — атлантическое, а не тихоокеанское.

Дело в том, что Галэн, пожалуй, самый новоанглийский из всех поселений за пределами самой Новой Англии. Есть что-то своеобразное в опорах мола и развешанных рыбацких

сетях, да и в самих рыбаках, что навевает мысли о Новой Англии. И красные дома, и даже амбары построены так, будто им предстоит защищать своих обитателей от снежных бурь. Люди не говорят здесь с бостонским акцентом, но зато губы их сжаты в узкую полоску, глаза сужены в прищуре. В случае надобности они могли бы вполне позировать фотоаппаратам, рекламирующим товары другого, атлантического, побережья.

Когда густой туман приползает с океана и нависает над городом, пробирая до костей и смазывая чёткие очертания Калифорнии, вас ещё сильнее охватывает чувство, что всё же вы на восточном побережье. Рассказывают, что именно здесь был снят не один фильм из жизни Новой Англии, эдакие сусальные истории... Впрочем, и зрители были под стать им.

По преданию, город заложил в середине XIX века Кальвин Галэн. Именно он принёс в Калифорнию новоанглийские обычаи. Одни говорят, что Галэн прибыл из Нью-Гемпшира, другие утверждают — из Мэйна или Массачусетса. За точность никто не ручается.

В Галэне до сих пор живут потомки его основателя. Но почтение к этой фамилии в здешнем обществе не идёт ныне ни в какое сравнение с былыми временами. Первой по старшинству — ей уже за семьдесят — надо представить Агату Галэн. Она хозяйка старого семейного дома на северной окраине города. Это строение раньше выглядело даже величественным, теперь совсем обветшало. Здесь же обитает и Тим — племянник Агаты, отцом которого был её брат Мэтью. Мать в девичестве звали Кейт Довер. Оба родителя уже покинули сию бренную землю. Так что Агата и Тим — только двое, кто остались от некогда большого семейства Галэнов.

Агата — один из столпов местной церкви, небольшое побелённое строение которой сразу замечаешь, подъезжая к городу с юга. Церковь довольно живописная, подобные можно увидеть на старых полотнах классиков. Есть колокольня и все прочие атрибуты. Службу справляет преподобный Фрэнсис Китон. Он женат, но вот детей Бог не дал.

В Галэне это уголок для протестантов. Немногочисленным католикам и евреям, живущим здесь, к своим духовным пастырям приходится ездить в Мидвэйл — самый близкий от

Галэна городок. Как вы уже поняли, белые англосаксонские протестанты — основное население Галэна.

Безмерная гордость горожан — двухлетний колледж. Официальный его титул производит впечатление: Мемориальный колледж Эдмонда Джабеса Галэна. Не в обиду патриотам надо заметить, что название это куда больше самого заведения. Впрочем, так бывает. До наших дней колледж существует в основном на проценты от капитала, пожертвованного прапрадедом Тима — Эдмондом для увековечивания собственной персоны. Кстати, желающих последовать его примеру в городе больше не оказалось. Впрочем, и так бывает.

Как и положено приличному городу, властвует в нём мэрия. Раз в четыре года бушуют страсти на здешних улицах, в здешних домах, когда из всех галэнцев нужно выбрать всего четверых в городской совет. Каждый из них поочерёдно в течение года несёт потом бремя городничего. В истории Галэна зафиксирован и такой факт: пост мэра занимала как-то женщина. Сейчас мэрией управляет Джо Прескотт — вдовец, живущий с сыном Чарли, владелец единственного в городе кинотеатра «Парадиз».

Ещё один очаг культуры — газета «Галэн Сигнал». Редактор её — особа в городе популярная — Лора Кинсайд. Это крупная красивая женщина, примерно тридцати лет, с карими глазами и тёмно-каштановыми волосами. Как говорится, есть на чём отдохнуть взору. Многие мужчины Галэна, в том числе и почтенные отцы семейств, пытались приударить за ней. Увы, безрезультатно. И хотя по части сплетен жители Галэна большие мастера, Лора никогда не давала поводов для досужего трёпа. Она заняла место хозяйки-редактора газеты как бы по наследству, после смерти отца, и ведёт дело превосходно. Полагается во многом на шестидесятилетнего Билла Картера, проработавшего целую вечность с её отцом. Билл заведует типографией, где на допотопном станке печатается «Галэн Сигнал».

В среде городских эскулапов вне конкуренции доктор Сэм Дженкинс. Доверяют ему больше, чем другим, и часто называют просто Доком. Дженкинсу пятьдесят с небольшим.

Это высокий, нескладный человек с колючими на вид, тёмными волосами с проседью, постоянным ироническим выражением на лице. Несколько лет назад, когда скончался 84-летний судмедэксперт Мейнард Эндрюс (нетрудно подсчитать, сколько он прослужил на этом незавидном месте), доктор Дженкинс согласился временно, пока не найдут замену, тянуть лямку за него. Да так и застрял в этой должности. В семье у Дока два любимых создания — жена Марта и дочь Дженни. Мальчишки Галэна сходят с ума от неразделённой страсти к младшей. И можно понять их — Дженни, бесспорно, одна из самых хорошеньких в городе.

Впрочем, надо заметить, прекрасная половина Галэна воистину прекрасна. Взгляните на малышку Мэри Лу, лотошницу из «Парадиза». Сплошное очарование! А как хороша собой её мать Анита, правда, после аварии бедняжка стала инвалидом. Есть в кого быть привлекательной и племяннице местного священника Прю Китон — её мать Элен просто красавица. И даже кассирша из «Парадиза» Белинда Феллоуз, а ей явно около пятидесяти, притягивает взоры... отличной фигурой. Но это лишь с точки зрения тех, кому нравятся крупные женщины. Болтают, что сохнет по таким Джо Прескотт. А у кого повернётся язык не назвать красоткой Мэлани Сандерс? Словом, в Галэне есть кем полюбоваться. Может, по этой причине в городе и случилось то, о чём пойдёт речь ниже.

Естественно, всё, что происходит в Галэне, тут же становится известным в штаб-квартире шерифа Хэнка Валдена. Он и его жена Сара старожилы города. Хэнк абсолютно лыс, просто до неправдоподобия. Фигура его напоминает бочонок. И голос Хэнка урчит, как из бочки, да к тому же смахивает на кваканье лягушки.

В отличие от шефа его заместитель Клэм Конклин молод и строен. Голову венчает густая копна волос, говорит приятно, мягко — не то что квакает Хэнк.

Немало галэнских тайн скрывается за стенами небольшой городской больницы. Вообще-то, правильнее называть её амбулаторией. Но неказистое это здание все именуют только больницей, хотя многие упрямы в серьёзных случаях обращаются за помощью в Мидвэйл.

А вот старомодная с виду гостиница вполне справедливо считается фешенебельной. Всеми делами здесь заправляют супруги Парди — Руфь и Джек. До недавней поры официанткой у них служила симпатичная и озорная Мэлани Сандерс. Её статья приводила в трепет местных ловеласов, и они сравнивали её с величавой кирпичной пожарной каланчой. Отпускали, бывало, и другие менее пристойные словечки.

Повод для злословия давала сговорчивость бесхитростной Мэлани. Её доброе сердце не способно было отказать никому. К счастью или к сожалению, все сплетни теперь позади. Что бы ни говорили о жителях Галэна, но не настолько они бесчеловечны, чтобы перемывать кости своей землячке, погибшей недавно ужасной смертью.

В ту злосчастную ночь Мэлани Сандерс и Тим Галэн несколько экстравагантно проводили время на берегу океана — купались нагишом в его волнах. Они плавали и шумно плескались у мола. Будь в те минуты луна, она со всей очевидностью высветила бы и подчеркнула физическое несоответствие парочки — монументальность Мэлани и хрупкость Тима. Девушка имела явное преимущество перед юношей. В костюме Евы она была просто неотразима.

О том, как всё началось и чем кончилось, рассказывал потом Тим. Вечером, перед закрытием бара, он зашёл в гостиницу выпить чашечку кофе. Мэлани захотелось окунуться в океане после работы.

— Пойдёшь со мной? — спросила она.

Тим замялся и стал объяснять, что не прихватил плавки. Мэлани подзадорила его, обозвав цыплёнком, и, рассмеявшись, поинтересовалась: разве не приходилось ему в хорошей компании обходиться без купальных принадлежностей? Смущённый Тим сдался.

Ночь была туманной. Для этого сезона явление вполне обычное. У самой воды туман сгустился, и, чтобы видеть друг друга, купальщики стояли бок о бок. На пляже было необычайно тихо — туман как будто укутал всё толстым одеялом и звуки тонули в нём. Чуть-чуть улавливался плеск волн о берег. Слова их не долетали до слуха, возникло ощущение, что всё

это происходит на незнакомой планете, где не властвуют законы земной природы. Как при замедленной съёмке казались движения. Человек в этой пелене чувствовал себя довольно уютно и зябко.

Но молодые и полные сил Тим и Мэлани навряд ли ощущали какой-либо дискомфорт, резвились, брызгались водой, хохотали. Тим сделал попытку поймать Мэлани и поцеловать. Она притворно возмутилась, выскользнула и, изловчившись, окунула его с головой. А потом быстро поплыла к берегу.

Через несколько секунд голова Тима показалась на поверхности. Он выплюнул солёную воду и стал оглядываться по сторонам. Но увидеть что-либо мешали туман, темнота. Он стал кричать:

— Мэлани! Эй, Мэл!

Разглядеть девушку он так и не смог, но услышал её:

— Иди сюда, поймай меня!

— Думаешь, слабо? — ответил он и поспешил к берегу.

Тем временем нагая и мокрая Мэлани пыталась спрятаться от Тима между сваями, поддерживающими настил мола. Она хорошо видела всплески воды от его гребков и слышала, как он грозил:

— Я обязательно поймаю тебя!

Он вышел из воды совсем близко от неё, но не разглядел девушку. А она, укрывшись за сваей, зашла в беззвучном хохоте. И впрямь, голый, дрожащий от холода Тим, стоявший на открытом месте, выглядел с её точки зрения весьма комично. Картину довершала копна мокрых волос, облепивших голову. Он сделал несколько шагов и выпал из её поля зрения. Она не видела Тима. Но не видела и кого-то другого, кто укрылся в темноте позади. Буквально в следующий миг она почувствовала, что кто-то тут есть, и даже ощутила это физически. Мэлани поняла, что это может быть только «он». Кто-то охватил её очень сильными руками, сжимая тело и причиняя боль. Она сумела повернуться к нападавшему лицом, попыталась оттолкнуть его. И хотя атакующий стоял вплотную к ней, чётко разглядеть его черты ей не удалось.

Откровенно говоря, репутация Мэлани, как особы весьма «сговорчивой», сложилась не на пустом месте. Мужчин у неё

было немало. Но то, что предстало перед её взором в эти секунды, видимо, потрясло её, это не было похоже ни на что ей известное, и она истошно и громко закричала.

Но крика никто не услышал. Мэлани грубо швырнули на песок, и тёмная фигура накрыла её. Можно только догадываться, какой кошмар она пережила. И кто скажет точно, сколько прошло времени, пока Тим не нашёл её, уже одну. Побледневший, он опустил у распростёртого тела и, стоя на коленях, повторял:

— Мэл, что?.. Что случилось?

Глаза Мэлани были открыты, но в них отсутствовало какое-либо выражение. Лицо походило на маску мертвеца. Тим попытался приподнять девушку. Он всё повторял:

— Пойдём, надо отсюда тебя увести. Что случилось? Нам надо одеться и...

В момент, когда он прикоснулся к ней, лицо Мэлани как бы расколосось от крика. Разверзнутый рот казалось больше уже не закроется никогда. Крик рвался и рвался наружу.

Унять этот жуткий вопль удалось только в больнице, когда доктор Сэм Дженкинс, которого все называли Доком, ввёл ей лошадиную дозу успокоительного.

— Это на какое-то время позволит ей отключиться, — сказал Док сестре. — Если она придёт в себя и опять начнёт кричать, сделайте ей ещё один укол, такую же дозу, и звоните мне. Я буду дома.

Они приподняли расслабленное лекарством тело девушки и поудобнее уложили её в кровати.

В коридоре у дверей палаты Дока ожидали Хэнк Валден и Тим. Он первый задал вопрос доктору:

— Ну как она?

— Мы ввели ей успокоительное, — кратко ответил доктор.

— Она сказала что-нибудь? — спросил шериф.

— Нет, — ответил Док, — но она что-то вспомнила, и это вызвало истерику.

— Интересно, кого она вспомнила, — вслух подумал шериф, когда они втроём выходили из больницы.

— Это не был я, шериф. Поверьте, — поспешил сказать Тим.

Лицо Хэнка Валдена было непроницаемым.

— Тебя пока никто и не обвиняет, сынок. Подожди меня здесь минуту.

Шериф пошёл проводить Дока Дженкинса до машины, припаркованной на больничной стоянке.

— Бедная девочка ненамного старше моей Дженни, — заметил Док, обращаясь скорее к самому себе, чем к шерифу.

— Что ты об этом думаешь, Док? — спросил Хэнк.

Дженкинс покачал головой.

— Я не хотел говорить об этом при Тиме Галэне, но это очень напоминает случай с девушкой из колледжа.

— Гвен Моррисей?

— Да, то было самое жестокое изнасилование, о котором я слышал или видел его последствия своими глазами. Сегодня всё очень похоже.

Гвен Моррисей училась в Галэнском колледже. Кто-то зверски изнасиловал её в парке и убил. Это случилось в прошлом месяце, как раз в конце семестра. Не обнаружилось ни одной зацепки, которая вывела бы на след преступника.

Док открыл дверцу своего большого бьюика с откидным верхом. Но в машину сразу не сел. Он стоял, качал головой, стараясь подобрать слова, и наконец произнёс:

— Это... патология. Это за гранью...

— Это не открытие, Док, — буркнул Хэнк. — Тут любой дурак определит, что мы имеем дело с ненормальным.

Док хотел как-то отреагировать на эту колкость, но передумал.

— Ты имеешь в виду размеры этой штуковины! — продолжал Хэнк.

Помедлив, доктор ответил:

— У меня не было времени для серьёзного обследования. Я осмотрю её тщательно завтра утром и заеду к вам на работу. — Затем сел в машину и захлопнул дверцу.

— погоди, Док, — наклонился к окну шериф. — Ты что-то скрываешь от меня. Мне это не нравится. Я должен знать всё. Только так можно разгадать эту тайну.

— Завтра, Хэнк.

— Чёрт возьми, Док. Не забывай, что этот сукин сын разгуливает на воле. Любая мелочь для меня важна.

— Но я же ещё ничего наверняка не знаю...

— Ладно, — квакнул Хэнк, — но завтра после осмотра Мэлани немедленно зайди ко мне. А пока придётся взять под стражу Тима Галэна. Сейчас он единственный реально подозреваемый.

— Не делай этого, — взмолился доктор. — Это не может быть Тим...

— Почему ты так считаешь, почему не Тим? Ведь именно они вдвоём плавали... Кто же тогда?

— Я не знаю, кто это сделал, но Тим не мог сотворить такую пакость...

Явно раздосадованный шериф Валден проводил взглядом машину Дока, выезжавшую со стоянки...

Тем временем вдоль Калифорнийского побережья проворно бежал чёрный двухместный порше. В салоне работало радио, звучала меланхолическая симфония Малера. День был ясным, солнечным, но водитель явно пребывал в мрачном расположении духа. Музыка соответствовала его настроению. Машину вёл мужчина лет сорока, черноволосый, с пробивающейся сединой на висках. Лицо его было приметным — широкий рот, волевой подбородок, взгляд твёрдый. Он выехал ещё утром из дома, расположенного в студенческом городке на территории небольшого колледжа в Сан-Диего. Машина приближалась к Санта-Монике. Водитель проголодался и свернул с шоссе в город. Оставив автомобиль за полквартала от пляжа, заплатил за час парковки и пошёл вниз к океану. Место для прогулок явно не самое лучшее, но воздух, согретый солнцем, был упоителен. Словно крепкий золотистый бульон, он придавал сил.

Приезжий прошёл мимо старой гостиницы. Со стен её облупилась штукатурка. Но несмотря на это выглядела она вполне привлекательно. И вообще всё вокруг было ярким, чистым и светлым, обласканным солнцем, ветром и морем. Песок и вода составляли окружающий мир. В море колыхались

яхты. Вдали синели лавандовые горы. По дороге на велосипедах катались босоногие девчонки и патлатые мальчишки. Сморщенные старики, по всему не любившие выпить в пролетевшие годы, привычно переругивались между собой.

Человек приостановился, чтобы понаблюдать за своеобразной жанровой сценкой. Толстый гомик средних лет в облегающем холщовом комбинезоне и большой соломенной шляпе дирижировал молодой парочке, пляшущей на лужайке. Танцоры выделяли пируэты. На партнёрше кое-что было — купальник, состоящий из одних бретелей и завязок, — эта одежда едва прикрывала наготу. Водитель порше полюбовался девушкой и последовал дальше.

Голуби нахально лезли прямо под ноги. Над волнами носились хищные чайки, время от времени камнем падая вниз. Отчаянно чирикая, дрались две ласточки. За длинными столами из обструганных досок сидели старики и лениво передвигали шашки и шахматные фигуры. Внимание путешественника привлекла стайка загорающих на пляже полуобнажённых девушек. Это наверняка были стюардессы, они болтали по-французски, а на песке лежали махровые полотенца с фирменной надписью: «Эйр Канада».

«Жизнь продолжается», — подумал он про себя, вспомнив расхожее высказывание Уоррена Д. Хардинга: «Известный мир...»

Голод напомнил о себе спазмами в желудке. Пора было где-то перекусить. Но где? «Пляжные принадлежности» — оповещала одна вывеска. «Мягкое мороженое» — призывала другая. Зато третья была ближе к цели — «Хот догс». Конечно, подарком судьбы это можно назвать с натяжкой. Но голод не тётка, не до выбора. Пришлось купить порцию и съесть её по дороге к машине. Подкрепившись, незнакомец продолжил путь. Машина понеслась по шоссе, ведущему на север.

Наверное, пора представить путешественника. «Джулиан Траск, сорока с небольшим лет. Разведён. Траск — угрюмый красавец, полный сил и энергии. Манеры его сдержаны и отрезвляюще действуют на любого собеседника, как сухое martini, разведённое в правильной пропорции Речь Траска до

сих пор не утратила особого резкого акцента, который он вывез из Англии, перебравшись лет двадцать назад в США. Он серьёзен, улыбается редко, кажется, что его безжалостные глаза могут проникнуть в любую тайну. Возможно, в глубине этих глаз прячется и такая-то собственная тайна». Так описал Траска в небольшой статье, посвящённой заметным персонам в науке, один журнал пару лет назад. Сам Траск считал, что, несмотря на некую выпренность, оценки были не далеки от истины.

В Малибу, у одного из светофоров, пришлось затормозить. На обочине Траск увидел молоденькую блондинку с поднятым вверх большим пальцем. На дорожном языке это означало, что она просит подвезти. У блондинки была дорожная сумка, в глазах пламенела надежда, что на такую, как она, не обратить внимания просто невозможно. Загорелся зелёный, Траск, как бы извиняясь, пожал плечами и миновал девушку. Она не могла, конечно, знать, что при других обстоятельствах он почти наверняка гостеприимно распахнул бы дверцу автомобиля. Но только не сегодня. По дороге ему нужно было обдумать ряд очень серьёзных проблем. Траск ехал в Галэн.

3

...Этой девушке, пожалуй, нет ещё и двадцати. Даже сейчас смотреть на неё — сплошное удовольствие. Лицо выглядит пикантно бледным в обрамлении распущенных волос ярко-солнечного цвета. На ней платье из грубой ткани. Оно ей велико и висит как на вешалке, не доходя до босых ступней. Пустой желудок девушки протестует, урчит. Два дня ей не давали ничего кроме жалких порций воды. Она сидит на жёстком деревянном стуле. Кругом мрачно, к закопчённым каменным стенам прикреплены факелы. Смирада от них больше, чем света. Жирный дым жжёт глаза и носоглотку, вызывает приступы кашля. К девушке приставлено трое мужчин. Они призывали к смраду, их он не раздражает. Они — производное этого полумрака, дым и спёртый воздух камеры для них естественная среда обитания.

Один из троицы, раздетый до пояса, выпячивает потную, волосатую грудь. Сбоку его торс вылитая бочка. Он стоит рядом с девушкой и пышет на неё удушливой скотской вонью. Второй сидит за примитивным письменным столом. Он готов записывать — перо наготове перед листом бумаги. По выражению лица можно понять, что всё это ему порядком надоело.

Самый добродушный на вид третий. Но именно он внушает ужас девушке. У него седые волосы и глубоко посаженные глаза. Похоже, что когда-то был красив. Облачён в строгое одеяние магистра. Он произносит слова мягким, уверенным, хорошо поставленным голосом.

4

Каждый день Билл Картер, следуя стародавнему порядку, первым приходит в редакцию «Галэн Сигнала». Сегодня утром взор его не был безмятежно ясен, руки слегка дрожали, когда ключом отпирал дверь. Видно, вчера довелось здорово хлебнуть. Он прошёл прямо к старинному печатному станку, с которым нянчился полжизни. Станок был действительно допотопный, но фирменный знак «Михле» смотрелся на нём гордо. Да и работал он прилично, вполне удовлетворяя скромные потребности «Сигнала». Сперва Билл, как обычно, достал из тайника под станком бутылку джина. Хороший глоток — и по всему телу потекла благодать. Глаза прояснились, руки перестали дрожать. Можно приступать к делу. Билл слыл человеком очень дисциплинированным, работу свою любил и крайне редко пил... за порогом редакции.

Казалось, день обещал быть вполне обычным. Билл знал, как только он начнёт набирать оставленные Лорой с вечера материалы, тут же появится она сама. Так и произошло. Выглядела она просто блистательно. Впрочем, как и всегда. Сияющие глаза, приветливая улыбка, от линий фигуры, подчёркнутых строгим платьем, можно заиклиться. Несмотря на шесть десятилетий за спиной, Билл не считал себя настолько старым, чтобы не оценить её прелестей.

— Доброе утро, Билл, — поприветствовала хозяйка.

— Доброе утро, мэ, — вежливо ответил он.

И опять же, как всегда, Лоре понадобилось в последнюю минуту внести кое-какую правку: утро вечера мудренее.

— Билл, во втором абзаце статьи о налогах на собственность измени «справедливый» на «законный», — попросила Лора.

— Хорошо, мэм, — кивнул Билл. — Как говаривал ваш батюшка, если можно, то лучше использовать одноцилиндровое слово вместо четырёхцилиндрового. Эта статья о налогах вообще-то немного длинновата. Вы не хотели бы её подрезать?

— Нет. Если тебе нужна ещё одна колонка, то перенеси продолжение статьи на третью полосу и сними кинообозрение.

— Это вряд ли обрадует Джо Прескотта. Я и так уже выкинул большое рекламное объявление его «Парадиза».

— Пусть скажет спасибо, ведь мы раскритиковали картину.

В то же утро, но чуть позже, блестящий чёрный порше Джулиана Траска остановился перед галэнской гостиницей. Джулиан вышел из машины, постоял с минуту, разглядывая причудливый фасад здания колониальных времён. Улыбнулся. Он знал эту постройку давно, за минувшее время в ней ничего не изменилось. Достав из багажника большой чемодан — другой поклажи не было, — Траск вошёл в вестибюль.

Внутри гостиницы каких-либо заметных перемен тоже не произошло. И хозяин Джед Парди выглядел по-прежнему. Ему было около пятидесяти, когда Траск в последний раз посетил Галэн. Теперь в шестьдесят он казался всё таким же. Джед занимался счетами за своей конторкой, когда подошёл Джулиан. Парди глянул на него поверх очков:

— Помочь, сэр?

Он не вспомнил Джулиана или не узнал. И неудивительно. Ведь Джулиан в гостинице никогда не жил. Просто в былые времена он несколько раз тут обедал.

— Надеюсь, у вас найдётся комната? — спросил Траск, присаживаясь на чемодан.

— Конечно. А вы надолго к нам? — поинтересовался Джед.

— Пока точно не знаю.

— Ну и ладно. Живите сколько хотите. Только распишитесь вот здесь, пожалуйста.

Комната, в которой несколько минут спустя оказался Джулиан, была просто очаровательна. Запах дерева, кружевные занавески, широченная кровать с пологом, державшимся на четырёх столбиках. Всё это было из другого века и так приятно отличалось от пластика-хромированных номеров мотелей, с безликостью которых Джулиан уже смирился.

Долгая дорога вымотала его основательно, и он чувствовал себя разбитым. Первым делом — в душ. Положив чемодан на кровать, он раскрыл его. Достал бритвенные принадлежности. Среди вещей виднелась старинная книга в переплёте из толстого пергамента. Прежде чем пойти в ванную, он запер чемодан на замок.

Было уже около полудня, когда Джулиан Траск появился у редакции «Сигнала». Грохот печатного станка слышали даже на улице. Лора, сидя за столом, вычитывала гранки и так увлеклась, что не заметила, когда в комнату вошёл посторонний. Он наклонился к ней и попытался перекричать грохот:

— Я могу заказать у вас визитки?

— Тиснённые или обычные? — автоматически произнесла Лора, не поднимая головы. Потом она взглянула на заказчика и радостно воскликнула:

— Джулиан?

— Привет, Лора!

Сияясь быть услышанной в типографском шуме, Лора крикнула Биллу:

— По-моему, пора обедать.

Билл кивнул и выключил станок. Затем дипломатично вышел. Они остались наедине.

— Давно мы не виделись, — заметила Лора.

— Слишком давно.

— Что тебя снова привело в Галэн?

— Не знаю, поверишь ли, очень захотелось...

— Меня? Или в Галэне у тебя в запасе есть ещё какая-нибудь штучка? — рассмеялась она.

— Ты — единственная!

За шутливым тоном скрывался вполне серьёзный интерес друг к другу.

Они познакомились одиннадцать лет назад. Джулиан читал тогда курс лекций в колледже Галэна. А семнадцатилетняя Лора была одной из его студенток. Вчерашняя школьница по уши влюбилась в молодого британца. И его непреодолимо влекло к ней. Но Джулиан был человеком очень строгих нравственных устоев. К тому же не забывал о существовании в законе статьи «о растлении несовершеннолетних». Если бы не эти два сдерживающих фактора, Джулиан только поманил бы пальцем и...

— Как бы там ни было, — переменяла тему Лора, — появление в нашей дыре самого Джулиана Траска — повод для шикарного интервью. В кои веки Галэн ещё удостоится такой чести? Это прямо-таки событие.

— Плохое или хорошее? — уточнил он. — Пара собственных книг, понятных лишь посвящённым, и пасквиль в «Таймс» — этого маловато, чтобы считаться знаменитостью.

— Может, и так. Но с той поры, как ты читал здесь курс антропологии, ты многого добился. Чашечку кофе? — она поднялась и подошла к горячей плите, на которой в кофейнике булькал чёрный как смоль напиток.

— Спасибо. Мне со сливками, но без сахара.

— Ты пожалеешь об этом, поверь мне...

— Я вижу, что у тебя всё идёт нормально, Лора. На мой вкус твоё детище — «Сигнал» выглядит гораздо привлекательнее, чем издания конкурентов. К тому же ты сама намного симпатичнее, чем, скажем, издатель «Имперіума» Вильям Аллен Уайт.

— Ну спасибо, Джулиан.

— Конечно, это мнение лишь одного отдельно взятого мужчины, — добавил он.

— В избытке галантности тебя обвинить трудно.

— А я и не стремился к этому. Я просто воздаю должное уважение женщине, сражающейся на газетных баррикадах Галэна...

— Человеку, не женщине, — поправила она, — человеку из газеты.

— Ты права. Прости. Но, я надеюсь, ты и дальше позволишь мне думать о тебе прежде всего как о женщине, — сказал Джулиан, принимая от неё дымящуюся чашку.

— В противном случае я бы просто убила тебя...

Он осторожно отхлебнул кофе и поморщился:

— Пожалуй, действительно, без сахара не обойтись.

— Я тебя предупреждала, — Лора высыпала в чашку Джулиана полную ложку и продолжила начатую тему:

— Да, забот в газете у меня хватает. Естественно, что после смерти отца надо держать на уровне его дело. Но мне такая жизнь по вкусу.

— Ты замужем? — осторожно поинтересовался он.

— При моём-то образе жизни? Мне бы с газетой управиться, разве ещё на что-нибудь остаётся время?

Джулиан облегчённо рассмеялся:

— Этот кофе с сахаром действительно вкуснятина. Кстати, надеюсь, что, несмотря на всю занятость, ты сможешь выбраться со мной на ланч?

— Ну, если платишь ты...

— Да, пожалуй, на это моих доходов хватит...

— О'кей. И моей свободы от дел тоже. Погоди, я только напудрю нос.

Ресторан при гостинице остался точно таким, каким его запомнил Джулиан. Фонари-молнии, барометры, рыбацкие сети, разные океанские штучки... Всё это выглядело довольно старомодно, но тем не менее мило. Следы времени отпечатались на всём. Сколько ног прошло по этим коврам и сколько рук ошупало окружающие предметы за долгие десятилетия! Скатерть! Как здорово. Джулиану до смерти надоели клеёнки. Они выбрали столик, уселись за него.

— Я сегодня не успела позавтракать, — призналась Лора. — Спешила передать правку Биллу до запуска станка. Словом, я умираю от голода.

— Отлично, — заметил Джулиан. — Что будешь есть? Выбирай!

— Раз ты платишь, забуду о диете. К чёрту и калории...

— По-моему, калории распределяются в тебе вполне пропорционально... — бросил Джулиан.

Появилась официантка, и он сделал заказ. Когда девушка отошла от столика, Джулиан поинтересовался у Лоры:

— Дочка Сандерсов по-прежнему служит здесь?

— Да, до недавнего времени работала, — ответила Лора. — Надеюсь, что сможет вернуться сюда, как только поправится. Кстати, откуда ты знаешь, что она была официанткой? Ведь одиннадцать лет назад её просто не могло быть тут...

— Верно, тогда её здесь не было. Сейчас объясню всё по порядку. После окончания прошлого семестра я побывал в Мексике. Жил среди индейцев, собирал материал для работы, которую сейчас пишу. Речь идёт о религиозных ритуалах и применении настоя одного особого гриба для создания соответствующего состояния.

— Гриба?

— Ну да, его, видно недаром называют волшебным. Моеими исследованиями руководил один очень мудрый curandero — что-то вроде нештатного священника. Я узнал от него много интересного и полезного. Ну вот, а потом я вернулся домой в Сан-Диего. За время моего отсутствия накопилось много почты. В том числе и кипа номеров «Галэн Сигнала».

— Как! — Лора была потрясена. — Ты подписываешься на нашу газету?

— Между прочим, постоянно последние одиннадцать лет. А ты что же, не знала?

Она покачала головой.

— Это не мои заботы...

— С тех пор как я побывал в Галэне, он стал моей слабостью. Мне хотелось быть в курсе всех городских событий. Но из-за нескольких недель, проведённых в Мексике, о многих сенсациях я узнал с опозданием.

Из внутреннего кармана пиджака Джулиан достал кипу вырезок. Расправив, он положил их на стол. Они были из «Сигнала». Одна заметка с заголовком: «Студентка колледжа изнасилована и убита». Речь шла о Гвен Моррисей. Другая — «Официантка — вторая жертва насилия». Но был ещё подзаголовок: «Мэлани Сандерс в шоке. Нападавший не установлен». Лора пробежала глазами вырезки и вернула Джулиану.

— Да, — протянула она, — блестящий образчик жёлтой прессы. Жаль, что это наш «Сигнал». А что общего у этих злодейств с антропологией?

Джулиан скатал хлебный мякиш, покрутил его и, наконец, ответил:

— Знаешь, я ведь от чистой антропологии отошёл. Я практически разработал совершенно новое направление в науке.

— И какое же отношение твоё новое увлечение имеет к двум изнасилованным девушкам?

— Я предлагаю поговорить на эту тему после еды. Боюсь испортить нам аппетит.

Джулиан разломил ломтик хлеба.

— Как ты думаешь, Лора, у меня есть шанс повидать Мэлани Сандерс?

Лора пожала плечами:

— Об этом лучше спросить у Сэма Дженкинса.

— Я помню его, — сказал Джулиан, — а вот помнит ли он меня, сомневаюсь. Может, ты, боевая журналистка, представишь меня ему?

— Боевая журналистка могла бы это сделать, если бы ты так упорно не обходил её вопросы.

— Потом отвечу на все сразу, — улыбнулся Джулиан. — Но лучше продолжим у меня в номере. Там кое-что поможет мне растолковать, чем я занимаюсь.

Когда они вошли в номер, Джулиан закрыл дверь, а потом и запер её.

— Я не могу здесь долго оставаться, — заметила Лора. — Не забывай, что Галэн — маленький городок и сейчас солнце в зените...

— Ну да, а ты незамужняя женщина с незапятнанной репутацией, к тому же женщина деловая, — подхватил Джулиан. — Я всё понимаю, но дверь запер не по той причине, о которой ты логично подумала.

Он вытащил из-под кровати чемодан, отомкнул замок, ключ спрятал в карман.

— Садись, я кое-что тебе покажу.

Она присела на край кровати и смотрела, как он достаёт из чемодана огромную книгу в пергаментном переплёте.

— Что это, гуттенберговская Библия? — спросила Лора.

— Э, нет, эта книженция намного старше.

— Должно быть, она немало стоит?

— Ей цены нет, — не без гордости сказал Джулиан. — Это колоссальная редкость. Возможно, единственный экземпляр в Штатах.

Он держал перед ней книгу пока нераскрытой. Лора кончиками пальцев провела по выпуклым литерам, составлявшим название. Буквы были готические. Во втором слове над одной вместо положенной наверху точки была сквозная дырочка. Края её напоминали отверстие от пули.

— «Artes Perditaе», — прочитала Лора вслух, — «Потерянные искусства»?

— Смотри, ты ещё помнишь латынь!

— По крайней мере настолько.

Она наугад открыла книгу. Коричневый пергаментный переплёт скрипнул. Лора медленно, страница за страницей, перелистывала книгу, проглядывая её с явно возрастающим интересом. Она вчитывалась в тесные столбцы букв, все они были остроконечными, как и должно старинному готическому шрифту. Плотные ряды печатного текста перемежались иногда довольно натуралистическими небольшими гравюрами, изображавшими колдунов, ведьм, демонов. Перевернув очередную страницу, Лора спросила:

— А это на каком языке, это же не латынь.

Она стала складывать буквы в слова.

— «Oreela boganna...»

— Нельзя! — закричал Джулиан и одним махом захлопнул книгу.

В этот момент они услышали низкий мощный звук, как будто бы подал сигнал, проходящий под зданием гостиницы поезд метро. На прикроватной тумбочке подпрыгнул и звякнул стакан, стукнувшись о графин с водой. Лора испуганно вскочила и прижалась к Джулиану. Звук прервался так же неожиданно, как и возник.

— Всё в порядке, — оглядевшись, сказал Джулиан. — Ничего страшного не случилось.

На лице Лоры мелькнуло смущение.

— Не знаю почему, но я никак не могу привыкнуть к этим мелким калифорнийским землетрясениям, хотя живу здесь с самого рождения.

Джулиан участливо сжал её руку:

— Да, может, это и было такое землетрясение.

— Естественно. А что же это ещё могло быть?

— Ничего. Это было маленькое землетрясение. Ты права.

Она с удивлением посмотрела на него, он как раз прятал книгу в чемодан.

— Ты обещал показать мне нечто необычное? — напомнила Лора.

С притворным удивлением Джулиан ответил:

— Показать? Да это был всего лишь предлог заманить тебя сюда. — Он слегка обнял её. — Не торопись...

— Нет, я правда не могу остаться, — затем, понизив голос, добавила, — сейчас не могу.

Мягко высвободившись из объятий Джулиана, Лора направилась к двери.

— Я устрою тебе встречу с Сэмом Дженкинсом. Может быть, даже сегодня днём он сможет принять тебя.

— Спасибо.

Она улыбнулась.

— Надеюсь, твоё приглашение остаётся в силе?

— Подумаю об этом на досуге, — шутливо ответил Джулиан.

Она приняла шутку и, рассмеявшись, вышла из комнаты. Джулиан вытер платком неожиданно взмокший лоб. «Это было весьма близко», — загадочно пробормотал он и с удивлением заметил, что руки его трясёт мелкая дрожь.

5

...Он произносит слова мягким, уверенным, хорошо поставленным голосом:

— Ты, ничтожество, должна сказать мне всю правду.

Эту фразу он повторяет уже в который раз. Она отрицательно качает головой. Ведущий допрос вздыхает и поворачивается к тому, кто пишет протокол:

— Запиши это так: обвиняемая отказалась добровольно давать показания и посему сего числа была подвергнута пытке.

Услышав этот страшный приговор, она сжалась. Полуголый, стоящий возле девушки человек удовлетворённо ухмыльнулся. Пишущий зашуршал пером по бумаге.

— Ты готов? — спрашивает инквизитор палача.

Тот кивает.

— Тогда приступай. Только сначала не применяй крайней степени. Помолится, чтобы ей хватило разума заговорить до того, как придётся прижать её посильнее...

Тот, кого назвали палачом, туго привязывает девушку к стулу кожаными ремнями. Со стола, стоящего в тёмном углу, берёт металлический предмет — инструмент своего ремесла. Это нечто вроде тисков.

— Пальцы рук или ног зажимать, мой господин? — почтительно спрашивает он инквизитора.

Тот поводит плечами, предоставляя мастеру самому решить столь несложную задачу. Девушка, дрожа от ужаса, смотрит на палача, опускающегося перед ней на колени. Он осторожно берёт её ступню, будто собирается, как в сказке, примерить хрустальную туфельку. Но пальцы у него грубые, мозолистые. Шершавые прикосновения царапают её нежную кожу. Она инстинктивно пытается вырваться, но он крепко держит ножку. Он вкладывает один из пальцев в тиски и начинает медленно закручивать их.

6

Доктор Самюэль Дженкинс искренне заблуждался в одном: он считал себя непревзойдённым остряком. Не хуже, скажем, Марка Твена или Билла Роджерса. Надо признать, что основания на то у Дока были. Довольно долгое время он регулярно публиковал юмористические заметки в соответствующей колонке «Галэн Сигнала». Подписывал их псевдонимом, составленным из имени одного и фамилии другого почитае-

мых им юмористов. Получился Билл Клеменс. Лора с удовольствием печатала творения доктора. Они заполняли газетную площадь, он не требовал гонорара в обмен на обещание не разглашать тайну псевдонима. Но, несмотря на договорённость между автором и редактором, большинство читателей прекрасно знали, кто такой Билл Клеменс. Они были постоянными пациентами доктора и за долгие годы общения усвоили его манеру шутить.

В этот день доктор, ожидая прихода Джулиана Траска у себя в кабинете, вычитывал свой последний опус, делал пометки карандашом, наслаждаясь блеском глубокомысленного текста. Вот он.

В последние годы в среде молодых женщин — сторонниц равноправия с мужским полом — растёт число предпочитающих обращение „MS“, что произносится как „МИЗ“. Суть в том, что „мисс“ определяет незамужний статус. „Миссис“ же сразу открывает гражданское состояние. А вот „МИЗ“ о семейном положении никак не свидетельствует, что, по мнению эмансипанток, является признаком свободы. Их раздражает то, что мужчинам к имени не приклеивают ярлыков, свидетельствующих о том, состоят они в браке или нет.

Лично для меня „MS“ испокон веков имеет три вполне определённых значения. Во-первых, это „манускрипт“. Во-вторых, — рассеянный склероз, в-третьих, — Минни Сойер, с которой, когда мы учились в первом классе, у нас получилось... Впрочем, дело это интимное.

„МИЗ“ почему-то сразу вызывает у меня ассоциации с мятным коктейлем, кринолинами и сладким позвякиванием банджо. Мне вспоминаются Скарлетт О'Хара, Баттерфляй и даже прародительница Ева. И моим губам, привыкшим в своё время к грубому северному выговору, очень не просто поюзному просюсюкать „МИЗ“. Тем не менее я не собираюсь обижать славных дам и поэтому тренируюсь в произношении треклятого слова на разный манер. Наиболее успешно мне удаётся имитировать гудение слепня. Я стараюсь быть очень галантным, но срываюсь. Максимум того, на что я могу пойти в общении с этими „людьми женского рода“ (видите,

на какие определения меня провоцируют словечки типа „МИЗ“) — это придумать что-то новое, бесполое. Тогда отпадут всякие мисс, миссис, мистер и тому подобное. И никто не будет даже косвенным образом вмешиваться во внутрисемейные дела. А это вмешательство начинается уже на поверхности конверта. Если на нём написано „мистер“, то почтальону нетрудно догадаться, что письмо адресовано мужчине. Но это может стать поводом для смущения, если его доставляет женщина. Ей самой приходится идти в дом незнакомого мужчины. Итак, давайте решим, что обращение ко всем гражданам, вне зависимости от их возраста, семейного положения, пола и вероисповедания, должно быть одинаковым. Посему предлагаю использовать одну букву „М“. Произноситься как долгое „mmm“. В конце звукосочетания можно повысить тональность, как бы ликуя по случаю освобождения от необходимости определения пола собеседника. Ведь именно к этому мы и стремимся, не так ли?

Кое-кто может сказать, что „mmm“ слишком неуклюжее мычание. Советую потренироваться, сидя в номере какого-либо приличного отеля, никуда не спеша и потягивая скотч. Наличие виски — условие обязательное. В моём случае это происходило в местной гостинице, и Джед Парди приказал не наливать мне больше спиртного — он неправильно истолковал моё мычание. В этот прискорбный момент у меня родилась замечательная идея. А что, если обращаться вообще без букв, только со знаком вопроса. Правда, произносить этот самый знак вслух мне научиться не удалось, хотя я делал попытку за попыткой. Не знаю, что подумал Джед, но он весьма решительно проводил меня до двери заведения.

В конце концов я пришёл к выводу, что вообще надо избавиться от любых приставок, а заодно не употреблять и тех имён, которые тебе не нравятся.

Но при трезвом размышлении до меня дошло, что самым возмутительным образом посягают на нашу индивидуальность имена вообще. Имя открывает постороннему наш пол. Более того, наши фамилии обнажают этнические корни каждого. Во-первых, это просто оскорбительно, а во-вторых, это явное ущемление конституционных прав. Из самых лучших

чувств к человечеству я предлагаю: давайте все откажемся от своих имён и всяких мистеров и миссис. Давайте обращаться друг к другу по номерам страховых полисов.

Поразмыслив, Док решил вымарать рассуждения о почтальонше. Дело в том, что за всю историю Галэна в городе ни одной почтальонши не было. Недрогнувшей рукой он вычеркнул этот пассаж. Затем с чувством удовлетворения откинулся на спинку стула. Буквально секунду спустя в дверь кабинета постучали.

Док на редкость чётко помнил Джулиана ещё с тех пор, когда тот преподавал в галэнском колледже. Как только Джулиан предстал перед ним, Док проницательно посмотрел на него и изрёк с умным видом:

— Был камень в почке, не так ли?

— Правильно, — не без удивления ответил Джулиан. — Однако память у вас...

— Высокий уровень мочевой кислоты, более семи целых двух десятых. Всё ещё принимаете зилоприм.

Джулиан кивнул.

— Правильно, только пейте побольше воды, несколько литров в день, ни в коем случае не допускайте обезвоживания организма. С тех пор были ещё камни?

— Упаси бог! Никаких камней, абсолютно здоров.

— Вы и выглядите превосходно. Садитесь поудобнее.

Джулиан просто утонул в глубоком, обитом кожей кресле.

Кожа была старая, коричневого цвета. Док устроился за письменным столом.

— Я не был уверен, что вы меня помните, — сказал Джулиан. — Поэтому и попросил Лору Кинсайд посодействовать встрече.

Док Дженкинс улыбнулся:

— Для Лоры я готов сделать невозможное. Её отец был одним из самых близких моих друзей. Она и сама хорошая девочка. Очень смышлёная... и симпатяшка. Ей надо найти себе приличного мужа. Если бы я не был женат и стар... Так зачем же я понадобился вам?

— Мэлани Сандерс...

— Что именно?

— Она меня интересуется...

Док хмыкнул:

— Не одного вас. Кого-то минувшей ночью она тоже весьма заинтересовала, да так, что он её чуть не прикончил.

— Знаю, — сказал Джулиан. — Именно поэтому я здесь. Хотел бы увидеться с ней и, если можно, поговорить.

Доктор отрицательно покачал головой:

— Девушка в состоянии шока. Тяжелейшего. Я не смею допустить ни малейшего стресса. Тем более Мэлани всё равно ничего не сможет рассказать. Она не произносит ни слова. Временами приходит в сознание и тут же начинает страшно кричать. Поэтому держу её всё время на транквилизаторах.

Джулиан наклонился к Доку.

— Уверяю Вас, если бы я переговорил с ней, то наверняка достучался бы до её сознания и узнал, кто на неё напал.

— Достучался бы до её сознания, — ворчливо повторил Док. — Это как раз и погубит её. Я признаю, мистер Траск, вашу учёность, но вы не психиатр, даже не терапевт в конце концов, как я. Как же я могу разрешить вам, антропологу, вторгаться в сферу, в которой вы некомпетентны.

— Доктор, — спросил Джулиан, — а нет ли в этом деле какой-либо необычной детали, что не попало в газеты и с чем связано подобное состояние Мэлани?

— Как вы об этом узнали? — насторожился Док.

— Это всего лишь предположение. Вспомните случай с другой девушкой, Гвен Моррисей. В газете писали, что она умерла, но не сообщали, что её убили или зарезали. Очевидно, жертва подверглась только сексуальному насилию. Но часто ли женщина умирает после полового акта, даже если имело место изнасилование? И между прочим всего минуту назад вы сказали, что Мэлани Сандерс чуть не была умерщвлена. Каким образом?

Док Дженкинс встал из-за стола и подошёл к окну. Посмотрев отрешённо на улицу, он вернулся на своё место. Затем, как бы выигрывая время, взял трубку и стал набивать её душистым табаком.

— Мистер Траск, — наконец произнёс он, — поймите, мисс Сандерс прежде всего моя пациентка. Я обязан относиться к её личной жизни с большой щепетильностью. И не имею права всем подряд рассказывать об интимных подробностях её физического состояния.

Джулиан сменил тактику.

— Почему не арестован Тим Галэн?

— Об этом спросите у шерифа.

— Тим Галэн был с Мэлани рядом в ту ночь, не так ли? Почему же он не стал основным подозреваемым?

— Потому, — ответил Док твёрдо, — что он не мог быть насильником.

— Как так не мог? — возразил Джулиан. — Он что, не мужчина? Вполне созревший парень.

Док Дженкинс молчал.

— Или, — упорствовал Джулиан, — он не способен? Он что, импотент?

— Тим — тоже мой пациент, — подчеркнул доктор, — и о нём мы не будем говорить равно так же, как о здоровье Мэлани.

Джулиан вздохнул.

— Мне нужно от вас согласие всего-навсего на минутную встречу с Мэлани Сандерс. Неужели это такая невыполнимая просьба?

— Одна минута?

— Это всё, о чём я прошу.

— Но не наедине...

— В вашем присутствии...

Док так и не раскурил свою трубку. Теперь наступил момент сделать это. И подумать. Док затягивался, причмокивая, пока трубка не разгорелась.

— Я никак не возьму в толк, почему это вас так интересует, — процедил он, — но Лора поручилась за вас...

Потом, как бы решившись, подошёл к вешалке, сорвал с крючка свою шляпу и, нахлобучив её на голову, сказал:

— Ну, ладно, поехали.

Уже в бьюике по дороге в больницу Джулиан спросил:

— Что заставило вас изменить первоначальное решение?

Дженкинс ответил не сразу.

— Ваше предположение о причине смерти девушки из колледжа весьма приближено к реальности. Скорее всего вы ищете в правильном направлении. Я не заинтересован вам мешать ещё и потому, что моя дочь всего на два года моложе Мэлани, и...

В этот момент тормоза взвизгнули, и машина резко остановилась. Лишь чудом под её колёса не попал милый молодой человек довольно рассеянного вида. Природа чересчур щедро одарила его веснушками и вызывающе рыжими волосами. Он смущённо улыбнулся доктору.

Высунувшись в окошко, Док сердито закричал:

— Чёрт побери, Чарли, ты что хочешь угодить в мою больницу?

— Простите, Док, но, придавив меня, вы в конечном счёте неплохо бы заработали на лечении...

— Странный юмор, — хмыкнул Дженкинс, нажав на газ. — Это Чарли. Его отец — владелец нашего кинотеатра. В этом году исполняет обязанности мэра. Чарли — далеко не дурак, хотя и разыгрывает роль провинциального простака.

— Тоже ваш пациент?

Док кивнул.

— И вы считаете, что, как и Тим, он тоже не мог быть насильником?

— Да, Чарли не тот, кого мы разыскиваем. Более того, я думаю, что преступник вообще не житель Галэна. Наверняка — приезжий.

— Занятно, — пробормотал Джулиан, скорее всего обращаясь к самому себе.

— Послушайте, Траск, почему бы вам сразу не открыть все свои карты? Почему у вас, совершенно постороннего здесь человека, смогли возникнуть подозрения по поводу Тима и Чарли? Я ведь сказал вам, что они просто не могут совершить такой пакости. Я знаю этих парней с пелёнок.

— Доктор, — спокойно ответил Джулиан, — я готов выложить все карты на стол. Но сделаю это только после свидания с Мэлани Сандерс.

— Годится, — сказал Док, поворачивая машину к стоянке около больницы.

— Как Мэлани сегодня? — поинтересовался доктор у дежурной медсестры, сидевшей за столиком у входа.

— Очень хорошо, доктор, — ответила та. — Сегодня она совершенно в порядке. Уже несколько часов не давали успокоительных. Она перестала кричать.

— Прекрасно, раз так, — бросил доктор и, миновав сестру, пошёл по коридору.

Джулиан следовал за ним. У палаты Мэлани Док остановился:

— Я войду первым, сам посмотрю, как она. Если мне не придётся по какой-либо причине изменить решение, я вас позову. Но в любом случае, как договорились, я впущу вас только на одну минуту. Подождите меня здесь.

Доктор исчез за дверью палаты. А мысли Джулиана тотчас вернулись к тем двум словам, которые Лора сегодня прочла вслух в номере отеля. До него вдруг дошло, что с этой книгой нельзя так вольно обращаться, и он решил не говорить больше о ней с Лорой. Зачем волновать её? Но тут дверь палаты распахнулась, и доктор Дженкинс обессиленно прислонился к косяку. Лицо его было серым.

— Боже мой... — прошептал он.

Джулиан, отстранив его, ворвался в палату и чуть было не наткнулся на босые ноги. Они болтались на уровне его глаз. Он поднял голову и увидел висевшую под потолком девушку. Лицо её уже посинело, глаза выкатились, язык вывалился изо рта. Мэлани Сандерс повесилась на проходящей сверху трубе отопления, прицепив к ней верёвку, сплетённую из лоскутов больничной рубашки. Джулиан автоматически зафиксировал совершенно неуместную деталь — ногти на ногах Мэлани были покрыты ярко-красным лаком.

7

...Он вкладывает один из пальцев в тиски и начинает медленно закручивать их. Боль пронзает её тело, и она истошно кричит.

— Скажи мне, — тянет монотонно инквизитор.

Она, стиснув зубы, отрицательно качает головой. Палач сильнее затягивает орудие пытки. Извиваясь на стуле от боли, она чувствует и слышит, как ломается маленькая косточка.

— Скажи мне, — повторяет инквизитор.

Девушка молчит. Из ноги потекла кровь. Стоя на коленях, палач оборачивается к инквизитору:

— С вашего позволения, милорд. Эти стервы зачастую прибегают к дьявольским штучкам, которые позволяют им заглушать боль, ниспосылаемую каждому божьему творению. Вы зря не позволяете тщательно обыскать её.

— Да, но крик её так жалобен и естественен...

— Притворство, сэр, — не отступает палач. — Эти распутницы по самой своей природе обманщицы.

Инквизитор смотрит на палача в упор:

— Ты настаиваешь... Хочешь обшарить её и получить своё удовольствие? Не стану мешать. Валяй... — Инквизитор устало машет рукой.

Усердный палач рывком срывает с девушки рубище. Та пытается стыдливо прикрыть наготу, сжав колени. Палач несколько ослабляет ремни, притягивающие девушку к стулу. Крепко прижимает её голову к своим коленям и...

8

Вечером того ужасного дня, когда доктор осмотрел тело несчастной Мэлани и уладил формальности с шерифом, он встретился с Джулианом у себя дома. Был уже двенадцатый час.

Дверь симпатичного двухэтажного коттеджа Док открыл сам. Он был в свитере, джинсах, домашних тапочках и со стаканом в руке.

— Я уже пропустил пару глотков, — сказал он. — Так что вам придётся догонять меня.

— Несколько лет назад именно вы посоветовали мне воздерживаться от выпивки из-за моих почек, — напомнил Джулиан.

— Сегодня считайте это врачебным предписанием. Пройдёмте в гостиную, я познакомлю вас с женой.

Марте Дженкинс было около пятидесяти. Лицо, пожалуй, излишне простоватое, смягчало выражение доброты. По-полнев с годами, она стала привлекательней, чем в молодости, превратилась, по выражению доктора, в «пухленькую и приятную пышечку».

Представив Джулиана супруге, доктор посетовал, что не может познакомить его и с дочерью — её, к сожалению, нет дома.

— Она ушла с Тимом Галэном, — неодобрительно заметила Марта.

— Брось, Марта, в компании Тима Дженни нечего опасаться. Сколько раз тебе это повторять? Будь гостеприимной хозяйкой и предложи мистеру Траску чего-нибудь выпить.

Он обернулся к Джулиану:

— Скотч с содовой годится?

— Вполне.

— И мне ещё порцию, дорогая, — попросил Док.

Марта подала мужчинам виски. Доктор не стал дожидаться тоста или произносить его. Он поднёс стакан к губам и одним глотком отпил его наполовину.

Марта улыбнулась Джулиану и направилась к выходу:

— Я вас покидаю, оставайтесь наедине со своими мужскими разговорами.

Доктор опустилсЯ в просторное кресло.

— Мужские разговоры, — повторил он, — что ж, наверное, так и есть: насилие, убийство, самоубийство. Всё это не для дам... — Он поёжился.

— Бедная Мэлани. Она не смогла перенести этого ужаса. Впрочем, бедняжке всё равно грозила смерть от последствий. Этот убудок истерзал её. Если бы она в конечном счёте и выжила, то никогда не смогла бы рожать. Может, такой финал и лучше...

— Может, и лучше, — отозвался Джулиан. — Но жаль, что мне не удалось поговорить с ней и кое-что узнать. Не исключено, что хватило бы всего нескольких слов.

— Хватило бы для чего? Вам, антропологу?

— Признаться, я больше не занимаюсь антропологией. Стал своего рода сектантом. Сфера моих теперешних интересов — экзотическая культура.

— Название экстравагантное, — проворчал Док.

Джулиан виновато улыбнулся.

— Его придумала пресса. Гораздо точнее было бы сказать сверхъестественные культуры.

— Что значит сверхъестественные... Выше барьера природы? Природа — единое целое, и возвыситься над этим монолитом ничто не способно.

— Не совсем так. То, что я имею в виду, — не выше природы, но выше её законов в том смысле, как мы их понимаем и толкуем.

— Я не назвал бы это принципиальным различием в подходе, — возразил Док. — Не кажется ли вам, что всё это тарбарщина?

— Не совсем. В конце концов, то, что вчера трактовалось как суеверие, сегодня обретает научный фундамент. Астрология со временем стала астрономией, алхимия — химией. Возьмите свою область. Вспомните о траволечении примитивных племён, народной медицине, акупунктуре, плясках шаманов. Теперь это всё шире использует медицина.

— И всё же вам придётся признать, что от вашего нового увлечения чуть-чуть пахнет шарлатанством, — заметил Дженкинс.

— Необходима поправка: не чуть-чуть, а в большой степени. Это одна из главных моих проблем. Как заставить людей серьёзно воспринимать подобную информацию, не хихикать и по крайней мере выслушивать меня до конца? Потому-то я и придумал такое весьма гибкое определение цели своих исследований. Знаете, зачастую всё зависит от первоначального восприятия, в частности, от названия. Окрестите нечто привидением — и все дружно посмеются над вами. А вот если то же самое представить «проявлением постоянной энергии, продолжающей действовать и после факта физической смерти», то вполне возможно, что вас начнут слушать.

— Мистер Траск, — прервал его доктор, — надеюсь, вы не хотите сказать, что несчастных девушек изнасиловало привидение...

— Нет, это было кое-что поощутимее, чем привидение, и гораздо опаснее...

— И что же это могло быть? — допытывался Дженкинс. Джулиан собрался ответить, но в это время они услышали, как открылась, а потом захлопнулась входная дверь. В комнату вошла необыкновенно хорошенькая девушка лет восемнадцати. Цвет её волос напоминал початок кукурузы.

— Это Дженнифер, моя дочь.

Девушка поцеловала отца, её голубые глаза с откровенным любопытством оценивали Джулиана, который привстал с кресла.

— Детка, это мистер Траск, мой давнишний пациент. Он когда-то преподавал в нашем колледже...

— Называйте меня просто Дженни, пожалуйста, — протянула руку девушка. — Только папа зовёт меня Дженнифер и то после пары порций виски. Алкоголь превращает его в бюрократа.

Джулиан кивнул:

— Здравствуйте, Дженни.

— Надеюсь, ты хорошо провела время? — поинтересовался Док.

— Увы... Тим сегодня был слишком грустным.

— Сегодня всем не до веселья.

Улыбнувшись Джулиану, Дженни сказала:

— Я пошла спать, папа. Приятно было познакомиться, мистер Траск.

Она быстро побежала по лестнице вверх, в спальню.

— Очень симпатичная девушка, — сказал Джулиан. Доктор кивнул.

— Да, так на чём мы остановились?

Джулиан пригубил стакан, который держал в руке.

— Есть такая книга «Потерянные искусства», — взглянул он на хозяина, — но я начну с чего-либо попроще и воспользуюсь цитатой из другой. Надеюсь, в вашем доме найдётся Библия?

— Естественно. Кроме того, справочники, энциклопедии, словари, «Цитаты» — сборник Барлетта, Книга рекордов Гиннеса и Библия...

— Похоже, вы не особенно набожны?

— Скорее я слегка верующий скептик, — ответил Док. — Каждое утверждение для меня ложно, пока не доказано обратное.

— Прекрасно. В этом мы похожи. Меня самого непросто купить на чудесах. Вы не против, если мы воспользуемся вашей Библией? Только в качестве справочника...

— Кто бы возражал. — Док направился к книжным полкам. Достав том в кожаном переплёте, он повернулся к Джулиану:

— Издание Кинга Джеймса подойдёт?

— Откройте Книгу Бытия. Шестая глава...

— Нашёл.

— Прочтите, пожалуйста, вслух. Только с самого начала.

— «...Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери...» — Док прервал чтение и глянул на Джулиана:

— От такого возвышенного горло пересыхает.

Он отложил Библию в сторону, взял виски и предложил Джулиану выпить, но тот отказался.

— А я себе, с вашего позволения, плесну каплю. Сегодня кошмарный день.

Из-за содовой смесь в стакане доктора была совсем прозрачной. Он лил в него виски до тех пор, пока питьё не стало тёмно-янтарным. Док поднял стакан, поднёс к свету и сказал отрешённо:

— Вот это вполне похоже на совершенно первоклассную мочу...

Вернувшись к креслу, он глотнул из стакана, извинился за прерванное чтение.

— Не уверен, что Библия или какая-либо другая подобная книга поможет вам найти галэнского насильника. При всём уважении к вашей, так называемой, науке, я скажу, что всё это галиматья, очковтирательство, чепуха и, извините, куча дерьма. Отнесём мою грубость на счёт виски.

Джулиан снисходительно махнул рукой:

— Я к этому привык. Девяносто процентов терпения мне приходится тратить на то, чтобы дать людям возможность преодолеть предубеждённость.

— Предубеждённость? Вы именно так поняли мою реакцию? — обиделся Док.

— Ну, а как ещё можно определить поведение человека, который выключает разум и ничему не внимлет?

— Вполне логично, — кивнул Дженкинс. — Но мне кажется, что мы зря тратим драгоценное время на путешествие в страну фантазий. Весьма вероятно, что, пока мы сидим здесь и перелистываем Библию, этот нелюдь слышит последний вздох своей жертвы.

— У вас есть более дельная идея? — встрепенулся Джулиан. — Неужели вы и впрямь думаете, что мы больше выиграли бы, лазая по кустам?

— Упаси Боже, — покачал головой Док. — Просто я устал, напуган, расстроен, и к тому же немного пьян.

— Да, уже поздно. Мои теории слишком сложны для восприятия в такое время суток. Что, если нам перенести дискуссию на завтра? — спросил Джулиан.

— Не могу не согласиться, — ответил Док, — но только при одном условии — вы должны ещё немного выпить со мной.

— Простите, доктор, но я уже взял свою норму, и даже больше. Вы же знаете моё состояние.

Наверху, в своей спальне Дженни готовилась ко сну. В окно струился прохладный воздух, остро приправленный ароматом, исходящим от большого дерева — бразильского перца. Он рос возле дома, и ветки дотягивались почти до окна комнаты.

Пригнувшись вплотную к ветке, укрывшись в листве и под покровом темноты за всеми движениями Дженни внимательно наблюдала некая фигура. Она (с земли не было видно точно, кто это) сидела на корточках. Округлые ляжки состояли из сплошной сети мышц. Пальцы ног цепко впились в кору дерева. Глаза ни разу не моргнули.

Дженни, не расстёгивая, стянула платье через голову, не боясь смять волосы, и бросила его на постель. Расстегнув на спине лифчик, она тоже швырнула его на кровать. Грудь у неё была маленькая, но прекрасной формы. Молодые соски цвета чайной розы смотрели вверх.

Тот, кто притаился на ветке, ещё сильнее впился ногтями в кору.

Тем временем Дженни аккуратно спустила колготки со слегка округлых бёдер. Сев на край кровати, она стянула их со стройных ног и резко поднялась. Волосы внизу живота напоминали спутанный шёлк. И шёлк этот был чуть темнее золота, обрамлявшего голову.

Аромат, исходивший от Дженни и напоминавший мускус, долетел до тёмной фигуры на дереве и поразил как удар. Ноздри расширились, норовя втянуть дразнящий запах как можно глубже. Язык нервно облизывал пересыхающие губы. Голова закружилась. Мыслей в ней не было — только чувства, желания, потребности. Смесь этих эмоций бушевала внутри, как огонь в топке, обжигая нервы.

Не потрудившись даже накинуть халат — Дженни считала, что находится в полном уединении, — она нагая уселась перед зеркалом за туалетным столиком и принялась расчёсывать волосы. При каждом движении грудь её колыхалась как цветок, обдуваемый лёгким ветерком. Её голая спина была будто из атласа. Позвоночник хрупким длинным изгибом проходил от шеи к глубокой впадине внизу спины. Опьянённый этим видением, тёмный силуэт на ветке ощутил прилив крови и передвинулся ближе к окну. Дженни поднялась. И он увидел её сразу в двух плоскостях. С одной стороны было отражение в зеркале. Всё вместе открыло прекрасный вид на грудь, живот, ягодицы, кудрявое лоно.

Волна чудесного аромата от тела девушки теперь уже плотно окутывала подползавшего всё ближе к открытому окну наблюдателя. Раздался стук в дверь.

— Минутку, — откликнулась Дженни и легко на цыпочках подбежала к шкафу взять халат.

Фигура отпрянула от окна под укрытие листья. Дженни накинула халат и открыла спальню.

— О, это ты, папа!

Подглядывавший быстро и бесшумно спустился с ветки и растворился в темноте.

— Не пора ли тебе спать, а?

— Я уже собираюсь. Твой гость ушёл?

— Да, ушёл. Укладывайся, спокойной ночи, детка!

— И тебе тоже, папа.

А далеко за окнами их дома убегающая фигура слилась с бесстрастной темнотой ночи.

9

...Палач крепко прижимает её голову к своим коленям и ловким движением раздвигает ягодицы. Натренированным указательным пальцем ощупывает доступные углубления. Она вскрикивает больше от унижения, чем от боли. Он грубо разводит её сжатые колени и продолжает обследование. Всё глубже и глубже уходят два пальца, щиплют и мнут её плоть, что-то ищут.

— Ясно, что ты не девственница, — бормочет истязатель.

— Хватит! — кричит инквизитор. — Уже видно, что ты там ничего не нашёл.

— Не нашёл, сэр.

Повернувшись к терпеливо ожидающему писарю, инквизитор произносит:

— Обвиняемая была раздета и подвергнута тщательному обыску. В естественных углублениях её тела не было обнаружено никаких амулетов и талисманов, способных делать плоть нечувствительной к боли. Она была опять отдана палачу, которому поручено подвергнуть её самой тяжёлой пытке.

Лицо палача светлеет при этих словах:

— О! Дыба приведёт её в чувство, милорд!

Он энергично начинает отстёгивать ремни от стула, чтобы освободить девушку. Старый магистр подходит к ней поближе и вкрадчиво начинает говорить...

10

— Она умерла.

Эти слова были произнесены сухим, холодным и бесцветным голосом. Он принадлежал Агате Галэн. Эта женщина — а ей уже за семьдесят, — казалось, была создана из кремня. Но дело не в возрасте. И в молодости мисс Галэн была грозой для окружающих. С фотографий, где ей от силы двадцать, смотрит всё то же мрачное лицо, окаймлённое строгой причёской. Казалось, этот рот никогда не улыбался, а взгляд просто гипнотизировал.

Агата, так же как и её родители, провела в этом доме всю жизнь. Дом был построен в стиле средних веков: крутая крыша, свинцовые оконные переплёты, высокие трубы и нависающий над землёй верхний этаж — всё вместе напоминало о временах давно ушедших. Вид у этого серого памятника прошлому был неухоженный, обветшалый.

Утреннее солнце проникло в столовую. Агата Галэн, облокотившись на номер «Сигнала», смотрела на своего племянника через стол. Он так и не притронулся к яичнице с ветчиной и молча пил кофе.

Тёткин взор скользнул по худощавому, но хорошо сложенному телу Тима Галэна, необычайно красивому лицу, как бы пригладил густую шапку каштановых волос. Высокие скулы придавали янтарным глазам юноши языческий вид, делали их раскосыми как у фавна. Губы полные, чувственные, такие же были и у его матери. Говорили, что Тим похож на мать.

— Ты меня слышишь, Тимоти? — спросила тётка, — пишут, что твоя подружка покончила с собой в больнице.

— Я знаю, — не глядя на неё, коротко ответил племянник. Агата аккуратно сложила газету.

— Интересно, что ты думаешь по этому поводу?

Он взглянул в её блёклые глаза.

— Конечно, это мне не безразлично. Но почему ты упорно называешь её моей подружкой? Моя девушка Дженни Дженкинс. А с Мэл мы всего один раз сходили искупаться...

— Да, один раз... Но именно этот раз для неё оказался роковым.

— Тётя Агата, — вздохнул Тим, — я чувствую себя мерзко из-за этого, но я совершенно чист и не виновен.

— Дай Бог, чтобы это было так.

Тим ошарашенно взглянул на тётку.

— Неужели ты могла подумать, что это я?

Она не ответила.

Он отбросил салфетку и резко поднялся из-за стола.

— Возможно, — заметила Агата, — тебя нельзя винить...

Тим повторил её слова:

— Нельзя винить... Значит, это у меня в крови, да? Мне что, опять предстоит выслушать всю подноготную моих злых предков?

— Твой отец был прекрасным человеком, — резко оборвала его Агата.

— Ну, конечно, твой брат просто не мог сделать ничего худого. Это я уже знаю. Он был Галэн! Его предки построили этот город. Ну а потом к нему прилипла эта развязная девица...

— Кейт Довер была женщиной свободных нравов.

— Она была моей матерью. И тоже Галэн. Пожалуйста, не забывай об этом. Мой отец дал ей это имя, твоё имя и моё имя.

— Она никогда не принадлежала к Галэнам, — блеснула глазами Агата. — Я лично никогда не соглашалась с этим. Такая женщина... бесстыжая. С отвратительными привычками. Её предков сожгли за колдовство...

— Это бабушкины сказки!

— Это правда...

— Сомневаюсь, — не сдавался Тим. — Но даже если и так, что её предков сожгли заживо, то кто сжёг? Твои предки.

— Да, — гордо подтвердила Агата, — мы, Галэны, наказывали грешников. И никогда этого не стыдились.

— Не стыдились? Убийства, пыток?

— Это делалось во имя Бога...

— Да, это же они были божьими избранницами, те бедные женщины, которых вы, Галэны, живых сжигали! — Он повернулся и, разозлённый, вышел из комнаты.

— Тимоти, — позвала Агата. — Вернись! — Но в ответ он лишь хлопнул дверью.

Агата ещё некоторое время посидела за столом, спина как всегда прямая, словно доска. Затем встала и медленно покинула столовую, исчезла за дверью, которая вела в подвал. В кромешной темноте нащупала выключатель, зажгла свет. Голая без абажура лампочка уныло осветила расшатанную лестницу. Паутина и толстый слой пыли свидетельствовали, что в глубине старого дома давно никто не бывал. Агата осторожно стала спускаться по шатким ступеням. В самом низу она оттолкнула в сторону несколько старых картонных коробок в поисках той, которая была нужна ей.

Маленький паучок и блестящий чёрный жук мгновенно скрылись, испуганные неожиданным вторжением. Наконец она докопалась до того, что искала. С виду такая же, как все другие, коробка. Агата открыла её и методично начала вынимать содержимое: рамка без фотографии, старый нож, какая-то отслужившая век глиняная посуда. Но вот, сжав губы, она вытащила огромную книгу в потемневшем от возраста пергаментном переплёте.

Обычно в утренние часы в Галэнском парке бывает немногочисленно. Несколько дошкольников с мамами да старики. Сегодня на одной из скамеек сидела в одиночестве Дженни Дженкинс. Пригревало солнышко, воздух был прозрачен как хрусталь или, по выражению Билли Картера, «как капля джина в стакане». Дженни явно кого-то ожидала. И вот он пришёл.

— Привет, Дженни!

— Тим, я жду целую вечность, — сказала она, вскакивая.

— Прости, опять поцапался с тётушкой.

Они медленно побрели по парку.

— Ты знаешь, она ведь действительно уверена, что это я напал на Мэлани.

— С чего это, — удивилась Дженни. — Шериф же отпустил тебя. И вообще тебя же никто не обвиняет.

— Только она, — с горечью произнёс Тим. — Ну а ты? Как себя чувствуешь ты в компании с городским сексуальным маньяком?

— О! Тим, — в её голосе послышалось смущение, — я ведь должна была бы рассердиться на тебя...

Тим понял, что она имела в виду.

— Ты намекаешь на то, что я был с другой девушкой...
Но это не было свиданием. Мы просто искупались.

— Просто искупались... Просто голыми, к тому же в полночь.

— Это она меня соблазнила...

Дженни взяла его за руку:

— Ладно, теперь всё это уже не важно, всё прошло.

— Правда?

— Я просто хотела сказать...

— Я догадываюсь, что.

Он замолчал и отнял руку.

— Послушай, Джен, к сожалению, мне сейчас надо бежать. Ищу работу, чтобы иметь свой кусок хлеба. Будь я проклят, если ещё раз возьму деньги у тётки. Хочу уйти от неё и вообще подальше от этого дома.

Он чмокнул девушку, сказал, что позвонит, повернулся и заспешил из парка.

Проходя мимо свежевыбеленного здания церкви, Тим кивнул преподобному Китону, стоявшему на улице, и проследовал мимо. Он был не в том настроении, чтобы выслушивать увещевания о грехе пропускать службу. Святой отец ответил на его приветствие, проводил Тима взглядом, медленно повернулся и вошёл в церковь.

В редакции «Сигнала» кипела работа. Лора Кинсайд сидела за столом, занимаясь гранками. Она одарила Тима улыбкой.

— Привет, Тим, как дела?

— Вроде всё в порядке, — ответил он неопределённо.

— Думаю, ты уже знаешь о Мэлани?

Тим кивнул.

— Кошмарно всё случившееся. Для тебя особенно. Всё это так ужасно...

— Для неё гораздо хуже, мисс Кинсайд.

— Конечно, — согласилась Лора и поинтересовалась:

— Чем я могу тебе быть полезна?

— Я ищу работу.

— На летний сезон?

— Нет, я думаю о чём-нибудь более постоянном. Может, в вашей газете есть что-нибудь?

— Может, и есть, — ответила Лора. — Штат у нас, конечно, маленький, но если ты не против заниматься всем понемножку — быть посыльным, мыть окна, работать корректором...

— Мне это всё подходит.

— Ты принят, — просто сказала она. — О деньгах договоримся позднее, идёт? Эти гранки ждать не могут. Билл Картер тебе всё объяснит. Билл, покажи этому парню, что надо делать, хорошо? — крикнула она наборщику.

— О'кей! Работёнки здесь хватит всем, — слышался ответ.

Позднее, когда Тим подметал подсобку в редакции, на него вдруг наплыла меланхолия и стали терзать сомнения: сколько гадкого произошло за последнее время. Сначала была убита дочь Моррисеев... Жутким способом покончила с собой истерзанная Мэлани... Неужели тётя Агата права? Неужели в моей крови заложен грех — как утверждает она... Неужели все это творю я и даже сам не подозреваю...

НОЧЬ

Волны Тихого океана набегали на берег, как будто кто-то мерно, в ритме крещендо ударял в глухие медные цимбалы. Подкатываясь к берегу, волны величественно разбивались, откатывались назад и возвращались, чтобы вновь разбиться.

Луна не могла проникнуть сквозь толстое покрывало тумана. Старые прогнившие сваи галэнского пирса терялись на расстоянии десяти дюймов. Самое чуткое ухо не различило бы никаких звуков, кроме шума прибоя. Не время было и не место для появления здесь живого существа, тем более человека. Вокруг — ни души. Но вдруг в темноте проплыла странная фигура, прямая до неестественности — ни кошка, ни собака, хотя по-звериному бесшумно проследовала она в тумане, под аккомпанемент волн и салют брызг.

Странный пришелец, согнувшись и даже съёжившись, явно что-то искал в морском песке. Рука пыталась с трепетной нежностью самыми кончиками пальцев нащупать нечто незаметное для глаз.

Неожиданно мышцы тёмной фигуры подобрались, сохраняя внешне насторожённую неподвижность. Прямо так, из положения на корточках в любой момент можно было бы напасть на невидимого пока противника. Он прятался где-то рядом. В темноте, усиленной туманом, нельзя было рассмотреть ни одной детали, чтобы определить принадлежность этих живых существ к какому-либо виду или полу. Всё сливалось в некую бесформенную расплывающуюся массу. И тем не менее вокруг витало ощущение взаимной угрозы и опасности. Когда одна волна уже разбивалась, а другая замирала на старте своей атаки на берег, возникал удивительный миг тишины. В этот миг оба существа могли слышать затаённое дыхание друг друга. И ещё — удары собственного сердца.

Сильный луч фонаря внезапно пронзил темноту и на небольшом расстоянии рассеял молоко тумана.

— О! Это вы, мистер Траск?

Джулиан, прикрыв ладонью глаза от ослепившего мощного фонаря Хэнка Валдена, вскочил с корточек.

— Шериф? Как вы меня напугали...

— Что это вы тут делаете в таком месте и в такое время?
— поинтересовался Хэнк.

— Я не мог заснуть и стал думать об этой бедной девочке Сандерс. Именно здесь произошло нападение на неё, не так ли?

— Да, как раз где-то здесь...

— Вот я и решил осмотреть это место тщательно, может, найду что-нибудь, что даст ключ к разгадке...

— В этом треклятом тумане?

— Согласен, — не возражал Джулиан. — С моей стороны это глупо. Сегодня ночью не видны даже пальцы вытянутой руки.

— Даже если видимость была бы и получше, то всё равно теперь здесь ничего не найти. Прилив всё унёс в море.

— Пожалуй, так. А что, и раньше никаких следов обнаружить не удалось?

— Следов? Вы имеете в виду отпечатки ног?

— Ну, да.

— Нет, не было ни одного. Даже Мэлани и Тима. Всё смыло к тому времени, как мы сюда добрались. Прodelки прилива... Мистер Траск, здесь в тумане вовсе не безопасно. Вам лучше вернуться в город со мной и Клемом. Вот там наша машина.

— Неплохая мысль, — согласился Джулиан. — Спасибо за предложение.

— Шериф? — донёсся из пелены тумана голос Клема Конклина.

— Идём, идём, Клем. Не дрейфь, — отозвался Хэнк.

— Быстрее! — закричал заместитель шерифа.

Шериф и Джулиан стремительно зашагали к машине. Чтобы они могли ориентироваться, Клем включил фары.

— В чём дело? — спросил Хэнк, когда они подошли к Конклину. — Чего ты тут психуешь?

— Док Дженкинс, — произнёс с волнением Клем.

— Что с ним стряслось?

— С ним или не с ним, не знаю. Ему дали наш номер в машине, он сообщил, что находится в редакции «Сигнала» и требует немедленно приехать туда.

— Что же там произошло? — взволновался Джулиан.

— С Лорой Кинсайд, — начал Клем, — сейчас Док. Этот ненормальный изверг ворвался к ней в кабинет и напал. С того момента не прошло и двадцати минут...

11

...Старый магистр подходит к ней поближе и вкрадчиво начинает говорить:

— Дитя моё, не вынуждай нас продолжать. Боль, которую ты испытала, мелочь по сравнению с тем, что тебя ждёт. Дыба отъединит твои конечности от туловища. Ты будешь расчленена, как свиная туша на колоде мясника. Но тебе будет хуже потому, что свинью разрубают, заколов, а ты будешь живой и даже в сознании. Этот добрый человек не зря слывет мастером дыбы. Он действительно умеет делать своё дело, и ты будешь продолжать жить и чувствовать, хотя превратишься

при этом в кровавое месиво. Зачем тебе терпеть весь этот ужас, ведь твой любовник предал тебя. Признайся в греховной связи, которой ты наслаждалась. Расскажи, каким образом это происходило. Опиши способы, при помощи которых он утолял свою похоть. Опиши, как он выглядит, скажи, как ты называла его. Дитя моё, из других показаний мы точно знаем, что ты спала с ним. Но ты должна сейчас подробно рассказать сама, как это всё происходило. Зачем терпеть такие страдания во имя гнусного существа, которое использовало тебя для собственного наслаждения, а затем выбросило, как ненужную вещь. Говори сейчас, пока тебя не начали ломать.

Она сидит молча...

— Говори! — орёт палач и как бы невзначай прижимает искалеченный палец. Она мотает головой.

— На дыбу её, — выносит окончательный приговор инквизитор. Она пытается сопротивляться, но напрасно. Ей не одолеть своего мучителя. Он за волосы отрывает её обнажённое тело от стула и по полу тащит к...

12

Машина доктора была наспех припаркована чуть ли не на середине улицы около «Сигнала». Левая передняя дверца распахнута, чтобы не налететь на неё в тумане, фары остались включёнными. Клем резко затормозил. Он, шериф и Джулиан выскочили из полицейской машины и помчались в редакцию. Кругом царил хаос. Окно кабинета, выходящее на задний двор, было разбито. Настольные лампы валялись на полу. Сами лампы разлетелись вдребезги. Стулья перевернуты, столы развёрнуты под непонятным углом друг к другу. Под ногами хрустели осколки стекла, а в воздухе явственно ощущался пороховой дым.

— Лора! — крикнул Джулиан.

Она полулежала на стуле, Док Дженкинс склонился над её ранами. Разорванное платье приоткрывало тело. Плечи и руки были покрыты глубокими кровоточащими царапинами, как будто кто-то провёл по ним острыми когтями. Причёска растрёпана, вся она в испарине.

— Я в порядке, Док, — уверяла Лора. — Правда. Просто немножко испугалась.

Это она произнесла, когда трое мужчин уже были в комнате. Док Дженкинс продолжал перевязывать раны.

— Лора, дорогая, что произошло? — опустился на колени возле стула Джулиан.

Вздрагивая и порывисто дыша, она сказала:

— Я работала допоздна. Перепроверяла данные в налоговой ведомости. Дверь была заперта. Окна закрыты. Потом послышался удар, кто-то прорвался сюда через заднее окно. Я испугалась до смерти.

— И кто же это был? — спросил с волнением шериф Валден. Лора пожалала плечами.

— Было слишком темно, я его не разглядела. Единственная включённая лампа в кабинете стояла у меня на столе. Вот та самая, которая сейчас валяется у ваших ног. Она светила мне прямо в глаза, когда я подняла голову от бумаг. Кто бы это ни был, он в два шага оказался рядом и сбросил лампу на пол. Наступила полная темнота. Он... схватил меня... сорвал платье...

Тут голос её дрогнул, силы оставили её, и она заплакала.

— Она слишком много говорила, — заметил Док. — Я отвезу её домой, уложу в постель и дам сильное снотворное. И... Хэнк... хорошо бы выставить усиленную охрану у её коттеджа.

— Со мной всё в порядке, — уверяла Лора, утирая рукой слезы.

Джулиан протянул ей свой платок.

— Лора, дорогая, он...

— Моя добродетель при мне. За это надо поблагодарить старый папин служебный револьвер. Он лежал на своём традиционном месте в ящике стола.

— Я проезжал мимо, — сказал Док Дженкинс, — по дороге из больницы домой и тут услышал выстрелы. Шесть. Но когда примчался сюда, он уже исчез.

Лора озадаченно свела брови.

— Не могу понять, почему я не уколошила его. Револьвер разрядила практически в упор, и всё же он ушёл.

Шериф повернулся к Клему:

— Я думаю, человека с шестью пулями в теле найти не очень сложно.

— Наверное, уже валяется где-нибудь мёртвый, — усмехнулся Клем.

— Это меня вполне бы устроило, — произнёс шериф, — хотя для него смерть была бы слишком большим подарком.

Он обратился к доктору и Джулиану:

— Если вы вдвоём проводите мисс Лору домой, то мы с Клемом начнём поиски этого сукиного сына.

Шериф и его заместитель вышли на улицу, и через секунду их машина умчалась.

В спальне скромного одноэтажного дома Док уложил Лору в постель, дал ей снотворное, и она быстро заснула. Док и Джулиан сидели в гостиной и, не найдя ничего покрепче, пробавлялись её шерри.

— Думаю, что эта эпопея завершена, правда, не так быстро, как хотелось бы. Две жертвы погибли, третья была на волоске от смерти. Этот маньяк или уже умер, или сейчас умирает. Но даже если он и выживет, в два счёта обнаружим. Так что скоро узнаем, кто это. И запомните мои слова — это будет человек не из нашего города. Это будет кто-то, кого раньше никто не видел. Совершенно незнакомый человек.

Казалось, Джулиан не слушает его. Но вот он заговорил сам, восстанавливая вслух события прошедшего вечера.

— Вы проезжали мимо редакции «Сигнала» и услышали выстрелы?

— Да, так и было.

Джулиан раздумывал несколько секунд, потом изрёк:

— Вы вне подозрений, потому что за столь короткое время не сумели бы пролезть через то окно, напасть на Лору, выбраться через него же, вернуться в машину, подъехать к двери редакции.

— За столь короткое время... Вы что же думаете, что в принципе я способен на покушение при других обстоятельствах?

— Нет, Док, — мягко возразил Джулиан. — Я просто объяснил вам, что это не могли быть вы. Между прочим, а как вы попали внутрь редакции? Лора ведь сказала, что двери были заперты.

— Мне открыла она. Ведь Лора не потеряла сознание.

— Спасибо. Ясно.

— Кроме того, — добавил Док, — смог бы я сидеть здесь и спокойно распивать шерри с шестью пулями в теле?

— Нет, но напавший на Лору мог бы...

— Что мог бы?

Джулиан поспешно перешёл к прежней теме:

— Вы дозвонились в патрульную машину по Лориному телефону?

— Да.

— Вы позвонили сразу, как всё увидели?

— Нет. Сначала надо было позаботиться о ней. Я побежал к машине за санитарной сумкой, вернулся, промыл и продезинфицировал раны...

— Сколько времени прошло от момента, когда вы услышали выстрелы, до того звонка шерифу?

— Минут пять, десять. Не больше десяти. Но Хэнка в кабинете не оказалось и Клема тоже. Пришлось побороться с бюрократией, прежде чем телефонистка соединила меня с патрульной машиной. Какое-то время ждал ответа. Их скорее всего не было в машине. Наконец трубку взял Клем.

— На всё про всё ушло не меньше пятнадцати минут?

— Вполне возможно.

— А может, двадцать?

— И это возможно.

Джулиан отодвинул стакан.

— Этого времени вполне достаточно, чтобы мне или шерифу, или Клему выбраться из редакции и добежать до пляжа.

— Траск, вы рехнулись?

— Док, повторяю, вы вне подозрений. А вот мы трое можем быть среди главных подозреваемых.

Док осушил свой стакан.

— Господи, как жаль, что это не виски, — скорбно протянул он. — Вы всё время, мой друг, забываете об одной маленькой детали. Точнее о шести штучках, которые всажены в кого-то в упор. А может быть, вы предполагаете, что все заряды были холостыми?

— Нет, не предполагаю. Но это ничего не меняет.

— Признаюсь, вы меня изумляете, — сказал Док Дженкинс — Изумляете и озадачиваете.

Неестественно ровным голосом Джулиан произнёс:

— Я ещё не начал изумлять или озадачивать вас!

Это был не только самый старый, но, пожалуй, и самый негостеприимный в городе дом, потому что никто, за исключением членов клана Галэнов, не имел чести побывать в этом мрачном даже при дневном свете строении. А уж о том, как оно выглядело ночью, и говорить не приходится. Ровно как и в тумане. Не одно поколение городских ребятишек называло его «Домом с привидениями». И на того, кто отважился войти внутрь, смотрели со страхом и благоговением. Если допустить, что кому-то удалось материализовать такие понятия, как чувство вины, горе или сожаление, то они должны были бы принять форму здания, в котором обитали Агата и её племянник.

— И тем не менее это всего лишь дом, — философски заметил шериф Валден, когда он и Клем вышли из патрульной машины перед домом Галэнов. — И нечего бояться.

— Чёрт возьми, а я и не боюсь, — парировал заместитель шерифа.

— Рад это слышать, — проквакал шериф, — а я лично боюсь человека, который огрѐб шесть пуль и продолжает жить как ни в чём не бывало. Давай, прибавим шагу.

Клем поспешил за шерифом, крадущимся в густом тумане по посыпанной кирпичной крошкой дорожке, к парадной двери. На ней висел огромных размеров молоток. Его удары гулким эхом отозвались в мёртвом доме. Они подождали. Никто не отозвался на стук.

— Никого нет дома, — заключил Клем.

Он было повернул обратно. Шериф устало опустил руку на плечо помощника, другой потянулся к молотку. Но прежде чем он успел им воспользоваться, дверь открылась.

— Добрый вечер, мисс Галэн, — поприветствовал Агату Валден.

— Вы представляете себе, который сейчас час, шериф? — бесстрастно спросила она.

— Простите за беспокойство, мэм, но без крайней необходимости я никогда не рискнул бы поступить так. Нам срочно нужен ваш племянник.

— Тимоти спит.

— Простите великодушно, но тем не менее мы хотели бы его увидеть.

— Утром я скажу ему, чтобы он зашёл в вашу контору.

— Впустите их, тётя, — раздался вдруг голос Тима. Ворча, она приоткрыла пошире дверь и отступила в сторону. Тим стоял возле потухшего камина в пижаме.

— Здравствуйте, шериф, привет, Клем. Что случилось?

— Насколько я осведомлён, вы работаете у Лоры Кинсайд, — произнёс Валден вместо приветствия.

— Да, это так. Только сегодня приступил. А что в этом дурного?

— Сегодня вечером на неё было совершено покушение в редакции...

— Что?

— С ней всё в порядке. Но она изловчилась всадить в нападавшего шесть пуль.

— А он ничего... он ничего с ней не сделал?

Шериф покачал головой:

— Всего лишь несколько царапин, правда, она очень перепугалась, а в конторе полный разгром.

— И кто же это был?

— Не знаем. Его-то мы как раз и ищем.

— Тогда понятно. Вы просто приехали ко мне поболтать о детективных историях, — хмуро улыбнулся Тим. — Видно, я у вас в списке подозреваемых под номером один. И всё потому, что был с Мэлани той ночью...

— Вы работаете у мисс Кинсайд, — твёрдо сказал шериф. Потом, смягчившись, добавил: — Тем не менее скорее всего шесть пуль в вас не сидит.

Вперёд выступила Агата:

— Я предлагаю продолжить ваши поиски, шериф, где-нибудь в другом месте.

— Так мы и поступим, мэ, простите за беспокойство. Спокойной ночи.

Когда Агата убедилась, что полицейская машина отъехала, она повернулась к племяннику и сказала:

— Сегодня довольно прохладно. Пожалуйста, разведи огонь, Тимоти.

Тим разворошил угли в камине, пламя вскоре весело загудело.

— Ты пришёл домой меньше часа назад, Тим, не так ли? — спросила Агата. — Я не спала и слышала, когда ты открывал дверь.

— Верно, — ответил он.

— Так, где ты был?

— На улице, тётя Агата, занимался своими делами. И тебе посоветовал бы...

— А что же это такое, Тимоти, что ты называешь своими делами?..

Он посмотрел на неё внимательно, улавливая выражение лица.

— Я этому не верю, — наконец произнёс он. — Я слышал об этом, но верить, повторяю, не могу. Ты всё ещё считаешь, что это я. Что на моей совести Гвен Моррисей, Мэлани Сандерс, а теперь и Лора Кинсайд?

— Но это ты сказал об этом, а не я.

— Не цитируй мне Писание! — заорал Тим. — У меня оно уже в печёнках сидит! Скажи-ка мне, где в Библии написано, что ты имеешь право подозревать сына родного брата в том, что он насильник и убийца? Даже шериф так не считает!

— Шериф — болван!

— Нет, — сказал Тим. — Хэнк Валден не болван. Он верит своим глазам и собственному здравому смыслу. Он смотрит на меня и понимает, что я не могу быть тем, кого он ищет.

В того сегодня вечером вlepили шесть пуль. Шесть пуль! Что, я похож на человека с шестью пулями в потрохах? Посмотри на меня, чёрт возьми! Похож?

Он сорвал с себя пижамную куртку и швырнул на пол. Его худощавое тело было абсолютно невредимым. Агата кисло заметила:

— У меня нет никакого желания смотреть на твою наготу.

— Наготу?! — Тим саркастически рассмеялся. — Не смотри на неё. Смотри на меня. Это мог бы себе позволить даже Фома Неверующий. Я тоже могу разглагольствовать о Писании. Ты видишь дырки от пуль? Где кровь?

— Нет этого.

— Ну, так что ж?

— Ни дырок, ни крови я и не ожидала увидеть, — ответила Агата.

— Спасибо и на том, — съехидничал Тим. — Следует ли из этого, что ты таким образом признала мою невиновность?

— Вовсе нет, — сразила его Агата. — Это просто означает, что я не невежда, как большинство людей. Они даже не подозревают о бесконечных возможностях зла. Настоящего первобытного исконного зла. По моему разумению, нет ничего невероятного в том, что некто может получить в тело шесть смертоносных пуль и это никак не проявится.

13

...Он за волосы отрывает её обнажённое тело от стула и по полу тащит к дыбе.

Она стоит в полутёмном алькове комнаты. Форма дыбы удивительно рациональна. Это чудо целесообразности. Инженер оценил бы красоту функциональности. А вроде бы простой механизм, лишь слаженный добротно и надёжно из хорошего дерева, металла и кожи. Рама дыбы похожа на кровать. Эти крепкие ремни, этот рычаг, этот ворот, эти цепи и кандалы — всё должно служить осуществлению вполне определённых задач, служить безотказно. Вот сюда прикрепляют ноги. А сюда — руки. Один поворот этого рычага и... плоть и кости сначала натянутся, а потом начнут расставаться друг с другом. Тело

станет сопротивляться. И чем оно совершеннее физически, тем болезненнее всё будет происходить. Постепенно сопротивление ослабнет. Ткани растянутся до предела, кожа лопнет сразу во многих местах, мышцы и сухожилия порвутся, кости поломаются, разъедятся суставы. Всё это будет сопровождаться жутким треском. И, наконец, из истерзанного тела хлынут все жидкие компоненты — пот, моча, фекалии, кровь.

Палач бросает её на хитрую машину лицом вверх. Он быстро сковывает распостёртое тело. Она теперь как буква «Х». Пока это молодая и упругая плоть, и именно поэтому она будет долго отдавать ужасный конец. Защёлкнув кандалы на тонких запястьях и лодыжках, палач с минуту смотрит на девушку. От холода и страха она покрылась гусиной рябью. Рёбра выпирают. Плоский живот как барабан. Белое тело испещрено сосудами. Мышцы явственно очертаны. Спутанные волосы свисают почти до пола. Кажется, что её кожа, растянутая до предела и ставшая противоестественно тугой, светится в темноте. Треугольник медно-рыжих волос внизу живота мерцает в полутьме. Живот нервно подрагивает. Соски прямые и напряжённые. Она лежит нагая, замирая от страха. И возникает кошунственная ассоциация с невестой, страдающей от неведения. Так на пародийном свадебном ложе она в трепетном страхе ждёт прихода своего супруга по имени боль. Она догадывается, что всё это будет происходить в яростном и даже страстном ритме.

— Четверть оборота для начала, милорд, — оповещает палач инквизитора и...

14

Джулиан проснулся от боли в затёкшей шее. Помассировал. Под рукой не кожа, а наждачная бумага. Он приоткрыл сначала один глаз и увидел незнакомую стену. Понятно, ночь прошла в кресле Лориной гостиной. Ворча, он потянулся. Провёл ладонью по заросшим щекам. Одежда измята. Джулиан посмотрел на свои часы. Они остановились в четыре семнадцать. Электронные часы на столе показывали шесть тридцать. Встав с кресла, он медленно направился к спальне Лоры. Она продолжала спать под действием снотворного. Дышала ровно, но

тяжело. Из-под одеяла высунулась нога. И именно эта обнажённая нога создавала ощущение какой-то трогательной уязвимости. Прежде чем прикрыть, Джулиан нежно погладил её.

Вернувшись в гостиную, он увидел в окно, что к дому подъехала и остановилась машина Дока Дженкинса. Джулиан встретил его у дверей.

— Вы как раз вовремя, Док, — сказал он.

— Я не могу задерживаться, — заметил доктор, — меня ждут пациенты.

— Побудьте немного, пока я схожу в гостиницу, приму душ, побреюсь и переоденусь. Завтракать не стану. Устрою набег на Лорину кухню, когда вернусь.

— Ну, что ж, — согласился доктор, — на столько отпускаю. Откройте за это секрет: почему вы подозреваете Хэнка и Клема?

— Идите к разгадке от того, что я вам рассказал вчера, — ответил Джулиан. — Вы чисты только потому, что не подходите по временным параметрам. Я доверяю себе, ибо точно знаю, что не делал этого, даже если никто другой того не знает. Ну а эти двое вполне могут быть под подозрением. Она всё ещё спит мёртвым сном, — кивнул он на спальню. — Я скоро вернусь.

Док быстро прошёл в спальню. Аккуратно, чтобы не разбудить женщину, поднял одеяло. На Лоре была прозрачная, как дымка, рубашка. Через неё проступали тёмно-коричневые круги грудей. Док посмотрел на них с восхищением. Рубашка задралась до талии, и взгляд его застыл на кучерявом треугольнике. Док с трудом преодолел яростное желание дотронуться до возжеленного места.

— Грязный старикашка, — пробормотал он. Затем осмотрел повязки, проверил пульс и прикрыл Лору. Глубоко и часто дыша, Док вернулся в гостиную и стал дожидаться Джулиана.

А тот уже принял душ и побрился. В глубоком раздумье Джулиан вышел из ванной, накинув махровую простыню. Его торс был покрыт жёсткими чёрными волосами, росшими в форме креста. Верхняя планка протянулась от соска до соска.

Вертикальный луч проходил от ямки на шее до зарослей на бёдрах. Не одеваясь, он присел на край кровати и снял телефонную трубку. В Бостоне уже не слишком рано — разница во времени составляла три часа. И вполне удобно звонить профессору Стефаньски. Джулиан назвал гостиничной телефонистке нужный номер и положил трубку. Пока соединяли, он успел одеться, схватил трубку и вскоре услышал, впервые за несколько лет, знакомый голос с сильным славянским акцентом. Этот голос принадлежал его учителю.

— Джулиан? Это ты? Старый ты стал, Джулиан. Очень старый. Откуда ты звонишь?

— Из Галэна. Это небольшой городок в Калифорнии.

— Говорят, там хороший климат...

— Да, здесь хорошо.

— А у нас три дня льёт как из ведра.

— Профессор, мне нужна ваша помощь. Несколько цитат из тех старинных книг, которые есть в вашей личной библиотеке.

— Да, да, я слушаю...

— Вас это не очень обременит?

— Нет, буду рад помочь. Скажи, какие нужны книги, я запишу.

— Сначала запишите номер телефона. Я буду через несколько минут. Позвоните, когда подберёте книги.

Он продиктовал номер Лориного телефона и перешёл к делу:

— Так, прежде всего Богэ...

— Да, Богэ... Я пишу, дальше.

— Продолжаю: Реми. И Биллуарта. А кто автор той книги с длинным названием?

— Де Ланкрэ?

— Да, да, Пьер де Ланкрэ. О, чуть не забыл, — ещё мне понадобится трактат Бенедикта.

— Записал. Бенедикт. Это всё?

— Думаю, этого вполне достаточно.

— О'кей! Жди звонка. Но Джулиан...

— Да, сэр?

— Чем ты там занимаешься? Эти книги... Эти авторы...
Неужели ты нашёл...

— Не по этому телефону через коммутатор в гостинице.
Да, возможно. Наконец-то!

— Боже мой, Боже мой!

— Я заканчиваю разговор, сэр. Пожалуйста, позвоните,
как только сможете.

— Да, конечно, Джулиан, мальчик мой. Если ты хочешь
дожить до моих лет, прошу тебя, действуй очень осторожно...
Обещаешь?

Доку Дженкинсу, сидевшему в гостиной Лоры, было вероятно стыдно за себя. Он проанализировал свой поступок и не нашёл никакого оправдания. Может быть кто-то другой попытался бы объяснить всё рационалистически: дескать, это был врачебный осмотр, чисто профессиональный интерес. Но делом чести для Дженкинса было никогда не обманывать себя. Никакой медицинской необходимости снимать с Лоры одеяло не было. «Воспользовался преимуществом перед самим же усыпленной женщиной, — корил себя Док. — Это недостойно джентльмена и непростительно для врача. Стареющий маразматик... Последний всплеск мужского естества, подобно тому как вспыхивает свеча, прежде чем погаснуть? Может быть, и так. Но всё равно это непростительно. Хотя бы потому, что уже несколько лет Лора нравится мне». У доктора родилось странное чувство некоего душевного родства с насильником в том смысле, что он теперь по крайней мере мог понять мотивацию его поступка. Ведь только несколько мгновений отделяли Дока от возможности самому совершить гнусность. Будь желание чуть сильнее, а воля слабее, он мог бы переступить запретную черту и удовлетворить свою похоть с этой и так уже пострадавшей женщиной. И это он — хороший муж и отец, уважаемый всеми целитель, один из столпов местного общества, добрый старый Док!

К дому подъехал Джулиан. Доктор с облегчением поднялся. Ему не терпелось поскорее исчезнуть из этого дома. Сможет ли он когда-нибудь взглянуть в лицо Лоре Кинсайд без угрызений совести? Как он теперь станет дотрагиваться до

неё, осматривать, лечить? Может ли он в конце концов доверять самому себе? Он открыл дверь и впустил Джулиана.

— Она ещё спит? — сразу же поинтересовался тот.

— Спала, когда я в последний раз заходил в спальню...

— Спасибо, что подменили меня, Док.

Зазвонил телефон.

— Это, наверное, меня, — объяснил Джулиан и снял трубку.

На улице доктора пронзила невероятная мысль. А не он ли сам насильник?.. Вдруг на него находят минуты забвения... что, если это такое жуткое беспомыслие... приступы шизофрении? Эти страхи мучили его по дороге к машине. Включая зажигание, он твёрдо ответил себе: «Нет, может быть, он и грязный старикашка, но насильником не был и быть не мог. Слишком много доказательств против. Где в таком случае пули? А временной расчёт Джулиана?»

Док резко нажал на газ и помчался от дома Лоры Кинсайд.

Тем временем Джулиан закончил разговор и повесил трубку. Он старательно записал в блокнот всё, что продиктовал его старый учитель, прочитал вслух и теперь изучал полученную информацию в деталях. Это вызывало у него смешанное чувство неуверенности и восторга. Он не узнал ничего такого, о чём не слышал бы раньше или, по крайней мере, не подозревал. Но собранные воедино факты позволили ему подтвердить гипотезу, возникшую в глубинах его сознания.

— Который час? — сонно спросила Лора.

Обернувшись, поскольку стоял спиной, он увидел её в дверях. На ней была только прозрачная рубашка. Глаза отекали от долгого сна.

— Пора завтракать, — бодро ответил Джулиан, быстро запихивая в карман записную книжку. — Я хочу есть, а ты?

Она покачала головой.

— Я слышала звонок, кто это был?

— Это звонили мне. — Он подошёл ближе к ней. — Как себя чувствуешь, дорогая?

— Нормально... Пора собираться на работу...

— Ну, уж нет, только не это. Приказ Дока — полный покой, — твёрдо сказал Джулиан.

— Дневной выпуск...

— Один раз Биллу Картеру придётся обойтись без вас.

Бросив взгляд на её одеяние, он поинтересовался:

— Тебе, наверное, холодно?

Она, кивнув, согласилась:

— Да, холодно.

Потом, посмотрев ему в глаза долгим пристальным взглядом, произнесла:

— Согрей меня, Джулиан, согрей поскорее...

Не отводя взгляда, Лора подошла к нему вплотную и прильнула.

У него вспыхнуло желание и охватило всего, распространяясь как огонь. Он взял её лицо в свои ладони, и губы их слились. Быстро без слов, не тратя времени на нежности, они обхватили друг друга. Они не помнили, как очутились сначала в спальне, а потом оба, уже нагие, в кровати, брошенные сюда взрывом страсти, подталкиваемые пульсирующим, неугомным потоком крови в теле каждого.

Позднее напомнил о себе голод. Облачаясь в халат, Лора спросила:

— Ты умеешь жарить яичницу?

— Если это надо...

— Надо. А я пока позвоню Биллу Картеру по поводу сегодняшней передовицы.

— Подробный отчёт о нашем поистине чемпионском сражении в постели?

Лора швырнула в него подушку.

— Зверское нападение прошлой ночью на Моё Редакторское Величество. Такой заголовок поможет продать энное количество номеров дополнительно.

— Ты железная леди...

— Будем надеяться, что твоя яичница железной не будет.

— Яичница а ля Джулиан — железная? Ну нет, она будет такой же воздушной, как твоя обворожительная сорочка.

Джулиан поднял её с пола и с удивлением обнаружил разрыв по шву. Это он в порыве страсти порвал прозрачное одеяние Лоры. Она рассмеялась...

Дневной выпуск «сигнала» разошёлся мгновенно. Жители Галэна с жадностью читали сенсационный материал, хотя сам факт нападения на Лору и ниспосланное ей тяжёлое испытание новостью не были. Всё это уже не один час пережёвывалось потрясёнными городскими сплетниками. Лора позволила себе в материале несколько язвительных замечаний по поводу неэффективной работы людей шерифа. Это, естественно, не обрадовало Хэнка Валдена, хотя он был вынужден признать, что они не беспочвенны. Он также понимал и деловые интересы Лоры — надо было продать как можно больше номеров газеты.

Самым обеспокоенным человеком в городе в тот день был, наверное, Док Дженкинс. Когда измождённый послеобеденным обходом больных он вернулся вечером домой, его стали одолевать мрачные мысли. Он единственный осматривал женщин, подвергшихся нападению. И только он знал подлинные невероятные размеры орудия, служившего удовлетворению похоти.

Его беспокоил не на шутку и прилив собственной страсти в спальне у Лоры. Угрызения совести по-прежнему мучили его, будто бы он совершил нечто ужасно постыдное. Как холодный лунный свет сквозь туман, пробивался через этот ворох мыслей страх за собственную дочь — и она могла стать приманкой для насильника. Вконец измотанный, он наконец улёгся в постель рядом с женой. Док уже не мог видеть, что происходило за окном комнаты дочери. В это время прямо к окну Дженни кто-то карабкался по ветке перечежного дерева.

15

...— Четверть оборота для начала, милорд, — оповещает палач инквизитора и видит его согласный кивок.

Палач берётся за рычаг и с мастерской неторопливостью поворачивает его так, что скрип достигает ушей жертвы. Машина скрипит вовсе не потому, что нет масла смазать её. Звук

этот специально рассчитан на то, чтобы заставить страдать разум жертвы, а это ещё страшнее, чем мучения тела.

Сначала она ощущает это в лодыжках и запястьях — ужасное перетягивание каната, которое обещает отделить стопы от ног, а кисти от рук. В эти страшные мгновения пот проступает из каждой поры. Она чувствует, как он течёт по всему её растянутому телу: по голове, ладоням, ступням, спине, между ягодицами и грудями, пробивается мимо пупка к рыжеватому островку внизу. Крик вырывается из её широко раскрытого пересохшего рта. Палач со знанием дела подносит ей прямо к губам ковш с водой. Это не жест сострадания. Это профессиональный приём. На заре его карьеры обезвоживание чересчур скоро отнимало у него жертвы.

— Пей, пей сколько сможешь, — говорит он ей. — Мы не можем позволить тебе умереть слишком быстро...

Инквизитор, подождав, пока прошёл первый шок от пытки, наклоняется над ней и произносит:

— Избавь себя от мучений, подтверди, что раньше уже рассказали другие женщины. Твой любовник имел тебя через зад... или ты брала в рот его...

16

Чётко различаемая на фоне луны фигура сжалась на ветке дерева как раз напротив окна Дженни. Девушка заметила её из кровати, и у неё перехватило дыхание. Она натянула на себя одеяло. Окно было закрыто. Но разве не говорилось в газете, что напавший на Лору ворвался как раз через запертое окно? Тёмная фигура протянула руку и постучала по стеклу. Дженни окаменела не в состоянии ни пошевелиться, ни закричать. Через секунду раздался более настойчивый стук.

— Дженни!

Она узнала голос:

— Тим?

Со вздохом облегчения, однако без напускной досады, она спустила с кровати босые ноги. На цыпочках подошла к окну. На ней была только коротенькая рубашка.

— Что случилось, Тим?

— Тише, — предупредил он.

— Это не самое лучшее время для визитов, — зашептала она, — лазишь по деревьям, как обезьяна...

— Мне позарез с кем-нибудь нужно поговорить, — сказал он тихо, — но кроме тебя не с кем. Кажется, я схожу с ума. Можно войти?

Её переполнило сочувствие.

— О, Тим, конечно!

Он влез в окно.

— Прости за эти проделки, но я знал, что твои родители уже лягут спать. К тому же не хотелось их сегодня видеть. Мне была нужна только ты...

— Что у тебя с рукой?

— Пустяки. Потом как-нибудь расскажу.

Они обнялись и поцеловались. Без дальнейших церемоний Дженни сняла через голову рубашку и бросила её на стоящий рядом стул. Взяв Тима за руку, она подвела его к постели...

Потом они лежали рядом, укрывшись простынёй, и тихо разговаривали.

— Я рада, что ты решился залезть на это дерево, как обезьяна, — сказала она.

— Я тоже, — чмокнул её Тим. — Это было здорово и с каждым разом становится всё лучше. Но я правда пришёл не за этим. Только поговорить...

— Ну так говори.

— Как же я мог говорить во время этого...

— А что, голова работает только в одном направлении? Ладно, я буду примерной девочкой. Давай выкладывай.

Он начал рассказывать ей о визите Хэнка и Клема и о той странной вещи, которую поведала ему тётка после их ухода.

— Но это же чепуха, Тим, — возразила Дженни. — Кто же может получить шесть пуль без всяких видимых последствий?

— Кто не от мира сего — это её слова.

— Это не ты сумасшедший, а твоя тётушка.

— Но беда в том, что она почти заставила меня поверить в её бредовую болтовню, — сказал Тим. — Когда я хотел уточ-

нить, что же всё-таки она имеет в виду, тётка заявила: «Тимоти, сходи в кабинет и открой старый секретер. Вот ключ. Там ты найдёшь старые семейные реликвии. Старый нож и книгу, большую книгу. Принеси их мне сюда».

Тим, всё ещё в пижамных брюках, взяв у тётки ключ, отправился в кабинет дома Галэнов и открыл тёмный секретер. Нож был лёгкий, а вот книга большая и тяжёлая. Он принёс оба предмета в гостиную, положил на журнальный столик.

— Что это? — спросил он.

— Я думаю, часть твоего наследства, — ответила Агата, — со стороны твоей матери.

— Эта книга, мне сдаётся, знакома. По-моему, в детстве я перелистывал её часами и рассматривал картинки. Помнишь, как ты заперла меня в подвале в наказание за что-то? И кинжал я тоже вроде бы держал в руках.

— Несомненно. Я уверена, что тебе не велели шарить по старым коробкам и ящикам в подвале. Но ты не послушался. Ты вообще никогда не слушался.

— Что это за книга? Что ты хочешь этим сказать?

— Эта книга очень старинная, — начала Агата, — никто не знает, сколько ей лет. Я слышала, что она очень ценная. Может быть, такая же ценная, как первое издание Шекспира. Она принадлежала твоей матери, а перешла к ней от её матери. Большая часть написана на латыни. Но кое-какие страницы на неизвестном языке — языке Богов зари. Твоя мать умела читать эти письмена.

Тим потрогал пергамент переплёта. Он был холодным и гладким.

— Человеческая кожа, — сказала Агата, — по крайней мере так заявляла твоя мать.

Тим отдёргнул руку, словно обжёгся.

— Кожа женщины, — добавила тётка, — казнённой за колдовство в Европе в средние века. Эта кожа с её спины и живота, аккуратно снятая, пока она ещё была жива. Для палача это было верхом наслаждения. Твоя мать говорила, что колдуний было шестеро. Одну за другой их ломали на дыбе, чтобы заставить сознаться, и они сознавались. Лучше бы они умерли

молча. Признания несчастных обрекали их на ещё более мучительную смерть. С каждой публично спустили шкуру как с угря — с головы до пят. Потом всех шестерых поместили в чан с рассолом, который доходил до шеи. Ты знаешь, как жжёт солёная вода, даже если у тебя маленькая царапинка. Можешь представить, каково было им с содранной кожей. Как в кислоте. Наконец под чаном развели огонь, и они медленно варились, пока не умерли. Крики из чана были слышны за милю. Не очень всё это приятно, но, без сомнения, они заслужили такую кару. История утверждает, что была и седьмая колдунья, но она сбежала, её кто-то снял с дыбы...

— Ты что-то сказала, как это... о Богах зари? — прервал её Тим.

— Так их называла твоя мать. Существа старше человеческого рода. Дарвинисты, конечно, насмеются над подобными утверждениями. Но эти еретики вообще насмеются над многим. Твоя мать знала стихотворение в переводе с древнего языка.

Агата закрыла глаза, пытаясь вспомнить слова, и медленно нараспев начала декламировать:

*Они были грешны, темны, холодны,
Боги, управлявшие зарёй,
Когда Человек был юн, а они были стары,
Они и их проклятое отродье...*

Она открыла глаза:

— Это есть где-то в книге, в оригинале.

Тим преодолел свой страх к пергаменту из человеческой кожи и поднял массивный том. Он открыл его наугад, обнаружив несколько мест, где листы были грубо вырваны. Остаюсь лишь корешки. Эти странные пропуски он тоже помнил с детских лет.

— Это сделал твой отец, — произнесла Агата. — Он говорил, что там были вещи, которые не должен видеть человеческий глаз.

— Если он так считал, — спросил Тим, — почему он вообще не сжёг эту книгу?

— Сжѐг её? — повторила Агата. И она сухо фыркнула. — Неужели ты думаешь, что он не пытался? — Она дотронулась до пергамента. — Кожа ведьм была отдана их семьям, как напоминание и предупреждение. А инквизиторы сделали новые переплѣты для копий этой проклятой книги, которая была старинной уже тогда. Шесть копий, каждая в переплѣте из кожи ведьм. Их обвинили ложно, утверждала твоя мать. Но если бы они не были ведьмами — зачем хранить в семьях эти злые книги? Видишь дырку над буквой «і» в заглавии?

Тим потрогал её пальцем.

— Говорят, что они есть на всех книгах. Дырки — пупки ведьм.

Он мгновенно отнял палец. Несмотря ни на что, Тим почувствовал, что все эти ужасы загипнотизировали его.

— Это имеет какое-нибудь отношение к пулям? — спросил он.

— Ты, как мне помнится, не очень-то успевал по-латыни, — съязвила Агата. — Придѣтся мне перевести тебе несколько строк. Подай книгу.

Он положил перед ней тяжѣлый том. Агата перевернула страницы, а потом прочла вслух: «И никакое оружие не победит Богов зари. Ударь их топором или куском бронзы — их тело поглотит эти орудия. Порази их мечом или железом — их тело разрушит лезвие...»

— Если бронзу и железо, — посмотрела она на него, — то почему бы не свинец?

— Так вот оно что? — Тим горько усмехнулся. — Следствие продолжается? Я человек, в которого стреляла Лора Кинсайд, но моѣ тело «поглотило» пули? Они просто рассосались во мне? Давай, позови шерифа обратно, тѣтя Агата, и ты сможешь в его присутствии предъявить мне обвинение. Вот уж я посмеюсь, когда они отправят тебя в психушку, где тебе, впрочем, самое подходящее место!

— Обвинить тебя? — сказала Агата. — Никогда! В твоих жилах течѣт кровь Галэнов. Разбавленная, но всё же кровь Галэнов. Этот клан своих не предаѣт. Я просто хочу, чтобы ты понял себя и научился контролировать свои поступки. Если су-

меешь — это пойдёт тебе во благо, послужит твоей собственной безопасности и поможет сохранить доброе имя Галэнов. Да, да и для этой цели тоже. Несмотря ни на что, ты сын моего брата и я люблю тебя...

— Любишь? — поразился Тим, это слово слетело с его губ как ругательство. — Ты никогда не любила ни меня, ни кого-нибудь другого. Ты вся состоишь из ненависти. Если ты что-нибудь и любишь, так это смерть и пытку. Жаль, что ты не видела своего лица, когда рассказывала о мучениях этих колдуний. Твоё лицо стало почти живым.

— Тимоти, я знаю, что ты считаешь меня сумасшедшей старухой, но...

— Да, считаю, — подтвердил он, — сумасшедшей, злобной и вредной. Но я хочу оказать нам обоим услугу — сейчас же избавиться от этой суеверной ерунды...

Выхватив книгу из её рук, он швырнул её в пламя камина.

— Нет! — закричала она в ужасе.

Но прежде чем Агата успела протянуть руку, чтобы выхватить книгу из огня, та, как бы сама по себе, выпала из камина и невредимая оказалась на ковре. Тим поднял её и уже собирался повторить попытку, но Агата схватила его за руку.

— Это бесполезно, — сказала она, — твой отец не раз делал то же самое. Земной огонь не может сжечь грешные слова.

— Ну это мы ещё посмотрим, — заявил Тим, стряхивая её руку.

— Пожалуйста, Тимоти! — она чуть не плакала. — Умоляю тебя. Ты обидишь ИХ. ОНИ нанесут ответный удар! — Она обмякла и показала на пол. — Слишком поздно — ОНИ не задержались с ответом...

Из камина прямо на пол выскочила искра — яркая капелька огня. За ней последовала вторая и шипящая третья. Сухие нити ковра легко занялись. Тим попытался затоптать пламя, но тщетно.

— Принеси воды. Быстро! — распорядился он.

— Бессмысленно, — пояснила Агата. — Вода бессильна. Ты должен принести ИМ жертву.

Быстрым движением она схватила фамильный кинжал с журнального столика и полоснула им по обнажённой руке Тима. Он заорал от бешенства и боли, кровь потекла по руке и осталась на лезвии. Агата воткнула окровавленное лезвие в пол, прямо в центр пока маленького, но быстро разрастающегося очага огня. Нож встал прямо, глубоко войдя в пол. Пламя исчезло, оставив после себя только струйки дыма:

Тим схватился за пораненную руку.

— На кой чёрт ты сделала это? — закричал он.

— Только кровь одного из НИХ может погасить грешный огонь.

— Ты и впрямь сумасшедшая, — заявил Тим. — Ведь искры и раньше прожигали ковры.

— А книга? Как она выпрыгнула из огня?

— Выпрыгнула? Это действительно странно. Она выпала, отскочила. Я просто плохо бросил её... вот и всё.

— Ты уверен в этом, Тимоти?

— Да, вполне. Вся эта ерунда о мечах, топорах, бронзе, железе — выдумки. Если бы это было так, то каким же образом тебе удалось порезать мою руку?

Она хитро улыбнулась.

— Посмотри внимательно на нож своей матери. На что он по-твоему похож?

Нож и вправду был странным. Изогнутое лезвие делало его похожим на небольшой ятаган. Однако режущая поверхность была не снаружи лезвия, а внутри. Но Тим упрямо сказал:

— Нож, как нож, только старинный.

— Старинный? Да. Но только не совсем обычный. Знаешь, какой это нож?

— Откуда мне знать?

Она провела пальцем по тупой стороне лезвия с такой страстью, что Тим был поражён. Подобных эмоций за ней раньше не замечал.

— Это нож для снятия кожи, — сказала она. — Тот самый, которым разделялись с ведьмами. Ты назовёшь это предрассудком, но в те времена люди верили, что обыкновенным ножом кожу человека, происходящего от Богов зари, не

снять. Для того, у кого в жилах дочеловеческая кровь, нужен особый металл.

Она повернула нож за рукоятку, и на лезвии блеснуло отражённое пламя.

— Вот тогда и сделали такой специальный нож. Пока металл был ещё горячим, в него добавили кровь из прорванной девственной плевы монашки, боговой невесты, которая принесла свою невинность в жертву во имя торжества Господа. А когда настало время закаливать сталь, лезвие опустили не в простую, а в святую воду. Это уникальный, единственный в своём роде нож...

17

...— Твой любовник имел тебя через зад... или ты брала в рот его... говори!

Молчание.

— Говори, дитя, или опять попадёшь на дыбу.

— Пытайте и будьте прокляты, — кричит она.

— Ещё четверть поворота, милорд?

— Две четверти, — говорит инквизитор.

Лицо его потемнело от гнева. В голосе впервые чувствуется злоба.

— Две четверти. И потом ещё две, а потом полоборота, а потом целый; и ещё, и ещё, пока эта проклятая сука не заговорит...

Комната скоро превращается в ад, пещеру для пыток, оргию нарастающей боли. Когда глаза вылезают из орбит от дикого ужаса, когда голова мотается из стороны в сторону, когда закованные руки сжимаются и разжимаются от боли, когда пальцы ног извиваются как маленькие толстые червяки, а сами ноги дрожат как бока загнанной лошади. Груды колыхаются, выступающие ягодицы напряжены, каждый дюйм её плоти протестует и сопротивляется. Дыба методично и бесстрастно продолжает разрушать тело. Палач, злобно улыбаясь, делает своё дело. Звуки мечутся от стены к стене, бойня наполнена воплями инквизитора, рычаг, поворачиваясь вновь и вновь, издаёт страшный скрип. Она с ужасом ощущает, что её колени

начинают разъединяться, плечи выходят из суставов, позвоночник превращается в столб белого огня. Тело бездумно отдаёт кровь, пот, всё своё содержимое. Но визгливый маньяк продолжает крутить дыбу, подводя её к такому пику страданий, что кажется, вот-вот всё должно закончиться смертью. Но и этот пик можно преодолеть, чтобы отправиться к ещё более мучительному. Боль забирается всё выше и выше, достигает высот, где уже невозможно дышать. Это, наверное, последняя высота, потому что представить себе боль сильнее просто невозможно, она нереальна для плоти и костей. Но вот и эта вершина достигнута, и всё-таки за ней — следующая. Так повторяется, пока два слова, выдвленных из глубин души, не срываются с её губ...

18

Тим и Дженни лежали рядом в её постели.

— Я одно знаю наверняка, — сказала Дженни, — если ты останешься в этом доме, твоя тётя сделает из тебя ещё большего психа, чем она сама.

— Но, может быть, в этом что-то есть, — возразил он озадаченно. — Многие верят в эти оккультные дела. Не могут же все они быть ненормальными.

— Может, и не все, — ответила Дженни, — но если ты поразмыслишь внимательно над тем, что она говорит, то откроешь множество неувязок.

— Но она убедительно растолковывает их.

— Конечно... придумывая аргументы прямо на ходу. Ты же знаешь, человек может быть умным и ненормальным одновременно. Смотри, — она выпростала руки и методично стала считать на пальцах. — Во-первых, ты ей доказываешь свою невиновность, что на тебе нет никаких следов от пуль, так? Она в ответ читает тебе о бронзовых топорах из какой-то старой книги. А, может, этого в книге вовсе и нет, может, она не переводила, а просто придумывала. Но даже если в книге всё так, то что это доказывает? Во-вторых, она ошибается и забывает о собственном вранье — режет тебе руку, а ты ловишь её на этом. Она тут же выдумывает ещё одну сказку о специальном ноже. Разве ты не видишь, что концы с концами не сходятся?

Тим подумал над сказанным Дженни и почувствовал себя чуть увереннее.

— Ну а как же всё-таки книга, камин и огонь?

— Так, как ты ей сказал об этом, Тим. Искры и прежде приводили к пожару, а вещи и раньше выпадали из камина...

— Почему же огонь тут же погас?

— А, может, он и так погас бы сам...

Тим кивнул:

— Я тоже так думаю. — Он уставился на освещённый лунной потолок.

— Джен, — произнёс он через некоторое время. — А что, если я и вправду маньяк?

— Разве тебе надо кого-то насиловать? — задала она вопрос очень нежным голосом и погладила его под простынёй.

— Нет, серьёзно. Отбросим всё это колдовство. Но в реальности вдруг я и правда псих какой-нибудь? Может, я теряю сознание и просто не помню, что творю?

— Я в это ничуть не верю, и ты выбрось это из головы, Тим. То, что случилось с Мэлани и с другими, — это ужасно, чудовищно, но ты к этому непричастен, — твёрдо заключила она.

Он опять помолчал, а затем произнёс:

— Я не перестаю думать об этой книге, переплетённой в человеческую кожу...

— Держу пари, что это самая обычная старая овечья шкура, — она подавила зевок.

— А дырка над «i» в слове «Perditae»?

— Что это за слово? — она повернулась к нему.

— Это часть названия.

Дженни нахмурилась:

— Забавно!

— Что забавно?

— К моему отцу приходил человек, мистер Траск. Я его видела всего минуту. Но пока я шла наверх, клянусь, что он сказал отцу о книге именно с таким названием.

Тим сел в постели:

— Ты уверена?

— Ну, не абсолютно.

— Это, наверное, тот приезжий, что остановился в гостинице.

— Может быть... Эй, куда это ты?

Тим сбросил простыню и встал. Торопливо одеваясь, сказал:

— Я хочу повидаться с ним.

— В такую пору?

— А почему бы и нет. Сейчас не так уж и поздно. И если твой мистер знает что-либо об этой книге, клянусь Богом, он мне расскажет...

Джулиан не спал. Он сидел за письменным столом и изучал записи, которые сделал во время второго разговора со Стефаньски. Ни один человек в мире не знал больше о парачеловеческом поведении, о тончайшей границе между реальностью и фантастикой, наукой и суеверием, чем старый Хенрик Стефаньски. Первую половину жизни он по крупинке собирал эти сведения там, где они возникали — в Европе. Сначала в своей родной Польше, потом в России, Германии, Трансильвании, Франции, Англии. И везде, куда он приезжал, делал удивительные открытия. Находил логические связи, составлял пронципательные выводы. И практически из каждого города, большого или малого, он увозил с собой хоть какой-нибудь ценный документ — книгу, письмо. Обычно он покупал эти вещи, но иногда их отдавали даром. Он как-то признался Джулиану, что приходилось и красть. Таким образом у него собралась самая большая библиотека. Были в его коллекции экземпляры, известные другим только по легендам. Были и совершенно бесценные...

Том «*Artes Perditaе*», которым пользовался сейчас Джулиан, принадлежал Стефаньски. Старик никогда не говорил подробно даже Джулиану, как досталась ему эта книга. «Достаточно сказать, что в те времена, когда буханка хлеба ценилась дороже золота, я обменял в одном месте у одного голодного человека весь имевшийся у меня хлеб на ржавый ключ и карту, начерченную моей собственной кровью на обрывке конверта. Точнее у другого голодного человека, потому что одним был я сам», — так примерно объяснял старик.

Джулиан не раз задумывался над тем, где это было «одно место».

Где произошёл тот случай в охваченном голодом оккупированном городе? В коммунистической тюрьме или в нацистском лагере? Стефаньски больше об этом никогда не заговаривал и не уточнял. Приехав наконец в Штаты, он остался здесь и обосновался в Бостоне.

Джулиан ещё и ещё внимательно просматривал свои записи, что-то сверял с Библией, которая, как и положено в приличном отеле, находилась в ящике тумбочки у кровати. Ему не раз хотелось позвонить Стефаньски, чтобы уточнить какую-нибудь деталь или кое-что проверить. Но трёхчасовая разница во времени делала это нереальным. Старик нездоров, в это время ему явно было положено спать. Пожалуй, так же как и Джулиану. Ночь была и здесь, в Калифорнии. Он позволил себе роскошь протяжно и широко зевнуть во весь рот. Когда уже собрался выключить изящную настольную лампу, раздался стук в дверь.

Он едва поднялся из-за стола — ноги затекли от долгого сидения — и подошёл к двери. Не снимая цепочки, приоткрыл дверь, увидел молодого человека.

— Мистер Траск?

— Да.

— Я могу поговорить с вами? Меня зовут Тим Галэн...

Все помыслы о сне улетучились, когда Джулиан услышал это имя. Тим Галэн, человек, который был с Мэлани, когда на неё напали, человек, который, по утверждению Дока Дженкинса, не мог быть насильником. Тим Галэн — потомок отцов — основателей города.

— Минутку, мистер, — сказал Джулиан.

Быстро подойдя к столу, он буквально смахнул записную книжку и том в пергаменте в ящик стола. Затем снял цепочку и открыл дверь.

Час спустя, выслушав внимательно Тима и задав ему ряд вопросов, Джулиан откинулся в кресле, сцепил пальцы и погрузился в осмысление новой информации.

Наконец он очнулся.

— Первое, что я хотел бы, мистер... Кстати, можно я буду называть вас просто Тим?

— Конечно, мистер Траск.

— Так вот, Тим, вы должны понять, что я не психотерапевт, или медиум, или кто-то другой в этом роде. Я не суеверен, как ваша тётя. В своём подходе к сверхъестественному я агностик, причём убеждённый, к тому же учёный. Мне необходимы убедительные доказательства. Среди тех фактов, которые вы мне изложили, таких доказательств нет. Любое происшествие можно объяснить как совпадение или вымысел или... нормальное физическое явление. Ваша подруга Дженни, кстати очень симпатичная молодая леди, абсолютно права насчёт состояния ума вашей тётушки. Каждый раз, когда вы ловите её непоследовательности, она фальсифицирует собственный рассказ. Возможно, — добавил Джулиан как бы вскользь, — она говорит иногда и чистую правду.

Тим кивнул, хотя последние слова Джулиана были отнюдь неутешительными.

— Что касается книги, — продолжал Джулиан, — естественно, я слышал о ней. Я даже изучал её. Признаюсь, у меня сейчас на руках есть её экземпляр. Книга действительно очень старая и очень редкая. Я крайне удивлён, что здесь в Галэне обнаружился экземпляр этого издания, хотя и с вырванными страницами. Дженни, увы, не права по поводу переплёта. Это не овечья кожа. Я отдавал её на экспертизу. Переплёт, по крайней мере на моём экземпляре, и вправду из человеческой кожи. Вполне возможно, что на остальных тоже. Кожу могли снять с живых людей, но с таким же успехом и с умерших, причём, естественной смертью.

— А что вы скажете по поводу ножа?

— Я склонен думать, что это как раз тот случай, когда ваша тётя права, — ответил Джулиан. — Но без доказательств нельзя поверить в его сверхъестественные свойства. Допускаю, что нож закалили в святой воде. Кровь с плевы девственницы тоже могли добавить в металл. В средние века люди придавали большое значение подобным ритуалам, наделённым, по их убеждению, магическими свойствами. Я слышал историю о том, что в меч одного крестоносца, точнее в металл, из

которого он был сделан, добавили сперму его будущего владельца. Предполагалось, что таким образом оружие приобретёт мужские качества, мужскую стойкость...

— А сны?

— Они посещают тебя с самого детства? — Джулиан не заметил, как перешёл на «ты».

— Да, это так.

— Ну, а какова степень их реальности? Ты утром помнишь что-нибудь?

— Я помню их после пробуждения лишь в течение нескольких секунд, а потом забываю...

— Это всегда один и тот же сон, а действие происходит давным-давно, в другом веке?

— Да, такое ощущение есть, но весьма смутное, — подтвердил Тим.

— А что наталкивает на мысль об этом? Одежда людей или их манера разговаривать?

Джулиан поднялся с кресла и зашагал по комнате.

— Любопытно, — произнёс он. — Можно найти уйму разъяснений и объяснений чему угодно. Причём совершенно простых, не зловещих и естественных. Но есть и другая возможность, не такая примитивная. Видишь ли, Тим, когда я называю себя агностиком, то имею в виду вот что: я не смею верить на слово, мне нужно потрогать и убедиться. И боюсь, что опасения твоей тёти не так уж беспочвенны. Некоторые умозаключения и факты показывают, что ты вполне можешь быть потомком дочеловеческой расы. А если так, то и тем, кто нападал на этих трёх женщин. Это происходит подсознательно. Память отключается. Скорее всего ты потом ничего не помнишь. Но когда это твоё дочеловеческое «я» пробуждается и пытается овладеть женщиной, то именно оно контролирует организм и даже личность. Причём контролирует не только на уровне разума, но также и на физическом. Твоё тело может приобретать другую оболочку.

Тим протянул в сторону Джулиана руку, пытаясь остановить его:

— Помедленнее, пожалуйста, мистер Траск, я не успеваю переваривать.

— Извини, — улыбнулся Джулиан. — Когда я начинаю говорить на эту тему, я просто забываюсь. Давай задержимся сейчас на так называемой генетической памяти.

Тиму показалось, что эти два понятия должны противоречить друг другу. Но он не успел высказать сомнение.

— Существует множество научных мнений по поводу этого, — продолжал Джулиан. — Многие полагают, что мы помним события, которые происходили ещё до нашего рождения...

— До нашего рождения?! — воскликнул Тим.

— Даже до зачатия, — уточнил Джулиан. — Более того, ещё до того, как были зачаты наши родители, деды и прадеды. Гены несут отпечатки памяти от поколения к поколению, спрятанные в молекулах ДНК — основе жизни. Эти следы памяти сильнее у одних и слабее у других. Они проявляются как предчувствия, пустые мечтания, беспочвенные страхи, глупые предположения и даже блестящие идеи. Что такое как не это всё, вдохновение поэтов и других творцов? Воспоминания могут быть в форме религиозных видений. И людей, которых такие видения посещают, называют святыми... или сумасшедшими. И, конечно, когда каждый из нас спит, то есть расслаблен, беззащитен, а разум не задействован, эти генетические воспоминания могут принимать форму снов.

Тим заёрзал. Его потрясли слова Джулиана.

— Есть такой приём, который применяют многие в экспериментах. Он полузаконный, потому что приходится прибегать к помощи лекарства, да ещё такого, какое используется только под врачебным контролем. Не могу не сознаться, что несколько раз мне приходилось нарушать этот закон. Но ведь доктор только моё научное звание — я не практикующий врач. Что скажешь, Тим? Хочешь стать моим соучастником в очередном преступлении?

— Что это за лекарство? — полюбопытствовал Тим.

— Новое, — ответил Джулиан. — По химическому составу относится к так называемой «сыворотке правды». Оно также обладает некоторыми свойствами вытяжки псилоцибина, получаемой из священного гриба Мексики. Считается, что оно более эффективно, чем первое вещество. Фактически

это галлюциноген, приём которого снимает барьеры времени, позволяет разуму пациента легко перемещаться в прошлое, а, возможно, и в прошлое его предков. Нам удавалось добиваться поразительных результатов, и пока, к счастью, не наблюдалось побочных явлений. Это вещество безвредно, если применять его правильно. Ну что, включаешься в игру?

— Да, — без заминки ответил Тим, — так или иначе я должен узнать правду.

— Прекрасно.

— Когда мы начнём?

— Лучше всего прямо сейчас.

— Лекарство у вас с собой?

— В чемодане. Но, как говорят, утро вечера мудренее.

Выспись, подумай и приходи утром...

Тим мгновение колебался, потом решительно сказал:

— Нет, чем раньше, тем лучше.

— Ты уверен?

— Да.

— Засучи рукав и ложись, — скомандовал Джулиан. — Располагайся поудобнее.

Тим снял туфли, засучил рукав и лёг. Джулиан вытащил из-под кровати чемодан. Открыв его, он достал маленькую чёрную коробочку из кожи, в которой хранились ампулы с лекарством, спирт, вата и одноразовые шприцы.

Со знанием дела он протёр спиртом место для укола на руке Тима и воткнул иглу.

— Считай обратно от ста. Медленно, — приказал он юноше.

— Сто, девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь... — начал считать Тим. Ему показалось, что он плывёт, тело освободилось от чувства ограниченности пространства, разум раскрепостился. Он попробовал продолжить счёт, но быстро сбился:

— Девяносто шесть, девяносто пять, девяносто четыре, девяносто пять, девяносто, пять... девять...

Сцены из жизни, как в фильме, пронеслись в его памяти — менялись места, люди, происшествия. Вот детство, школьные дни, отец, мать, тётя — лица знакомые и чужие, голоса,

мягко успокаивающие и грубо угрожающие, неясная спираль вспыхивающих картин. Втянутый в чёрный извивающийся смерч времени, он теперь падал и летел через мили и года, в город, в дом, в комнату, холодную и душную комнату, где находятся мужчины в странных одеяниях и девушка, молоденькая — ей нет ещё и двадцати. Она очень хороша собой, лицо кажется бледным на фоне волос цвета солнца.

19

...Так повторяется, пока два слова, выдавленных из глубины души, не срываются с её губ:

— Помоги мне...

Палач принимает этот её призыв за шутку:

— Ты что, считаешь меня распутником или грудным младенцем... Помочь тебе — но ты не раз брала в рот грязный член животного, и лучше бы тебе рассказать нам об этом...

— Оставь свои шутки, — говорит инквизитор.

Нетерпеливо отстраняя палача и наклоняясь над измазанной кровью и почти расчленённой грудой живого мяса, он шепчет:

— Помочь тебе, дитя, главное моё желание. Не упорствуй больше, потому что если ты не заговоришь, тебя целый день будут так допрашивать. А завтра нам опять придётся мучить тебя.

Губы искусаны до крови, как и язык. Сейчас зубы сжаты от боли. Не глядя ни на кого из присутствующих, девушка кричит:

— Помоги мне...

— Ты зовёшь своего любовника? — спрашивает инквизитор. — Теперь он не может тебя спасти...

— Помоги мне...

И, словно в ответ на её мольбу, начинают происходить вещи, которые нельзя охватить силой разума. Железные оковы падают и превращаются в пыль, освобождая её кровоточащие руки и ноги. Поток холодного воздуха заставляет троих мужчин в камере оглянуться — это развалилась стена, освобождая проход для нежданного гостя.

Трое мужчин, взыв от ужаса, отступают назад, падают, поднимаются на ноги, крестятся, закрывая глаза, царапаются в железную дверь темницы. И она приподнимается с дыбы, чтобы приветствовать...

— Своего любовника? — вскрикивает Джулиан.

Тим, со зрачками, ещё расширенными от лекарства, трёт глаза и пожимает плечами.

Он сидел на кровати и медленно приходил в себя, избавляясь от состояния, близкого к трансу.

— Не могу сказать точно, — ответил он хриплым ото сна голосом. — Это мужчина, но какой-то необычный. Может быть, выше обычного. И эти глаза. Как у ящерицы или змеи...

— Что-нибудь ещё?

Тим покачал головой...

— Ты уверен?

Он задумался и ответил:

— Во сне он всегда голый.

— Да?

— И его никак нельзя принять за женщину. Понимаете, о чём я говорю?

— Будь точнее, — попросил Джулиан.

— Ну понимаете, — с долей смущения произнёс Тим. — Я никогда в жизни не видел ничего подобного. — Через секунду он добавил: — Разве что у жеребца.

Сердце Джулиана забилось сильнее. Но он лишь погладил парня по руке:

— Ладно, Тим, у тебя всё здорово получилось. Теперь ложись отдыхай.

Джулиан не стал объяснять Тиму и даже сам с трудом верил в возможность такого. Но как бы там ни было, юноша только что описал легендарное существо, известное одним как Бог зари, но чаще всего называемое в трактатах о самых необычайных сексуальных проявлениях и извращениях демоном вожделения, или ИНКУБОМ.

СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Эти сверхлюди, недоступные для понимания с помощью нормального разума, временами для своих собственных неясных целей ищут союза с обычными людьми. И то, что этот союз иногда становится браком, может показаться большинству сумасшествием. Между тем то, что люди туманно описывают как «науку», медленно изменяется и подходит постепенно к грани понимания того, что многие, казалось бы, никому не нужные суеверия ждут ещё своего истолкования и осмысления.

Джеймс Брэнч Кейбл
«За гранью жизни»

20

В тот самый вечер Прю Китон отправилась в «Парадиз» с Чарли Прескоттом. Чарли и тот, кто с ним, всегда проходили в кинотеатр бесплатно — недаром же его отец был хозяином «Парадиза». С одной стороны, это позволяло Чарли экономить свои сбережения. Но с другой — ограничивало набор развлечений, которые он мог предложить своим девушкам.

Сегодня Прю напрямую спросила:

— Чарли, неужели нам опять обязательно идти в кино?

Они сидели в кафе за углом кинотеатра. Кондитерскому заведению было столько же лет, сколько и кинотеатру, и его всегда называли «Сахарница». Отец Чарли как-то поведал ему, что первый владелец кафе, кстати уже давно умерший, позаимствовал это название из комикса «Харольд Тин». У той «Сахарницы» собирались подростки — вымышленные герои книги. И Прю, и Чарли пили чай со льдом, но без сахара. Прю потому, что была на диете, а он из-за своего диабета.

— Я думал, что ты любишь ходить в кино, — схитрил Чарли.

— Конечно. Но почему бы нам не сделать что-нибудь ещё для разнообразия?

— Например?

— Может, съездим в Мидвэйл?

— А чего ты не видела в этом Мидвэйле? В любом случае я сегодня без тачки.

— Ну ладно, раз так. Просто, говорят, сегодня твой папаша крутит нудный фильм.

— Нет, его показывали вчера, в последний раз. Сегодня повторяют «Мальтийского сокола». Это же настоящая классика с Богартом и другими звёздами! Но в принципе мы можем просто пройтись по парку.

— Какой парк? Когда этот маньяк разгуливает на свободе?

— Неужели я тебя не защищу...

— Ну, а от тебя кто меня защитит? После всего что я о тебе узнала, ты тоже вполне можешь сойти за психа.

Чарли соорудил рожу сладострастного идиота — выкатил глаза, полуоткрыл рот в слабоумной улыбке, стал беспорядочно шарить перед собой руками.

— Согласно, пошли в кино. Я люблю фильмы с этим мужиком, он потрясно завлекательный.

— Боги потрясный? Впрочем, если тебе нравится такой тип...

— Не он, не Богарт. Питер Лорре. Меня возбуждает всё патологическое, отклоняющееся от нормы. Иначе, как ты думаешь, стала бы я встречаться с тобой?

В ответ Чарли ещё раз скорчил похотливую рожу.

Прюдэнс Китон недавно отметила своё семнадцатилетие. У неё были зелёные глаза, каштановые волосы и стройная гибкая фигура. Её отец Бен владел большим гаражом, где обслуживали и заправляли машины жителей Галэна. Её мать, в девичестве Элен Бартон, преподавала в четвёртом классе начальной школы. Прюдэнс ненавидела своё имя. Её зловредные одноклассницы изводили девочку, сокращая имя то до Прюд (скромница), то до Прюн (простофиля). Но она-то ни та, ни другая!

Кинотеатр «Парадиз» был построен в золотые дни немного кино. В ту пору сюда собирались на любимое развлечение не только обитатели Галэна, но и целой округи. Приезжали семьями на своих дешёвых автомобилях, чтобы посмо-

треть последний шедевр с Валентино или Клэр Бей. Ниша, где когда-то стояла пианола, теперь пустовала. Ах, как вдохновенно играли наёмные музыканты в своё время! Как они умели подобрать музыку к сценам погони или безумных страстей! В фойе ещё остались приметы роскоши двадцатых годов: декоративные фрески на стенах, хрустальные канделябры, даже несколько псевдогреческих скульптур, скромно декорированных фиговыми листочками. Старые ковры и гобелены давно пали жертвой пыли и времени, затоптанные сотнями тысяч ног. Внизу стыдливо спрятаны от посторонних глаз мужская и женская туалетные комнаты. Они были старомодно просторными, слишком просторными для сегодняшней публики.

В годы кризиса, начавшегося в двадцать девятом, кинотеатр не работал. Он пустовал достаточно долго. С наступлением телевидения в пятидесятых «Парадиз» опять некоторое время терпел поражение. Тогда его для поддержания на плаву сдавали для собраний или благотворительных спектаклей. В 1959 году Джо Прескотт купил это здание и переоборудовал под вполне современный кинотеатр, который и давал ему возможность зарабатывать на жизнь. Пройдя через различные реконструкции, кинотеатр ухитрился сохранить своё оригинальное название. Он во все времена был «Парадизом».

Чарли и Прю уселись в зале, когда показывали киножурнал. Проходя мимо кассы, они поприветствовали пышнотелую даму по имени Белинда Феллоуз. Ей было около... впрочем, это называется средний возраст. Она помахала им в ответ. После мультфильма ненадолго зажётся свет. Зрители могли купить какие-нибудь сладости, хотя бы поп-корн — воздушную кукурузу. Чарли и Прю были на диете, поэтому остались на своих местах. Чарли, заполняя паузу, щедро демонстрировал перед девушкой познания о киномире и, конечно, о фильме, который ей предстояло увидеть в его компании.

— Когда, ты говоришь, сняли этот фильм? — уточнила она.

— В сорок первом.

— Бог мой, вот это реликвия! Моя мама тогда была совсем крошкой.

— Да, фильм старый, но тем не менее он даже в то время был третьей киноверсией этой истории.

— Третьей? Очень любопытно. Наверное, действительно неплохой фильм.

— Потрясающий! Снят по роману Дэшила Хэммета. Первая киноверсия увидела свет десятью годами раньше, в тридцать первом году. Там снимались тогдашние знаменитости: Рикардо Кортес, Бебе Даниелс, Дадли Диггес и Уна Меркель, а режиссёр Рой Дель Рус.

— Никогда не слышала о таких.

— Через пять лет они выпустили другой фильм — «Сатана встретил Леди» — это было в тридцать шестом году. Режиссёр Уильям Дитерль пригласил на роли Уоррена Уильяма, Алисона Скипворта, Артура Тренера, Бети Дэвис.

— О, это имя я слышала!

— Но мы сейчас будем смотреть самый хороший и самый известный вариант. Его поставил Джон Хьюстон. В сорок третьем году была сделана радиопостановка с Эдвардом Робинсоном. Ты о нём слышала, надеюсь?

— Ещё бы! — сказала она высокомерно.

— У меня есть эта запись, — хочешь как-нибудь послушать? Лэйрд Грегар в роли Гринстрита и...

— Шшш, — зашипела Прю, — начинается.

И фильм начался. Изображение, снятое в те годы, казалось почтовой маркой по сравнению с гигантскими размерами современных широкоформатных картин. Кадры были чёрно-белыми и жемчужно-серыми. Под мягкую минорную музыку, предвещающую что-то необычное, на фоне чёрной статуэтки птицы проходили титры, сменившиеся, наконец, вступительным текстом:

«В 1539 году мальтийские рыцари послали в дар королю Испании золотого сокола, украшенного от клюва до когтей редчайшими драгоценными камнями. Но пираты перехватили галеру, которая везла этот драгоценный груз. И до наших дней судьба мальтийского сокола остаётся загадкой».

Преувеличенно трагическая музыка сменилась весёлым городским мотивом. На экране появились хорошо знакомые картинки известного американского города и титр: «САН-ФРАНСИСКО», потом перевёрнутое изображение рекламной вывески какой-то конторы, так было оно видно из окна комнаты, в которой находился Хэмфри Богарт. Он сидел за столом и в первых же кадрах поднял взгляд на вошедшую в кабинет секретаршу.

— Н-да, солнышко, — произнёс он.

— Вас хочет видеть девушка. Её зовут Вандерли.

— Клиентка?

— Думаю, да. Но в любом случае на неё приятно взглянуть. Бесподобная красotka!

Боги улыбнулся, как пиранья:

— Пригласи её, Эффи, дорогая. Скорее пригласи.

Когда Эффи ввела клиентку в кабинет, Прю повернулась к Чарли и прошептала:

— Она правда красивая. Кто это?

— Мэри Эстор, — ответил он. — Она снималась в немом кино с Джоном Берримором. Её настоящее имя Люсиль Лантхэнк.

— Я справилась в гостинице о надёжном детективе, частном детективе, — сказала Мэри Эстор вместо приветствия. — И они назвали вас.

— Тогда давайте рассказывайте всё с самого начала, — предложил Боги.

Тут Чарли обнял Прю за плечи, а потом потянулся и к её груди, проступающей из-под блузки. Она ласково поцеловала его руку и положила свою ладонь на его, прижимая к груди...

А на экране Богарт пил с Сиднеем Гринстритом, человеком крупным во всех отношениях. Даже брюшко у него было королевских размеров. Одет был Гринстрит элегантно, массивное тело его венчала голова с редующими седыми волосами, губы постоянно поджаты, маленькие блестящие глазки и нос подошли бы как раз соколу. Голос его напоминал вибрирующее мурлыканье, и в нём угадывался английский акцент:

— Теперь, сэ, если желаете, мы поговорим. Вам сразу скажу, что я человек, который любит поговорить с человеком, который тоже любит поговорить.

— Прекрасно, — воскликнул Боги. — Не поговорить ли нам об одной чёрной птице?

Гринстрит рассмеялся. Казалось, что при этом из его глотки вылетали пузыри:

— Вы как раз собеседник в моём вкусе, не ходите вокруг да около. Сразу к делу. Поговорим о чёрной птице. Но сначала, сэ, ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос...

Прю прошептала Чарли:

— Я скоро вернусь.

— Ты пропустишь самое интересное.

Она пожала плечами:

— Знаешь, когда приспичит...

— Ну, ладно, тогда беги, — приподнялся он, пропуская её. — Не задерживайся.

Прю пошла вверх между рядами по направлению к фойе. Она купила там пачку мятной жвачки без сахара у Мэри Лу. Лоточница была на год моложе Прю.

— Как тебе фильм? — поинтересовалась Мэри Лу.

— Так себе. Всё довольно старомодно. Но Чарли, конечно, балдеет.

— Он вообще помешан на старых картинах.

— Ты права.

Они немного поболтали, не больше, чем могла Прю, о мальчишках, изнасилованиях и других любопытных вещах.

— Я, пожалуй, пойду, пока, Мэри Лу.

Прю положила жвачку в сумочку и поспешила вниз. Через несколько секунд, после того как она расположилась в кабине, ей показалось, что входная дверь в туалетную комнату открылась и захлопнулась: кто-то явно вошёл, но остался стоять у порога. Шагов Прю не слышала. После короткого затишья что-то щёлкнуло, и всё помещение погрузилось в темноту.

— Эй, — крикнула она из кабины, — что случилось со светом?

Ответа не последовало, но по полу раздалось шарканье ног.

Дойдя почти до двери кабины, тот, кто был во мраке, остановился.

Тем временем Сидней Гринстрит отколол чёрное эмалевое покрытие с сокола и обнаружил, что это чугунная подделка. Лорре — стройный, кудрявый, одеянием и манерами похожий на довольного жизнью гомика, изливал на толстяка свой гнев.

— Ты, — выдохнул он, выпучив глаза, — это ты, кто всё испортил... ты со своей глупой попыткой её купить! Кемидов узнал, какая она ценная... ух!.. Неудивительно, что ему легко удалось её украсть... ты... имбецил... надутый идиот... ты жирный дурак... ты...

И он разразился слезами отчаяния, как разобиженный ребёнок. Все тирады он произносил с сильным центрально-европейским акцентом.

Оцепеневшая Прю замерла в кабине.

— Эй, кто там? — набравшись храбрости, снова спросила она. — Кто это?

Темнота давила на глаза как густая чёрная масса. Её начало подташнивать от страха. Дверную ручку кто-то схватил и начал с силой поворачивать. Запертая дверь трещала.

— Прекратите, — крикнула Прю, — кто вы, что вам надо?

Опять раздалось шарканье ног по направлению к соседней кабинке. Кто-то вошёл туда. По звукам она поняла, что этот кто-то забирается с ногами на унитаз. Она ощутила прямо у себя над головой дыхание и посмотрела вверх. Прю даже в темноте улавливала чей-то взгляд, хотя разумом понимала, что это невозможно в такой тьме.

— Что вам надо? — повторила она.

И когда до неё дошло, что этот кто-то делает попытку перелезть в её кабинку из соседней, Прю дико завопила. Натянув трусики, она вскочила, трясущимися руками попыталась отомкнуть дверь. Паника охватила её ещё больше, когда она поняла, что кабина заблокирована снаружи. Прю трясла дверь, но та не поддавалась. Она опять закричала.

Сверху на неё свалилась огромная тяжесть, дыхание у Прю перехватило. Она упала, ноги высунулись из-под не доходившей до пола двери. Падая, она ударилась головой об унитаз и случайно спустила воду, и теперь этот шум раздался у неё в ушах. Левая щека была прижата к ледяной фарфоровой поверхности. Прю попыталась опять закричать, но чья-то рука зажала её рот. Уже до того она поняла, что кричать бессмысленно — услышать её никто не мог. Туалеты были надёжно изолированы от самого кинотеатра двойными дверями и холлом. К тому же эти комнаты располагались гораздо ниже зала и фойе.

— Ну почему, — мелькнуло в голове у Прю, — ни одна женщина не зайдёт в туалет?

В тот же миг она осознала, что никто не появится; во-первых, ещё шёл фильм, а, во-вторых, нападавший скорее всего заблокировал входную дверь так же, как и дверцу кабинки. Другая рука неизвестного, одной он продолжал зажимать рот Прю, потянулась к ней под юбку, мощным рывком сорвала трусики. Девушка отчаянно сопротивлялась, но бесполезно: нападавший был комком мускулов. И всё же она извивалась и дёргалась, пытаясь помешать гнусному замыслу. Ей удалось протиснуть руки к низу живота, чтобы прикрыться.

Но когда она пальцами ощутила размер плоти нападавшего, онемела от ужаса: этого быть не могло, кем бы он ни был, но человеку не даны такие размеры. Тело её пронзила жуткая боль, полоснувшая как огненным мечом. Прю была просто раскромсана, и единственная милость, которая ей была ниспослана свыше в этот ужасный миг, заключалась в том, что она умерла раньше, чем насильник, сотрясаясь всем телом, совершил то, чего добивался...

В самом конце фильма Уорд Бонд в роли полицейского, с любопытством разглядывая чёрную птицу, спросил:

— Что это?

— Это то, из чего сделаны... мечты... — ответили Боги.

Под воздействием лекарства Тим ещё поспал в кровати Джулиана, потом наступило пробуждение. Открыв глаза, он увидел, что Джулиан сидит за столом, перелистывая большую книгу, которую Тим тут же узнал. Это была та же книга, что и старинный том в доме тётки.

Услышав, что Тим пошевелился, Джулиан оторвался от чтения:

— Как себя чувствуешь, малыш?

— Нормально, — ответил Тим, — только словно с перепоя.

Через секунду он добавил:

— Этот сон... генетическая память. Это означает, что я потомок этих ведьм, да?

Джулиан, прежде чем ответить, внимательно посмотрел на парня:

— Возможно, что и так.

Он положил книгу на стол и сел на кровать рядом с Тимом:

— А возможно, и нет. Ты всегда должен помнить, что все так называемые ведьмы, во всяком случае большинство из них, были обвинены ложно. Может, и ты производишь от женщины, которую совершенно напрасно считали колдуньей. А что касается сна, он, может быть, вовсе не проявление генетической памяти, а просто повторяющийся кошмар, основанный на том, что ты слышал или читал, например...

Джулиан взял со стола «*Artes Perditaе*» и принёс Тиму. Он нашёл нужную страницу и показал её:

— В твоём экземпляре есть такая картинка?

Всю страницу занимала средневековая гравюра на дереве, изображавшая обнажённую женщину, растянутую на дыбе, ноги и руки вышли из суставов, рот искажён от застывшего немого крика. Здесь же трое мужчин: один поворачивает рычаг, второй с выражением терпения на лице склонился к женщине, третий сидел за столом и писал. Тим посмотрел на гравюру. Он покачал головой, выражая смущение:

— Я не помню точно, может, это одна из вырванных страниц, а может и нет.

— Учти, её могли вырвать и после того, как ты смотрел книгу в детстве.

— Могли, — согласился Тим.

— Если ты когда-либо глядел на эту картину, то сон тогда ничего не определяет. Такой сон может присниться каждому, кто увидел подобный сюжет, особенно в юном возрасте.

— Но детали сна, — настаивал Тим. — Язык.

Джулиан покачал головой:

— Эти истории, что тебе рассказывала тётя о ведьмах, о том, как с них живьём сдирали кожу, она, по её словам, слышала от твоей матери?

— Так, по крайней мере, она утверждает.

— А разве исключено, что ты тоже либо слышал рассказ матери, либо подслушал её разговор с тётей. Судя по всему, твоя мать была человеком эмоциональным и рассказывала всю эту чертовщину очень красочно. Допускаю, что в твоей голове слились рассказы матери, фильмы, которые ты видел, и книги, которые читал. Твоя тётя упоминала, что была седьмая грешница, которую кто-то спас от дыбы...

— Как ту женщину во сне...

— Да, — сказал Джулиан, — но тётя слышала об этом от твоей матери, следовательно, это мог знать и ты с самого детства.

Тим кивнул, немного успокоившись:

— Да, так могло быть.

Джулиан запер книгу в ящик стола и повернулся к Тиму.

— Всё, что я сейчас сказал, входит в мою роль защитника дьявола, роль твердолобого реалиста, ищущего изъяны в любой таинственной истории, находящего естественные объяснения заведомо сверхъестественным явлениям. Но есть и другая сторона монеты.

Он встал рядом с Тимом и заговорил, загибая пальцы:

— Первое: сон может быть генетическим воспоминанием о реальном событии. Второе: женщина из сна могла вступить в половую связь с выходцем из дочеловеческой эпохи. Третье: ты можешь быть потомком этого союза. Четвёртое: ты можешь в силу этого обладать парачеловеческими возможностями и силой. Пятое: ты мог напасть на Гвен, Мэлани и Лору.

Тим горько произнёс:

— Я знаю, что я самый удобный кандидат на эту роль.

— Но не для Хэнка Валдена, — заметил Джулиан, — иначе ты сидел бы уже в камере. Дело в том, что Док Дженкинс сказал Хэнку что-то такое, что сняло с тебя все подозрения. Мне кажется, я догадываюсь о том, что было сказано Хэнку. Но и это меня не убеждает, потому что я знаю то, чего не знает Док. Я знаю о невероятных возможностях парачеловеческих существ. Я обязан быть откровенен с тобой, Тим. Если бы это зависело только от меня, то я держал бы тебя под замком, пока не удалось бы узнать о тебе побольше. Но это не потому, что я думаю, что ты преступник, а потому, что не уверен, что это не ты сделал. И потому, что легче перестраховаться, чем жалеть потом. Я не хотел бы, чтобы в Галэне ещё кого-то изнасиловали и убили.

Тим криво улыбнулся.

— Значит, я — виновен, пока не доказано обратное.

— Что-то вроде этого. Но, к счастью для тебя, я не представитель закона.

— Но, мистер Траск, — нахмурился Тим, — если бы я хоть на йоту убедился, что могу быть преступником, я бы сам пошёл под стражу.

— Я знаю это, Тим, знаю, — Джулиан похлопал парня по плечу и вздохнул. — Уже очень поздно. Думаю, сегодня мы уже больше ничего не решим. Иди домой. Но ради тебя самого — будь осторожен.

Тим кивнул головой, сам не понимая, с чем он соглашается, и всё же спросил:

— Что именно вы имеете в виду?

— Дочеловеческая раса, согласно легенде, имела власть над природными силами и могла использовать эту силу против своих врагов, в случае если бы те попытались им помешать задержать или захватить.

— Природные силы?

— Ну да, это вода, огонь, земля и воздух. У тебя одно соприкосновение с огнём было.

— Но это случайность...

— Вполне вероятно. Но я повторяю: будь осторожен. Даже если, как считает твоя тётя, ты один из НИХ. Они повернут против тебя, если ты восстанешь против НИХ. Другими словами, ты можешь восстать сам против себя. Твоя дочеловеческая часть может напасть на человеческую часть твоего естества.

Джулиан проводил Тима до двери.

— Но есть и ещё одна причина быть осторожным, причина самая банальная. Лекарство может продолжать действовать. Чтобы это воздействие прекратилось, нужно время. Тебя может стошнить, или начнутся галлюцинации. Но ты не пугайся. Просто постарайся ночью хорошенько выспаться, чтобы к утру быть молодцом.

Они пожали друг другу руки, и Тим ушёл. Вскоре зазвонил телефон. Это была Лора с известием о Прю Китон.

Джулиан встретил Лору в «Парадизе». Тело несчастной девушки уже увезли. Док, Хэнк и Клем были здесь. Они стояли в фойе пустого кинотеатра вместе с хозяином — Джо Прескоттом, его сыном Чарли и лоточницей Мэри Лу. Последняя рыдала. Потрясённый Чарли повторял свой рассказ о последних минутах перед трагедией.

— Как я и говорил, она просто шепнула мне, что на минутку спустится в туалет и сразу же вернётся. Но её не было долго. Я начал беспокоиться, подумал, может, ей стало плохо. Вышел сюда в фойе, попросил Мэри Лу спуститься в дамский туалет и посмотреть, что там стряслось.

Хэнк Валден повернулся к Мэри Лу.

— Там было совсем темно, — заикаясь и всхлипывая, заговорила она, — когда я туда спустилась. — Но я знала, что выключатель прямо за дверью, так что я сразу зажгла свет. И потом... я увидела её...

— Успокойся, детка, — сказал Док Дженкинс. Через секунду Мэри Лу продолжила: — Только её ноги, это всё, что я увидела. Они торчали из кабинки. Чулки все разорваны, один туфель слетел. И... кровь... по всему полу...

Она разразилась плачем.

— Клем, отвези её домой на патрульной машине, — приказал Хэнк, — затем отправляйся к себе. Меня кто-нибудь подбросит.

Клем вывел плачущую Мэри Лу из кинотеатра. Теперь заговорил большой и толстый Джо Прескотт — владелец «Парадиза» и правящий мэр Галэна. Он явно был оригиналом, а Чарльз — молодой копией с него. У старшего тоже когда-то были ярко-рыжие волосы, ныне уже поблёкшие и поредевшие.

— Как только снизу с криком выскочила Мэри Лу, — сказал он, — туда спустились мы с Чарли. Всё было так, как она рассказала. Всюду кровь. Кабина заперта изнутри. Я залез и поглядел через перегородку. Это было... как на бойне. Я понял, что она наверняка мертва. Ничего не стал трогать и сразу же позвонил тебе, Хэнк. К тому времени закончился последний сеанс и люди стали выходить из зала. Я никого не пустил в женский туалет. Некоторые дамы усмотрели в этом ущемление их законных прав, но я объяснил, что прорвало трубу. О Боже! Хэнк, что ты будешь делать со всем этим ужасом? Люди начинают уже брать меня за горло. И надо же было мне, старому идиоту, попасть в мэры именно в этом году! Теперь такое дело, что мне, в свою очередь, придётся брать за горло тебя.

Пока Джо и Хэнк препирались, Джулиан повернулся к Доку Дженкинсу:

— Это было также... как и с остальными?

— На первый взгляд да, — ответил Док. — Но точно смогу утверждать только после детального осмотра. Я сейчас еду в больницу.

— Я с вами, — попросил Джулиан.

— Кто-нибудь уже сообщил её семье? — поинтересовался Док Дженкинс у Валдена.

— Увы, — ответил Хэнк. — Это, как всегда, доверяют только мне. Может, на этот раз найдётся храбрец и освободит меня от столь заманчивой обязанности?

Ответила Лора:

— Я скажу Бену и Элен.

— Спасибо! Это большая помощь для меня и я о ней не забуду, — поблагодарил Хэнк. — К тому же у тебя лучше получится. Как только они увидят меня в такое время, сразу пойдут — пришла беда. Док, я с вами в больницу.

В это время Тим подходил к дому. Ни одно окно не светило — постаралась бережливая тётушка. Он чувствовал себя невероятно усталым, когда поднимался по дорожке в гору к двери дома. Пережитый во сне ужас (а был ли это сон) накладывался на противоречивые и неутешительные теории, выдвинутые Джулианом Траском.

Тим отпер дверь и вошёл в дом. Надо бы было зажечь свет, но он не стал делать этого. За годы, проведённые в этом затхлом жилище, он знал каждый угол и свободно мог ориентироваться в темноте.

В гостиной, проходя мимо старого столика, он протянул руку, чтобы потрогать старую книгу. Она всё ещё была там, и её переплёт из человеческой кожи по-прежнему вызывал у него содрогание.

В темноте он проследовал дальше к лестнице.

С трудом поднимая на ступеньки ставшие свинцовыми ноги, он миновал галерею портретов уже умерших Галэнов. Тим не мог разглядеть их во мраке, но он помнил каждую чёрточку их каменных лиц. Вот Мэтью — его отец, Уоллес — дед, рядом его жена Элизабет. Прадед Эдмунд и его жена Наоми. Все от Кэльвина и Лидии Галэнов. Владельцы этого замка и их жёны. Не было только портрета матери Тима — тётка запретила помещать его вместе с другими. Он висел в комнате Тима, словно зеркальное отражение его самого. Такие же широкие скулы, янтарные глаза и языческая красота.

С каждым шагом Тим слышал как бы усиливающийся голос Джулиана, произносящий обличительные пункты один за другим:

Первое: сон может быть генетическим воспоминанием о реальном событии.

Второе: женщина из сна могла вступить в половую связь с выходцем из дочеловеческой эпохи.

Третье: ты можешь быть потомком этого союза.

Четвёртое: ты можешь в силу этого обладать парачеловеческими возможностями и силами.

Пятое: ты мог напасть на Гвен, Мэлани и Лору.

Старые лестничные доски скрипели от каждого его шага. Казалось, они ритмично декламировали: огонь, вода, земли, воздух. Повторяли вновь и вновь, пока он брёл по лестнице: огонь, вода, земля, воздух!

Наконец он поднялся на второй этаж. Подошёл к спальне тёти. Дверь была закрыта. Он толкнул её. Заперто. Может, она тоже боялась подвергнуться насилию? А может, думала, что на это способен Тим?

Он сардонически улыбнулся. В оправдание насильника, если судить по его последним жертвам, можно сказать определённо одно — вкус у него был хороший. Он предпочитал молодых и красивых женщин. Тим добрался до своей комнаты.

Здесь было не так темно. Лунный свет будто покрыл инеем знакомые предметы. Тим подошёл к туалетному столику. Веки его отяжелели от усталости. Автоматически он выгреб содержимое своих карманов: ключи, монеты, бумажник и положил всё это туда, куда по привычке всегда выкладывал, — подле щётки и расчёски.

Зевая, он снял рубашку, одновременно сбросил туфли. За ними последовали джинсы. Он швырнул их на стул, но промахнулся. Они бесформенной кучкой приземлились на пол. «Ну и чёрт с ними», — сонно пробормотал Тим. Затем с предвкушением блаженства повернулся к кровати.

То, что он увидел, заставило его закричать и отпрыгнуть к стене. Он задел портрет матери. Рамка упала, зазвенело разбитое стекло.

22

Его кровать исчезла. На её месте теперь стояла та средневековая машина для пыток, которую он видел во сне, — дыба. И растянутая на ней со спутанными рыжими волосами, сжатыми зубами, нагая, вся покрытая потом от ужаса и боли

на дыбе была женщина из его сна. Её глаза, расширенные от боли, мерцали в лунном свете, и взгляд их обжигал Тима.

— Помоги мне... — умоляла она.

Тим взвыл от ужаса, спина приросла к стене, тело омертвело.

— Помоги мне... — опять взмолилась она.

Он закрыл глаза и с воплем сполз по стене вниз и, теряя сознание, упал на пол, прямо на хрупкие кусочки стекла.

— Тимоти! — раздался голос тёти.

Она включила свет в его спальне и стояла в дверях в ночной рубашке.

— Что случилось? — спросила она. — Ты весь в крови!

Он сидел среди разбитого стекла, в нижнем белье. Его колени и икры были порезаны острыми осколками. Глаз он не открывал.

— Тимоти! — уже закричала Агата. — Что с тобой?

Он застонал, приподнял руку, указывая на место постели, но всё ещё не открывая глаза от страха и неведения: кровать там или дыба?

Потом он почувствовал, что тётя помогает ему подняться.

— Осторожно, — предупредила она. — Ты порежешь ноги.

Она отвела его от разбитого стекла.

— Сядь здесь, — потребовала Агата и подтолкнула его к стулу.

Тим сел. Её руки заскользили по телу — она стряхивала осколки с его кожи.

— Не так страшно, как мне показалось, — заключила Агата, — к счастью, неглубоко. Тимоти, что это было, кошмар?

Ему было страшно открыть глаза. Он прошептал:

— Разве ты её не видишь?

— Кого?

— Ну, эту девушку... — простонал он, — бедную девушку... там... — С закрытыми по-прежнему глазами он указал на свою кровать.

— Открой глаза, Тимоти, — твёрдо произнесла Агата, — там никого нет.

Боязно, медленно он открыл глаза и взглянул туда, где только что видел дыбу. Там на своём обычном месте стояла его кровать.

— Тебе приснился кошмар, — сказала тётя, — о бедной девушке, как ты её называешь. Разве ты не понимаешь, что это твоя нечистая совесть заставила тебя увидеть эту несчастную жертву... во сне...

— Нет, — покачал он головой, — это не то...

— Кто же это был? Гвен Моррисей? Мэлани Сандерс?..

— Нет же, ты не поймёшь. Ладно забудь про это. Просто была галлюцинация. Он сказал, что у меня это может быть...

— Кто сказал? Что ты имеешь в виду?

— Ничего, тётя Агата. Я очень устал. Я просто хочу спать.

— Хорошо, — согласилась она, — подожди одну минуту. Дай-ка я сначала смажу чем-нибудь твои порезы.

Она пошла в ванную, Тим сидел, тело его обмякло и вспотело от страха. Он вглядывался в валявшийся на полу портрет матери...

Док Дженкинс окончил осмотр Прю Китон и заявил, что она погибла при таких же обстоятельствах, как и предыдущие жертвы. Он, Джулиан, и шериф Валден стояли в зале для посетителей на первом этаже больницы.

— Семнадцать лет! Боже всемогущий... — горестно произнёс Хэнк.

Док Дженкинс неожиданно повернулся к шерифу.

— Чёрт побери, Хэнк, ты обязан изловить этого маньяка!

— Я делаю всё, что могу, — твёрдо ответил Валден.

— Похоже, ты и вправду ищешь его? — съязвил Док.

— На, держи, — заорал Хэнк, срывая знак шерифа с рубахи и протягивая его Доку, — нацепи и носи!

— Джентльмены, прошу вас — попросил Джулиан, вставая между ними, — нервы у всех на пределе...

— Извини, Хэнк, — тихо сказал Док, — не знаю, что это на меня нашло.

— Док, понимаю всё, ты беспокоишься о своей Дженни. И у тебя для этого есть причины. Я бы тоже переживал, будь у меня такая хорошенькая дочка...

— Я знаю, ты делаешь всё возможное, — смягчился Док.

— А я знаю, что толку от этого мало. Но что ещё предпринять? Арестовать молодого Прескотта? Но я по-прежнему больше подозреваю Тима Галэна. Ты, Док, говоришь, что это невозможно и в любом случае он не тот, в кого стреляла Лора Кинсайд. Я в тупике и не вижу выхода, Док. Единственное, что я могу и даже должен сделать, это проверить, где был каждый мужчина города, когда была убита Прю... И я начну с вас двоих.

— Я был дома, в постели, — заявил Док.

— Ты можешь это доказать?

— Боюсь, что нет. — Док покачал головой. — И Марта, и Дженни спали, когда я вернулся из больницы. По-моему, Марта даже не слышала, как я лёг. Нет, Хэнк, у меня нет надёжного алиби. Я мог напасть на Прю и у меня было бы достаточно времени, чтобы добраться домой.

Шериф что-то пробурчал и повернулся к Джулиану.

— Я был в своём номере в гостинице и читал, — ответил Джулиан.

— Конечно, никаких свидетелей?

— Ко мне заходил поговорить Тим Галэн. Но если доктор правильно определил время смерти, то Тим появился позже этого момента. Так что у меня нет алиби.

— Но если нет у вас, то тем более нет и у Тима, — сделал вывод Хэнк. — И у меня тоже. Просто прекрасно, практически каждый мужчина в городе является подозреваемым. — Шериф в смятении покачал головой. — Но тем не менее пора начинать расследование. Тут с вами ничего не узнаешь. Думаю, прежде всего надо проверить отпечатки пальцев и следов на месте преступления. Но скорее всего там уже всё затоптано. У Лоры в кабинете, как помните, не нашли никаких улик.

На рубашке Хэнка, на том месте, откуда он сорвал звезду шерифа, была теперь дырка.

— Испортил новую вещь, — квакнул он, прицепил звезду на прежнее место и, громко топая, вышел из больницы.

— Вот ещё что, Хэнк, — крикнул ему вдогонку Док и, повернувшись к Джулиану, добавил: — Я хочу обсудить с ним один важный вопрос с глазу на глаз. Скоро вернусь.

Джулиан кивнул. Док догнал шерифа почти у самого выхода и тихо зашептал ему на ухо:

— Хэнк, не хочу, чтобы ты придавал излишнее значение тому, о чём сейчас узнаешь. Но моё положение обязывает сказать вот что. Минуту назад, когда мы стояли с Траском, я заявил, что Прю пострадала так же, как и две другие девушки раньше. Но это не совсем так. Есть одна маленькая деталь. — Он сделал паузу, как бы решаясь. — В желудке Прю обнаружено небольшое количество непереваренного протеина и сахара...

— Мороженое и содовая в «Сахарнице» перед сеансом, — заявил Хэнк.

— Нет, Прю пила только чай со льдом. Это подтвердил Чарли. Она сидела на диете. Не спрашивай, зачем это было нужно такому маленькому и хрупкому созданию. Но ты не знаешь современных девиц — они помешаны на том, чтобы похудеть. Моя Дженни тоже такая. Сахара и протеина в желудке было всего ничего. И попали туда буквально за несколько секунд до смерти. Застывший протеин с необычно высоким процентом фруктозы, моносахаридного сахара, который является одним из самых сладких веществ в природе...

— На что ты, чёрт возьми, намекаешь, Сэм?

Голос Дока стал ещё тише:

— Это вещество — человеческая сперма, Хэнк.

Шериф пришёл в ярость:

— Ты хочешь сказать, что этот сукин сын перед тем как изнасиловать, заставил Прю ещё и...?

— Нет, нет. Такое высокое содержимое фруктозы встречается только в сперме диабетиков. А единственный диабетик мужского пола в Галэне — сын Джо.

— Чарли? Так это он?

Док покачал головой:

— Нет, не он... Я знаю физические кондиции Чарли даже лучше, чем Тима, и, поверь мне, ни один из них не мог бы быть

насильником. Это значит только одно, что когда они там сидели в кино в темноте, Прю... понимаешь?

— Док, ты уверен, что это верное объяснение?

— Да. Но мы, Хэнк, должны постараться, чтобы об этом никто не узнал. Правильнее всего обо всём забыть. Тут не только в Чарли дело. Но подумай и о бедных родителях девушки — Элен и Бене. И к тому же, она была племянницей священника. В принципе здесь нет ничего ужасного, они же были влюблены друг в друга. Но какому отцу было бы приятно узнать, что последнее, что его дочка сделала на земле, был именно... ну ты понимаешь?

— Я-то понимаю. Но, по-моему, любой парень, который заставит девушку делать подобное, может её изнасиловать и убить.

— Потихе, Хэнк. Прежде всего ты заскоружный пуританин и к тому же наивный человек. Никто никого ничего не заставлял делать. Прю сделала сама по себе. К тому же ещё одно соображение. Ни один мужчина, который только что получил своё именно таким манером, неспособен так быстро кого-либо изнасиловать. Само наличие спермы Чарли в желудке Прю практически является его алиби.

— Допустим, с точки зрения медицины, это так. Но кто же тогда это сделал?

Док усмехнулся:

— Ты только что признал, Хэнк, что я врач. А ты шериф. Так что это твоя проблема.

Хэнк фыркнул и вышел на улицу, а Док вернулся в зал больницы, где его ждал Джулиан.

— Хэнк — хороший полицейский, — заявил Док.

— Знаю, — согласился Джулиан, — но одновременно знаю, что с подобным делом не справиться ни одному полицейскому в мире. Это вне пределов полицейской компетенции и вашей тоже, кстати. Теперь ты на моей территории, Док. И я думаю, что настало время рассказать вам абсолютно всё о случаях с Гвен, Мэлани, Прю и о Тиме Галэне тоже. К чёрту медицинскую этику. Погибли три девушки. Одна чудом спаслась. Может быть, я сумел бы установить преступника, но для этого мне нужна ваша помощь.

Док Дженкинс вздохнул:

— Уговорили. Идите в машину. Надеюсь увидеть вас в моём кабинете минут через десять. У меня в заначке есть бутылка виски.

Десять минут спустя Док оправдывался, размахивая бутылкой:

— Заначка исключительно для экстренных случаев — и если сегодня не такой случай, то я ничего в жизни не понимаю.

Он щедро наполнил два стакана и один протянул Джулиану:

— Будем здоровы!

Они выпили.

Док присел на край стола.

— Помню, я читал как-то в книге, — сказал он, — как Иван Грозный казнил людей. Это они называли сажать на кол. У турок переняли. Приговорённого раздевали и сажали на высокую тонкую палку с острым концом. Мужчинам палку вставляли в задний проход где-то на дюйм. Для женщин предусматривали другую возможность. Ну, вначале казалось всё не так страшно, но потом вступала в действие сила земного притяжения, и несчастная жертва начинала скользить по палке. Медленно дюйм за дюймом её тянуло вниз под тяжестью собственного тела, и острая пика всё глубже и глубже впивалась, разрывая все ткани, до тех пор, пока ноги не касались земли. Говорят, на это уходило несколько часов. Люди приносили с собой еду, приходя на казнь, и проводили целый день, наблюдая за муками приговорённого. Должно быть, для них всё это было так же занимательно, как для наших современников гонка типа Индианаполис 500, где гонщики имеют шанс перевернуться и изжариться заживо. Я на своём веку не имел «счастья» осматривать тело посаженного на кол, однако все три жертвы насилия больше всего напоминали о подобном зверстве.

Джулиан отпил из своего стакана:

— Я считаю, что насильник должен быть физически, так сказать, «сверходарённым», то есть иметь патологические размеры орудия насилия...

Док кивнул и сделал ещё один большой глоток:

— Да, вы верно догадались. Не знаю каким образом. Но вспомните мои выводы. Это не мог быть, например, Тим Галэн. У того нет ни в одной сфере отклонений от нормы.

— Ну и что? — равнодушно произнёс Джулиан.

— Подозреваю, что вы имеете в виду, — сказал доктор. — Но вы заблуждаетесь, думая, что преступник использовал какой-либо предмет. Садисты-маньяки прибегают к этому довольно часто, орудуя пивной бутылкой или початком кукурузы или чёрт его знает чем ещё, если они импотенты.

— Нет, — возразил Джулиан, — не о том речь. Насильник ведь не был импотентом, не правда ли?

Док отставил стакан:

— Ну, не был. Но вы-то откуда знаете?

— Просто догадался. В половых органах девушек было вполне достаточно спермы. Правильно?

Док кивнул. Джулиан продолжил:

— Значит, насильник импотентом не был... Я позволю себе выдвинуть ещё одно предположение. При нормальной эякуляции выделяется, ну примерно, с чайную ложку спермы. Но я уверен, что во всех трёх случаях её было гораздо больше. — Джулиан сделал паузу, ожидая комментария Дока.

Тот кивнул.

— Намного больше?

— Да, — подтвердил Дженкинс.

Джулиан встал и нетерпеливо зашагал по комнате.

— Док, — сказал он. — Я думаю, мы делаем успехи, и чувствую, что мы на пути к разгадке. Теперь перейдём к дальнейшим подробностям. Вы подтвердили, что спермы было намного больше. Ну так насколько же всё-таки?

Док поднял стакан и осушил его на этот раз до дна.

— Все трое были заполнены ею до краёв. Она просто выливалась из них. — Он передёрнулся:

— В каждой было не меньше литра...

Дженкинс налил ещё виски.

— В случае с Прю, — решил он больше ничего не скрывать от Джулиана, — небольшое количество спермы было и в желудке тоже. Но я уверен, и не вздумайте спрашивать меня почему, что то была не сперма насильника.

— Вы правы, — согласился Джулиан, — но совсем не в том, в чём уверены. В отличие от многих других насильников, и агрессивных, и тех, кто прячется по кустам, у этого нет абсолютно никакого интереса к оральному акту.

— Вы чертовски уверены в себе.

— Доктор Дженкинс, — сказал Джулиан, машинально переходя на формальную британскую манеру общения, — вы обследовали девушек. Вы один видели собственными глазами, что сотворил с ними насильник. Вы единственный, кто может рассказать мне о всех последствиях насилия. Время щадить друг другу нервы уже прошло. Мы говорили о возможности того, что орган у насильника больше обычного мужского. Но во сколько раз? В два? В три? Что вы можете сказать, исходя из экспертизы жертв?

— Вы всё равно мне не поверите, — ответил Док.

— Ну, а вы всё же попробуйте убедить.

— Судя по состоянию тел девушек, разрывам тканей, массивным кровотечениям, смертельным последствиям повреждений... — Док опять осушил стакан, — я бы сказал, что эта треклятая штукавина должна быть размером, как минимум, с мою руку. — И Док для наглядности вытянул левую руку. Ничего подобного у нормальных мужчин не наблюдается, — добавил он. — Такое скорее можно встретить в зоопарке.

Джулиан задумчиво кивнул.

— Странно, — произнёс он, как бы обращаясь к самому себе, — кто-то сегодня уже приводил аналогию с животными. — И вспомнил, что Тим упомянул коня.

Док решил уточнить:

— Погодите. Я ведь не утверждал, что думаю о том, что это было животное...

— Знаю, знаю, — прервал его Джулиан.

— Ни возле Гвен, ни возле Мэлани не было обнаружено ничего похожего на следы животного...

— Конечно, нет. Мы ведь ищем не совсем животное. Но мы ищем и не совсем человека. Мы ищем редкое существо, которое не вымирает лишь по одной причине: время от времени происходит совоплощение представителя этого вида с человеком, и таким образом род продолжается. Оно убивать не хочет.

Оно хочет лишь иметь потомство. Но физические размеры делают эту связь смертельной для женщины. Оно само об этом не догадывается, ибо слепо в отношении всего, кроме всепоглощающего сексуального влечения, во имя рождения себе подобных. Редко, может быть, один или два раза за всю новейшую историю ему удалось сделать выжившую женщину беременной. В таком случае родится ребёнок. И этот гибрид вырастает, заводит своих детей. С каждым новым поколением нечеловеческая наследственность становится всё более размытой, она слабеет и слабеет, становясь невидимой, недоступной для обнаружения существующими методами исследований. Поэтому такой человек для окружающих вполне нормален. Но что-то происходит, и наследственность эта вдруг начинает вырываться наружу и доминировать, тогда...

Телефонный звонок прервал Джулиана. Доктор не снял сразу трубку. Он повернулся к собеседнику:

— У этого редкого существа есть какое-нибудь название?

— Несколько, — ответил Джулиан, — одно из них — ИНКУБ.

— Доктор Дженкинс, — наконец отозвался Док на звонок. Через минуту лицо его исказила гримаса шока.

— Нет! — прошептал он, — о, Боже, нет, Хэнк. Я еду...

Рука доктора буквально уронила трубку. Шок на лице сменила брезгливость, как будто он дотронулся до мерзкого существа, о котором они только что говорили.

— Что, ещё одна? — не веря в догадку спросил Джулиан. Доктор посмотрел на него потерянно.

— Не одна, а две: номер четыре и пять...

23

Аните Грант было сорок, когда она умерла. Она всегда слыла красивой цветущей женщиной. Красивой она оставалась и до самого смертного часа. Здоровье, свою безграничную энергию, любовь к спорту, жизни вообще она потеряла в одну минуту. Ей было тогда тридцать семь лет. Если бы самый изощрённый изверг попытался найти способ, чтобы свести женщину её натуры с ума и подвергнуть бесконечной пытке,

то и он не придумал бы лучшего способа, чем было её существование в последние годы. Судьба приковала Аниту к постели и инвалидной коляске, что было непосильным, дьявольским испытанием.

И тем не менее Анита Грант никогда не роптала. Воля её оставалась несгибаемой, улыбка всегда бодрой, вера в Бога стала сильнее, чем была раньше. И только в редкие моменты, когда она оставалась в одиночестве, Анита позволяла себе заплакать. Но и тогда она плакала не о своей доле. Она омывала слезами участь дочери, вынужденной бросить учёбу и пойти работать, чтобы прокормить мать-инвалида и себя. И ещё она оплакивала мужа, весёлого Джона, как они его всегда называли, которого погубил слепой рок в самом расцвете лет и сил.

«Я не имею права так рассуждать, — часто говорила Анита себе. — Если судьба слепа, то это должно означать, что и Бог слеп и глух к мольбам людей и их надеждам. Если допустить, что судьба слепа, то жизнь тогда не более чем просто случайность, бесформенная и бессмысленная. Тогда может стать так, что добро будет наказано, а зло восторжествует».

— На всё была воля Божья, — утешал её преподобный Китон.

И она верила, потому что в противном случае просто бы рехнулась.

— Воля Божья или Промысел Божий? — Она не могла не задавать этот вопрос. За что? За что в той ужасной катастрофе Бог убил мужа, её сделал навсегда инвалидом, правда, пощадив дочь? Какой был в этом смысл? Какая цель? Что за Промысел Божий такой?

Была зловещая ирония в том, из-за чего произошла трагедия. Маленькое существо отняло жизнь у двоих.

Участок дороги, по которому они тогда ехали, не считался особо опасным. Ни серпантинов, ни резких поворотов — просто ровное прямое шоссе между Мидвэйлом и Галэнном. Стоял приятный весенний вечер, было около половины одиннадцатого. В воздухе сладко пахло лавром. Мэри Лу, которой было тогда тринадцать, сидела сзади и напевала вслед за радио одну из роковых песенок, которые она так любила. Джон шутливо грозился переключить приёмник на другую станцию, где,

скажем, идёт церковная проповедь. Но вопль протеста Мэри Лу заставил их всех троих рассмеяться. Был ли ещё на свете отец и муж, которого бы так любили в семье? Мэри Лу его боготворила, а Анита считала главным для себя сделать его счастливым. Джон отвечал им тем же с широтой и теплом своей натуры. «Я счастливый человек», — часто повторял он.

Встречная машина резко пошла на них, свернув по совершенно идиотской причине. Суслик! Тот водитель не захотел сбить маленькое существо, зазевавшееся в свете фар. Автомобили столкнулись лоб в лоб. Водитель встречной машины, ехавший один, моментально превратился в кровавое месиво. Джон тоже.

Анита и Мэри Лу остались живы. Мэри Лу отделалась вообще только синяками и царапинами. Её матери повезло меньше. Часть позвоночника была повреждена, нервы порваны. Её надо было перетаскивать из кровати в коляску и наоборот. То, что было когда-то парой сильных стройных ног, стало бесполезным придатком к телу. А ведь как эти ноги блистали на теннисных кортах и сжимали мужа в любовном экстазе!

Теперь она даже пальцами пошевелить не могла. «Самые красивые пальцы в городе», — говорил бывало Джон, целуя их. Иногда он расширял географию: «на всём Западе» или «во всём огромном мире».

Джон знал, что он банален. И гордился этим. «Самые лучшие вещи в мире чертовски банальны, — повторял он часто. — Любовь, дети, дружба, жареная курица, собаки, даже мать-природа. Посмотрите на этот закат! Вы когда-нибудь видели вещь более банальную? Я вас спрашиваю?»

Анита удивила всех, когда вышла замуж именно за него, удивила даже самого Джона. «Ты могла меня и пёрышком опрокинуть, — признался он. — Мне хотелось заполучить тебя как ничто другое, ни до, ни после этого, но я не думал, что у меня есть хоть малейший шанс на такую шикарную женщину? Но попытка не пытка. И Бог свидетель — ты сказала: „Да“!» «Что она во мне нашла», — удивлялся он. Удивлялись и другие: «Что в нём нашла». Джон признавался, что он удивлён до сих пор, после многих лет совместной жизни.

Она умела ценить добро. И вот так, за одну секунду, вся жизнь сломана. Всё изменилось из-за одной причуды случая на этой дороге. Всё самое хорошее и любовь, которые были воплощены в понятии «Джон Грант», исчезли с лица земли. Исчезла её главная способность — быть полезной. Жизнь Мэри Лу отравлена горем, душевной травмой и непосильной ношей.

— Могло быть и хуже, — успокаивал её святой отец, когда она вскоре после катастрофы ощущала самую горькую обиду на судьбу.

— О да Ваше, преподобие, — отвечала Анита едко, — я знаю. Не важно, как всё было плохо. Ведь всегда может быть ещё хуже. И, вероятно, так и будет.

...Она услышала, как повернулся ключ во входной двери. Неужели уже так поздно? Неужели последний сеанс в «Парадизе» закончился и Мэри Лу вернулась домой? Время для неё обычно тянулось так медленно. Но она, наверное, сегодня просто задремала.

— Мама!

— Я не сплю, моя радость, — откликнулась Анита.

Когда Мэри Лу появилась в дверях, Анита сразу заметила, что дочь совсем недавно плакала.

— Что случилось, солнышко моё?

— Ой, мама, — опять заплакала Мэри Лу, — Прю Китон! — Слёзы хлынули из её глаз. Она опустилась на кровать к матери за утешением.

— Что стряслось?

В дверях спальни смущённо мялся Клем. Анита удивилась, увидев заместителя шерифа.

— Клем, в чём дело? — спросила Анита.

Сухими, официальными словами он рассказал ей всё.

— О, Боже! — вскрикнула Анита, глядя по голове свою плачущую дочь. — Какой ужасный конец для бедняжки Прю и какое потрясение для тебя, родная. — О, Клем, что же происходит в этом городе? Кто творит этот кошмар? Почему нельзя его остановить?

Клем передёрнулся:

— Мы делаем всё возможное, мэм.

— Я понимаю. Конечно, делаете.

— Я обойду вокруг дома, миссис Грант, и проверю, закрыты ли все окна, а потом зайду.

Анита кивнула, не в силах произнести ни слова. Несколько минут спустя Клем объявил, что все окна надёжно заперты. Мэри Лу проводила его до двери, заперла её на два поворота ключа и на щеколду, как посоветовал он.

— Бедная Элен, — сказала Анита, когда Мэри Лу вернулась к ней, — и Бен. Что сейчас с ними творится... И его предположение...

Против её воли жестокая мысль обожгла Аниту. Стал бы и теперь утверждать святой отец, что всегда надо рассчитывать на худшее и что на всё — воля Божья? Её покорило от прормелькнувших раздумий и стало не по себе.

— Деточка, — успокаивала она дочь, — прими горячую ванну. Это поможет расслабиться. Если хочешь, спи сегодня со мной.

— Да, пожалуй, — согласилась Мэри Лу.

— Ну, тогда беги, не теряй времени.

Что же творится в этом мире, спрашивала себя искалеченная вдова. Куда исчезла радость? Неужели и вправду бывает хуже. Неужели в таком тихом городке, как Галэн, — это же не какой-нибудь ужасный Нью-Йорк или там Чикаго, — могут происходить такие страшные дела? Изнасилование и убийство одной за другой трёх девушек... Джон, дорогой, тебе повезло, что ты этого не видишь, сказала она про себя. Мир уже больше не набор тихих банальных вещей — закатов, собак или жареных куриц. Он состоит теперь из боли, грязи, смерти.

Усыпляющий монотонный звук воды, наполняющей ванну, подействовал на Аниту как колыбельная. Она медленно погрузилась в сон, в спасительное сновидение о тех счастливых днях, о любви Джона, пикниках с Джоном и Мэри Лу, плавании, теннисе, поцелуях и смехе.

Грохот вырвал её из сна и мгновенно разбудил: «Что это? Стекло? Окно?» И сразу же тишину в доме прорезал крик Мэри Лу, затем шквальный всплеск воды и потом опять крик.

— Мэри Лу? Что с тобой, Мэри Лу?

Крики страха и агонии доносились до Аниты, крики как на бойне. Девочка как в детстве звала не «мам!» или «мать!», а «маама, мама, маааама!»

— Мэри Лу!

Анита поняла всё. Здесь в её доме в этот момент умерщвлял насильник её дочь. Она потянулась к телефону на тумбочке. Рука пыталась схватить трубку, но пальцы никак не слушались.

Она подтянула своё непослушное тело ближе к телефону и, бросившись на него, ей удалось отделить трубку от аппарата. Она услышала гудок и набрала коммутатор. Но в этот момент телефон выскользнул и с грохотом свалился на пол.

— МААМАА! МАААА!

«О, Боже! Пощади её! Пощади её и возьми меня, эту мёртвую плоть — никчёмную полуженщину, отправь меня на вечный костёр ада, возьми меня, не её, не её, не её, не её...»

Крики оборвались.

Анита не слышала больше ничего кроме собственного дыхания. Она знала, что означает эта тишина. Мэри Лу уже мертва. Её девочка умерла.

«Моя девочка, моя девочка...»

Новые звуки. Шаги. Хлюпающие, сильные шаги. Вода капает с идущего. Тяжёлые мокрые шаги приближаются ближе и ближе к её спальне...

Скованная неподвижностью, Анита могла только ожидать появления этого зверя. По её убеждению, такой человек мог быть только зверем, он не заслуживал имени — человек. Она лежала в своей кровати как на жертвенном алтаре, человеческая жертва жестокому Богу, жертва, которую даже не надо было связывать, и слушала, как всё ближе и ближе, всё громче раздавались шаги: хлюп, хлюп...

Сквозь ужас и горе, почти умертвившие её и превратившие тело в какую-то аморфную массу, вдруг пробила мысль, которая поразила Аниту. В ней, оказывается, не умерло любопытство: ей было интересно узнать, кто же это её враг, который с каждым шагом приближается к ней. Стремление увидеть, кто это, было так велико, что страх смешался со жгучим

желанием узнать лицо и имя изверга, того, кто изнасиловал и убил её ребёнка и других невинных девушек.

Хлюп, хлюп, хлюп... Анита уставилась своими затуманившимися от слёз глазами на дверь... ещё секунда, и она всё узнает...

Тот, кто вторгся в их дом, стоял в дверях, с него на ковёр капала вода и кровь. Кровь Мэри Лу. Он стоял в алой луже. Анита онемела. Ужас был слишком велик, чтобы преодолеть его и закричать! Это был вовсе не человек. Это была какая-то жуткая пародия на род людской, грязная насмешка над естеством, — не человек, вот что продвигалось сейчас упорно к её кровати. Огромных размеров половой орган бросался в глаза прежде всего и выступал вперёд как оружие. Но весь ужас заключался не в том, что существо не было человеком и даже не в сверхъестественных размерах его члена. Отчаяние, которое перехватило её дыхание, было вызвано тем, что за миг до того, как это создание бросилось на неё, она узнала лицо...

24

Мэри Лу лежала в ванной, полной крови. Это было первое, что поражало и взгляд, и разум. Ванна была большой и стояла на четырёх львиных лапах, далеко от стены. Руки и ноги девушки свисали с обеих стенок, и красная вода всё ещё капала с её пальцев. Голова свесилась на шею, невидящие мёртвые глаза были широко открыты. Крошево разбитого стекла усыпало кафельный пол. Рама окна над ванной по-прежнему была заперта, но стекло выбито. След воды и крови вёл из ванны прямо к кровати матери девушки. Анита лежала навзничь в запятнанной кровью постели. Ноги как бы подчёркнуто были разведены в стороны, халат и рубашка задраны до пояса.

Лицо Хэнка Валдена посерело от событий этой ночи.

— У Аниты не было никакой возможности спасти дочь и себя, — сказал он Джулиану, пока Док Дженкинс осматривал тело несчастной женщины. — Она наверняка слышала, как разлетелось стекло в ванной, как кричала Мэри Лу, но ничего поделать не могла. Она попыталась позвонить, но аппарат упал на пол. Она ведь не могла встать без посторонней помощи:

была парализована после автокатастрофы три года назад, в которой погиб её муж. Так что ей ничего не оставалось, только лежать и слушать, как убивают её дочь, и ждать, когда этот мерзавец дойдёт до её спальни и доберётся до неё. Она была замечательной, мужественной женщиной. Чёрт всё побори! Трое за один вечер!

— Всё идёт по нарастающей, — это было всё, что Джулиан смог из себя выдать. И даже ему самому слова эти показались лишними.

— Он уже второй раз вламывается через закрытое окно, — констатировал Хэнк. — Этот тип явно не опасается битого стекла. Господи, я знаю не один случай, когда люди умирали от порезов осколков стекла. А этот сукин сын судя по всему легко преодолевает любые препятствия.

Джулиану казалось, что он знает, почему это происходит. Но вряд ли имело смысл рассказывать о своей догадке во всеуслышание.

Хэнк объявил:

— Я собираюсь раздать оружие всем женщинам в Галлене. Реквизирую то, что стреляет в магазине спорттоваров Оскара Гаррета. Вспомните, единственное, что спасло Лору, был револьвер её отца. Мне придётся также поделить мужчин в городе на пары, чтобы они осуществляли перекрёстную слежку друг за другом.

— К данному вопросу вернётесь потом, — сказал Док Дженкинс, присоединяясь к стоящим в гостиной. — А где Клем?

— Хотел бы и я это знать, — ответил Хэнк. — я бы очень хотел это знать?!

— Кто вас известил о Грантах? — спросил Джулиан.

— Телефонистка, когда Анита уронила трубку, она услышала крики, поэтому и позвонила мне. Я со всех ног бросился сюда. Но было поздно, слишком поздно.

— А разве Клем отвозил сегодня Мэри Лу из кинотеатра домой? — спросил Док.

— Именно он, — буркнул угрюмо Хэнк. — Потому он и подозреваемый номер один.

Клем вошёл в дом Грантов.

— Где тебя черти носили? — заорал Хэнк.

— Я был на пляже, воздухом дышал, — ответил Клем, поражённый яростным тоном Хэнка. — Радио запищало, когда я вернулся к машине. Девушка сказала, что вы пытались дозвониться до меня и что мне лучше побыстрее ехать к дому Грантов. Что случилось, Хэнк? Это... не с Мэри Лу?

— Да, ты прав, чёрт побери. Это Мэри Лу и... её мать!

Клем медленно опустился на стул, закрыв лицо руками.

— Господи Боже мой, Всемогущий, — только и смог он произнести.

А Хэнк продолжал орать:

— Я хочу знать о каждом твоём шаге с тех пор, как ты уехал с девочкой от кинотеатра. Отвечай!

Клем в недоумении посмотрел на него:

— Я отвёз её домой, как вы и сказали. Даже ввёл в дом. Поздоровался с Анитой. Проверил, закрыты ли все окна, велел Мэри Лу запереть дверь на два замка и щеколду после моего ухода.

Хэнк изучающе посмотрел на своего заместителя:

— Говоришь, зашёл в дом и поздоровался с Анитой?

— Мне казалось, что это следовало сделать, — ответил Клем.

— А что ещё ты сделал?

— Ничего. Потом ушёл. Я был на машине, поэтому проехался вокруг дома и отправился на пляж.

— Это самое отвратительное алиби из тех, которые я когда-либо слышал, — закричал Хэнк, — тебе придётся сочинить что-либо поумнее.

— Алиби? — переспросил ошарашенный Клем.

— В этом доме убиты две женщины, чёрт побери. И если ты не придумаешь ничего лучше, чем «проехался вокруг», то окажешься за решёткой, сынок.

Под яростным натиском Хэнка Клем сник. Он был готов расплакаться:

— Господи, Хэнк, неужели вы думаете, что я способен на такое?

— Почему бы мне так не думать? Что исключает тебя из числа подозреваемых? Где ты был, когда убили Моррисей и на

пляже напали на Мэлани? А когда вломились в кабинет Лоры Кинсайд и Прю Китон пришла вечером в «Парадиз»? «Проехался вокруг» — да? Когда Аниту Грант и её дочь изнасиловали до смерти в этом доме меньше чем полчаса назад? Каждый раз «на пляже воздухом дышал»?

— Боже, Хэнк...

— Отвечай!

Клем проглотил комок в горле. Дрожащим голосом он произнёс:

— А где вы сами были, Хэнк, в тех же случаях?

— Обо мне не беспокойся...

Тут вмешался Док Дженкинс:

— Умерь пыл, Хэнк. Ты не сможешь всё равно запрятать за решётку всех мужчин Галэна. Только я и Траск в последнем случае чисты как первый снег. Мы можем подтвердить алиби друг друга. Мы оба находились в кабинете у меня. А до этого вместе с тобой в больнице. Но после того как ты оттуда уехал, у тебя доставало времени добраться до дома Грантов. Себя ты тоже собираешься схватить?

— Да, да, вы все правы! — прохрипел Хэнк. Он повернулся к Клему:

— Но чтобы больше никаких «дышаний» на патрульной машине! Это собственность округа! А пока мы не покончили с чудовищным скотом, будем дежурить по двадцать четыре часа и ты, и я! Я должен каждую минуту знать, где ты находишься. Понял?

— Я всё слышал и понял, — заверил его Клем.

— У меня больше нет никаких сил, — сказал Док Дженкинс. — Если ты распорядишься, чтобы тела доставили в морг больницы, то я завершу осмотр утром.

Док отвёл Джулиана в сторону:

— Предлагаю зайти ко мне. Выпьем на сон грядущий. И потом, нам надо закончить прерванный разговор.

Когда они вдвоём устроились в гостиной доктора и Док потянулся к графину, Джулиан заметил:

— Вы не возражаете, если сегодня мы поговорим без выпивки?

— Если вы не хотите присоединиться ко мне, то и не надо. Я никому насильно алкоголь не навязываю, при сегодняшних-то ценах!

— Думаю, нам обоим лучше сейчас сохранить совершенно ясную голову, — с намёком произнёс Джулиан.

Когда прозвучала эта фраза, графин с виски уже завис над стаканом доктора, Док опустил его.

— Может, вы и правы, — согласился он. Потом сел напротив Джулиана. — Да, мне понадобится ясная голова, чтобы понять ваши предположения... Я так назвал бы ваши теории, заумные теории... Я люблю это слово — теория. Но употреблять его доводится не часто.

Джулиану было не до словесной эквилибристики:

— Могу я попросить вас выслушать меня внимательно и без предвзятости, а потом обдумать всё услышанное?

— Простите великодушно, — сказал Док, — моя слабость — люблю поехидничать. Простой провинциальный докторишка. Сложно бороться со своими мелкими привычками. Сложнее, чем отказаться от наркотиков или выпивки. Хорошо, не буду предвзятым, то есть скептическим. И вот что вам скажу. Вы сумели вычислить две особенности, характерные для всех случаев. Как вы это сделали, я не знаю, но вы попали в десятку, когда сказали о размерах органа и количестве спермы. Так что продолжайте. Повторяю, не буду предвзятым, но и легковёрным тоже. Я буду стараться заметить несоответствия в ваших рассуждениях. И предупреждаю, что принимаю роль защитника дьявола.

Джулиан улыбнулся:

— Я сам сегодня уже употребил это выражение, когда встречался с Тимом Галэном. — Джулиан изложил вкратце свою беседу с Тимом и рассказал Доку о лекарстве и о снах Тима, о генетической памяти и ИНКУБЕ.

— ИНКУБ, — повторил Док. — Что же это такое?

— Давайте обратимся опять к вашей Библии.

Док кивнул и достал книгу с полки. Джулиан предложил:

— Начинайте, пожалуйста, с той же строки.

— Книгу Бытия?

— Да. Главу Шестую.

Док нашёл это место и начал читать вслух: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал...»

— Переходите к четвёртому стиху, — попросил Джулиан, и Док продолжил: — «В то время были на Земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им...»

Джулиан прервал его:

— Как вы думаете, что означает «сыны Божии»?

Док пожал плечами и покачал головой.

— Для меня это всё как стихи Гусыни. Красивая сказка, где нет веры ни единому слову. Сыны Божии — странно как-то звучит. Я считал, что Иисус был единственным сыном Бога, но это явно к нему не относится. Думаю, что это нечто вроде ангелов.

— Вам не откажешь в логике, — заметил Джулиан, — и теологи расходятся в толковании этих слов. Но существует одна точка зрения, более странная, чем сам этот отрывок. Подождите, я лучше посмотрю свои записи...

Из внутреннего кармана он достал записную книжку с цитатами, которые продиктовал по телефону Стефаньски.

— Да, вот, слушайте. По поводу строк из Библии, которые вы только что прочитали. Папа римский Бенедикт XIV сказал следующее: «В этом отрывке упоминаются существа известные как ИНКУБЫ и СУКУБЫ» — конец цитаты. В средневековом фольклоре считалось, что ИНКУБЫ — мужского рода, а СУКУБЫ — женского. Но французский доминиканский монах по имени Шарль Ренэ Биллуарт написал: «Один и тот же злой дух может служить СУКУБОМ для мужчин и ИНКУБОМ для женщин». Монах этот жил с 1685 года по 1757 годы и...

— Замечательно, — прервал его Док не без сарказма. — Лично для меня это не более чем стихи Гусыни. Почему я должен вникать в то, что написал какой-то суеверный священник несколько столетий назад? А вам какое до этого дело? Не слишком ли вы, учёный, перебарщиваете, считая своим коллегой того монаха?

— Видите ли, — спокойно продолжал Джулиан, — именно как учёный, я очень внимательно отношусь к каким-то понятиям, которые часто повторяются в высказываниях различных людей, причём из разного времени. Я стараюсь не обращать внимания на игру слов, эмоциональные термины типа «злые духи». Всё это просто устаревшие определения явлений и форм жизни, которые не объяснены наукой. Пока ещё не объяснены.

Док Дженкинс кивнул и устало откинулся на спинку кресла. Затем зевнул и закрыл глаза.

— Даю своим фарам отдых, — объяснил он, — а вас слушаю внимательно.

— Согласно другой старинной книге «Artes Perditaе», — сказал Джулиан, — ИНКУБЫ способны к метаморфозам, изменениям облика. И не просто меняют облик, но и размер, и грубость кожи, и силу мышц.

— И вы верите во всё это?

— Не совсем, — ответил Джулиан. — Скажем точнее, не исключаю наличия таких способностей. Думаю, вы тоже, как и я, наблюдали, как хамелеон меняет окраску. Я видел в кино, как маленькая рыба-кузовок раздувается до размеров намного превосходящих её исходную величину. Это происходит мгновенно. У саламандры взамен оторванной ноги вырастает другая, новая. Моя кожа образует, как и ваша, толстый грубый рубец на ране, а затем, когда она заживёт, корка рубца отлетает. Ну, а банальная эрекция? Не маленькое ли сие чудо? Как удивительно приспособливается мужская плоть к выполнению своей задачи, становится твёрдой, изменяет размер. А потом возвращается в обычное состояние. Мы же называем такие вещи естественными. Так почему бы сверхъестественному существу не обладать сходными способностями, пусть иными? Вот потому-то «нормальная» внешность ещё не делает автоматически невиновным Тима Галэна. Его или кого-нибудь другого.

Док Дженкинс что-то промямлил, не открывая глаз.

— У меня есть ещё несколько цитат, которые я хотел бы вам прочитать, — сказал Джулиан. — Постарайтесь быть объективным, оцените их по-научному. Не обращайтесь внимания

на архаичный язык. Помните, я упомянул, что на меня произвели впечатление некоторые определения и сравнения, которые повторялись. Может быть, они поразят и вас...

Он опять раскрыл записную книжку и перевернул несколько страниц.

— Это из книги Реми. Книга очень старая, написана в 1595 году. Вот что пишет Реми: «Алексия Дриги осмотрела фаллос своего любовника в состоянии эрекции и сказала, что он походил размером на некоторые кухонные принадлежности...»

Док Дженкинс, всё ещё не открывая глаз, язвительно хмыкнул.

— Крайне научное определение, мистер Траск. Очень точное. Чёрт возьми, но на кухне можно найти и принадлежности в несколько сантиметров в длину. Что вы скажете, например, о штопоре?

— Ещё пару цитат, если можно, — методично продолжал Джулиан. — Это из Анри Богета, год издания 1602-й. «Его орган был как у лошади». И вот последнее, чем я вас озадачу на сегодня, Док. Публикация 1612 года, через десять лет после труда Богета. Написано Пьером де Лакром. Название убийственное: «Таблица непостоянности злых гениев и демонов». Отрывок краткий: «У него был член всегда размером с орган мула... он был длиной и толщиной с руку».

Док Дженкинс моментально открыл глаза и пристально посмотрел на своего гостя. Джулиан уже закрыл блокнот:

— Поняли, к чему это я?

25

После того как Док переварил наконец всё услышанное, он сказал:

— Должен признать, что впечатляет. Даже если это всего лишь совпадения, всё равно впечатляет.

— Я не думаю, что просто совпадения, — заявил Джулиан. Док поднялся из кресла и без видимой цели стал ходить по кабинету, потирая небритый подбородок. Повернувшись к Джулиану, он сказал:

— Поправьте меня, если я скажу что-то не так. Вы предполагаете, что здесь в Галэне есть кто-то, кого мы знаем многие годы и кто физически нормален с виду, способен изменяться, благодаря своей наследственности, доставшейся ему от далёких предков? И он-то и творит чудовищные мерзости?

— Да. Древнегреческие легенды о Пане, о мифических сатирах, о богах плодородия могли придумать именно после мимолётных встреч с ИНКУБАМИ. Детали внешности, рога и копыта, наверное, появились в легендах уже позднее.

Док продолжил:

— Этот человек, обыкновенный с виду горожанин, движимый необычным сексуальным влечением, превращается в ИНКУБА и становится, как вы деликатно назвали его у меня в кабинете, «СВЕРХОДАРЁННЫМ»?

Джулиан кивнул.

— Хорошо. — Док Дженкинс пошёл дальше, — тогда ещё пара вопросов. Почему это началось так внезапно? Почему ваш ИНКУБ, который всегда жил в Галэне, скажем Тим или Клем, не занимался этим раньше?

Джулиан ответил:

— Посмотрите на всё с научной точки зрения. Генетический дефект, физический или умственный может не проявляться в течение многих лет. А потом вдруг обнаружится в одну ночь, без всяких видимых причин, не так ли?

— Да, это так, — согласился Док, — но почему именно в Галэне?

— А почему не в Галэне?

— Нет, почему только здесь?

— Я никогда не утверждал, что это происходит только здесь. Убеждён, что такое бывало и в других местах в другое время. Но просто никто не знал, что это такое. Кстати, подобное вполне может происходить где-то прямо сейчас. И может повториться вновь. Сколько, вы думаете, за минувшие десятилетия накопилось по всему миру в архивах полицейских участков нераскрытых дел об изнасилованиях и членовредительстве? И сколько из них могло быть совершено ИНКУБОМ? Ни один город не застрахован от этого, ни одна страна, ни одна эпоха.

— ИНКУБ... что же может управлять этими изменениями, этими метаморфозами? — спросил доктор, — или это происходит само по себе, как приступ эпилепсии.

— Я не знаю, — произнёс Джулиан.

— По крайней мере хоть одно честное признание, — заключил Док. — Вы несколько раз упомянули о шести пулях, выпущенных Лорой. В связи с чем?

Джулиан вкратце пересказал ему отрывок из «Artes Perditaе», где говорилось о бронзовом и железном оружии.

Док украдкой бросил жаждающий взгляд на графин со скотчем, затем опять посмотрел на Джулиана.

— Ещё вопрос. Когда ИНКУБ находится в нормальном человеческом состоянии, знает ли он об отвратительных вещах, которые натворит, переживает ли? Или он откровенно смеётся над нашей глупостью, над тем, как наивно мы пытаемся поймать преступника, зная, что нам это не удастся? Не напоминает ли всё это шизофрению: когда левая рука не знает, что делает правая?

— Я не уверен ни в чём, — ответил Джулиан, — но полагаю, что скорее всего последнее. Существует, видимо, чёткое различие между человеческими и нечеловеческими началами личности. Одна из причин, которая заставляет меня так думать, — это неосмысленность данных преступлений. ИНКУБ добивается только одного: продолжить, сохранить свой род. Это в чистом виде инстинкт. Но у него это не получается, потому что женщины гибнут от самого акта совокупления. Если бы ИНКУБОМ управлял во время реинкарнации рациональный человеческий разум, то он бы осознал бесплодность и опасность своих попыток.

— А тут есть доля истины, — признал Док. — Но с другой стороны, тогда все совершённые преступления иррациональны.

— Почему?

— Разве вы не понимаете, что утверждаете? Выходит, что любой человек, не только в Галэне, но и во всём мире может оказаться ИНКУБОМ и даже не подозревать об этом. Адвокат из Филадельфии, студент из Лос-Анджелесского универ-

ситета, таксист из Нью-Йорка, член палаты лордов, итальянский тенор, китайский крестьянин, индусский факир, советский комиссар, да кто угодно, — Док покачал головой, как будто сбрасывал паутину. — Любой и где угодно. Потенциальная угроза. Возможный гибрид человека с ИНКУБОМ, гены которого вынуждают его насиловать и убивать, даже не осознанно.

Док положил свою большую руку на полку камина, а другой опять потёр подбородок, который стал колючим.

— У вас получается очень длинная сказка, Траск. Но она, чёрт возьми, по-своему весьма правдоподобна. Как бы дико и заумно она ни звучала, я не могу найти в ней видимых изъянов. Такова участь скептика. Если человек излагает вам теорию, выдержанную в системе его собственной логики, то ему трудно не поверить. Вы не обязаны ему верить, но просто не решитесь не поверить.

— В ваших устах, — порадовался Джулиан, — это звучит как комплимент. Но разве у вас больше нет вопросов?

— Пожалуй, нет, — ответил Док, — во всяком случае сейчас.

— Я удивлён, — признался Джулиан, — ведь вы не задали мне главного вопроса.

— Что вы имеете в виду?

— Все ли женщины после сношения с ИНКУБАМИ погибли? Неужели никто не выжил? Каким же образом среди нас появился получеловеческий потомок.

— Я не собирался задавать этот вопрос, — заметил Док, — потому что знаю ответ. Да и вы тоже. Сейчас мы на моей территории — ведь речь идёт о человеческом теле. Некоторые женщины, правда крайне редко, обладают огромными физическими резервами. Это патология. Обычно это нимфоманки или проститутки, или и то, и другое. Но не всегда. Есть одна из наиболее отвратительных разновидностей секшоу, когда проститутка выступает в паре с животным. Однажды один учёный заявил, что из всех животных женщина может совокупляться только с собаками. Но он ошибался. Крафт-Эбинг, так звали старика, был великим учёным, но в некоторых вопросах крайне наивным человеком. Его книга была издана почти сто

лет назад, там полно ложной информации и далёких от истины предположений. Говорят, Екатерина Великая... впрочем, это не важно, это всего лишь сплетня. Как я уже сказал, такое бывает крайне редко и, конечно, выглядит мерзко. Но возможность имеется... — Док задумался, глаза его смотрели куда-то вдаль.

— Человеческое тело и человеческий разум, — продолжал он, — способны на самые невообразимые чудеса. Огромные высоты и ужасные глубины.

Потом фыркнул и отвернулся от Джулиана.

— Простите, — проворчал он, — я не хотел выглядеть напыщенным философом. — Он посмотрел на часы: — Уже довольно поздно. Скоро и солнце взойдёт. Я с ног валюсь. Нам обоим надо поспать. Впереди трудный и длинный день. Трое похорон.

Док проводил Джулиана до дверей. Когда тот уже выходил, он счёл нужным добавить:

— Понятно, вы меня в свою веру не обратили. Но я буду разделять ваши идеи, пока кто-нибудь не выскажет лучшие. До того — первенство в городе за вами.

— У меня есть план. Я расскажу о нём вам, Док, и шерифу после похорон.

...Природа словно осознала, что яркое солнце и чистое небо были бы неуместны сегодня. Она окутала церковный двор мягким серым туманом. В Галэне умерших издавна хоронили на церковном кладбище. Надписи на многих надгробиях уже стёрлись от времени. В этот печальный субботний день на кладбище появились три свежих могилы. И выглядели они как зияющие в земле раны. Пожалуй, впервые похороны были тройными. Пришедшие проводить усопших перемещались от одной могилы к другой, от одного до другого, последнего, пристанищ Прю Китон, Аниты Грант и её дочери Мэри Лу.

Тело Гвен Моррисей, так как она была приезжей, родители забрали из Галэна и похоронили где-то в другом месте. У Мэлани Сандерс не оставалось никого из родственников в Галэне, и её двоюродный брат попросил отправить гроб в Неваду.

На эти похороны пришли почти все жители Галэна. Люди ёжились от утренней сырости и прохлады, необычных для этого времени года. Все были или знакомыми, или родственниками умерших. У Грантов родственников не осталось, но весь город знал и любил их. Мать и дочь положили рядом с Джоном — мужем и отцом. Прю Китон оплакивали её родители Бен и Элен, её старший брат Поль, будущий врач, прилетевший на похороны из Нью-Йорка, её дядя и тётя — его преемство и мисс Китон.

Джулиан тоже пришёл. Но он скромно стоял поодаль, так как не знал ни покойных, ни членов их семей. Рядом с ним была Лора.

Перед тем как перейти к отпеванию каждой из трёх усопших, преподобный Китон произнёс несколько общих слов.

— Мы собрались сегодня в печали и шоке, — сказал он, — чтобы оплакать потерю трёх наших возлюбленных сестёр. В печали и шоке, но не в злобе, потому что наша вера запрещает нам это. И тем не менее мы были бы бесчеловечны, если бы не чувствовали глубокой ярости по поводу того, как несвоевременно и жестоко они ушли из жизни. Кто здесь среди нас настолько образцовый христианин, чтобы не испытывать гнева и ненависти к человеку, который в угоду своей похоти так жестоко отнял их жизни? Но как велит вера, мы должны молиться и за его прощение. Это очень сложный комплекс чувств, друзья мои. Может быть, никто лучше меня не ощущает этого. Мы хотели бы проклясть его, отправить его душу в ад. Но мы не имеем права на месть. Мы обязаны простить его, как был бы он прощён нашим Спасителем.

В тумане черты угловатого лица преподобного Китона, похожего на маску черепа, сглаживались. Он обвёл взглядом собравшихся и повторил:

— Мы должны простить его. — Потом открыл Библию и продолжил: — В книге Иова написаны слова, которые если и не утешат нас в этот час, то выражают то тёмное, противоречивое чувство, которое владеет нами, нашими сердцами: «Человек, рождённый женою, краткодневен и пресыщен печалью. Как цветок он выходит и опадает, убегает как тень...»

Голос святого отца стал громче и был похож на звук хлыста. Джулиана поразило странное значение библейских слов: «И сказал я тлену — ты мой отец, а червю — ты моя мать и сестра». На глазах преподобного опять заблестели слёзы, он закрыл книгу и хрипло пробормотал:

— Помолимся! О, Господи! Отведи горечь и ненависть от наших сердец и помоги нам, чтобы могли мы отдаться во власть твою. Христа ради, дай нам понять пути твои. Аминь.

— Аминь, — эхом, приглушённым туманом, повторили собравшиеся.

Лора отошла от Джулиана поговорить с Тимом:

— Я сегодня закрыла редакцию. Так что можешь не приходить. А твоей тётки здесь нет?

— Она плохо себя чувствует, — ответил Тим.

Лора вернулась к Джулиану. Преподобный Китон начал отходную молитву Аните Грант. Тим не слушал. В его голове сказанные священником слова превратились в странную фразу «тлен — ты моя мать».

«Мы хотели бы проклясть его, отправить его душу в ад», — звучали вновь и вновь в его ушах слова священника. Тим всей кожей чувствовал, что, говоря это, Китон глядел прямо на него, а разве не ему были адресованы слова о ненависти и гневе к «человеку, который в угоду своей похоти так жестоко отнял их жизни».

Сколько он помнил себя, столько же помнил и бесконечные рассуждения тётки о его, якобы испорченной крови. Она отравляла его жизнь рассуждениями о злой матери Тима. Впрочем, он никогда ей не верил. Он был ещё совсем маленьким, когда мать умерла. И тем не менее он помнил её нежной женщиной, с мягкими руками, спокойным голосом. Она ласково целовала его и утешала, если случались с ним обычные детские несчастья.

Но что, если рассказы тётки были всё же правдой? Если его мать была злым гением, произошла от женщины, которая связалась с нечеловеческим существом?

Женщина на дыбе: это лишь кошмар или всё же генетическое воспоминание о его предках? Этот монстр с жуткими

глазами и вызывающим членом? Может, и это существо было его предком?

От ненастья и волнения он продрог до костей и кутался в плащ. Голос священника всё ещё звучал. «Нет», — сказал себе Тим. Представления его тётки о зле были смесью наивных суеверий, ревности и невежества. «Отвратительные обряды» и «бесовские» действия, которые она приписывала всегда его матери, наверняка на самом деле были чем-то другим. Он понял это только в последние месяцы. Разозлившись на то, что Агата постоянно поливает грязью его мать, Тим не так давно потребовал от неё конкретных примеров, свидетельствующих о деградации, как называла это тётка, покойной. Агата пыталась уйти от прямых ответов, но Тим настаивал. И, наконец, она сказала:

— Ну хорошо. Меня тошнит, когда я думаю об этом. Ни один порядочный человек не стал бы говорить об этом. И уж, конечно, не тётке описывать это своему племяннику. Но ты меня вынуждаешь, так слушай. Давно, когда ты ещё не родился и когда твои родители жили здесь, однажды вечером я решила поговорить с твоим отцом наедине. Я выбрала время, когда твоя мать, как мне казалось, находилась в гостях — у неё было очень много друзей, у хорошеньких женщин всегда так. Я пошла в комнату Мэтью и открыла дверь... — Агата замолчала и отвернулась от Тима. — Как бы это сказать? Она не была в гостях. Она была с ним. Они были так заняты друг другом, что даже не заметили меня. Я тотчас же прикрыла дверь. В комнате было почти темно, горела лишь одна лампочка. Они никогда не узнали, что я видела их грязный ритуал. — Последние слова из своего разоблачения тётка выпалила на одном дыхании, — она была голая. И он тоже. Он сидел в кресле, и эта женщина... стояла перед ним на коленях... и делала это... такая гнусность... разврат... Я не могу говорить. И, Господи, прости его, он наслаждался этим. Она его развратила, затащила в своё болото...

Её рассказ развеселил Тима. Он с облегчением рассмеялся, и Агата пришла в ужас от его хохота. Проявление нежности, подарок жены мужу, любовная награда, которую бы Дженни не задумываясь преподнесла Тиму, была извращена в

воображении тёти и преувеличена до титула «ритуалы», которые Агата так часто и мрачно вспоминала. Наконец всё стало ясно. И это только сделало мать ближе и человечней для него.

Преподобный Китон продолжал отходную, но мысли Тима всё ещё были заняты другим.

«И всё же, — повторял он себе в смущении, — кое-что в рассуждениях тёти может быть и правдой. То, что мнимая постыдная тайна оказалась невинной любовной сценой, само по себе ещё не доказывало, что его мать не совершала других грехов».

Тим дождался окончания всех трёх церемоний. Когда церковный двор опустел, он в одиночестве зашагал вдоль открытых туманом надгробий. Наконец нашёл то, что искал.

Кейт Довер Галэн
Любимой жене и матери

Тим опустился на колени у могилы. Дотронулся до камня, погладил его, прижался щекой к холодной шершавой поверхности, с благоволением поцеловал его. На глаза навернулись слёзы. «Мама, — произнёс он, — скажи мне, что делать». И в то же мгновение, как монета в щель автомата, ему в голову буквально проскочила мысль. Теперь он точно знал, как поступить.

26

План Джулиана осуществился в субботу, после похорон. — Не рассказывайте Хэнку Валдену больше того, что ему нужно знать в интересах расследования, — посоветовал Док. — Просто скажите, что у вас есть план, как выкурить этого насильника, и опишите детали. Но только не вздумайте посвящать шерифа... в вашу теорию ИНКУБА. Вы его потрясёте. Он решит, что у вас не все дома, и перестанет слушать дальше. Хэнк не дурак, но навряд ли способен всё это воспринять. Впрочем, как и я...

Джулиан последовал совету доктора, когда они встретились с Хэнком и Клемом в офисе шерифа. Он обрисовал свой план достаточно практически:

— Мы никогда не знаем, где произойдёт очередной удар. Поэтому и не готовы к нему. Я предлагаю точно очертить место нового преступления.

— Каким образом? — бросил лаконично Хэнк.

— Надо собрать женщин Галэна вместе. Каждую женщину и каждую девушку, буквально всех лиц женского пола, и запереть их в одном месте.

— В нашей крошечной тюрьме они все не поместятся. Где вы найдёте такое большое помещение? — спросил Клем.

— Я уже нашёл его, — ответил Джулиан. — Это общежитие Галэнского колледжа. Сейчас летние каникулы, и оба здания — мужское и женское — пустуют. В вашем маленьком городке не так уж много женщин. Там будет достаточно места для них, если расселить по два или даже по три человека.

— Продолжайте, — попросил Хэнк.

— Мы даём им недельный запас еды. Конечно, увеселений у них там не будет, но перекантоваться семь дней всё же можно. Необходимо все окна забить, а двери загородить и забаррикадировать изнутри. Только сами женщины смогут открыть их. Никакой возможности сделать это снаружи не будет. И мы попросим их не отпирать никому: ни собственным мужьям, ни отцам, ни братьям. Повторяю, никому. Связь с внешним миром только по телефону. А вокруг общежитий мы выставим круглосуточную вооружённую охрану. Вот и всё.

Клем застенчиво улыбнулся:

— В городе в течение недели будет множество разочарованных мужчин и женщин, — хмыкнул он.

— Заткнись, Клем, — рыкнул шериф.

— Клем прав, — подтвердил Джулиан. — Как раз на это я и рассчитываю. Больше всех будет огорчён преступник. Ненасытные чудовищные сексуальные запросы принудят его искать способ их удовлетворения. А женщины будут только в общежитиях. Он начнёт метаться. Попытается проникнуть в колледж. Вот тут-то мы его и схватим.

Хэнк медленно кивнул:

— Мне это нравится. Но ради приличия надо посоветоваться с Джо. Как-никак он мэр. Думаю, что согласится. Со стороны дам может, конечно, возникнуть сопротивление, как и со стороны некоторых мужчин. Но вряд ли это выльется в скандал.

— Действовать надо быстро, — сказал Джулиан, — преступник нападает только под покровом темноты, поэтому ещё засветло женщины должны быть надёжно спрятаны. И других дел достаточно.

— Предстоит побывать практически в каждом доме Галэна, — заметил Хэнк.

Док подчеркнул:

— Пускай из магазинов везут еду прямо в общежития.

Клем добавил:

— И ещё электроплитки и обогреватели.

— О плотниках не забудьте, окна уже можно заколачивать, — сказал Джулиан.

Хэнк поднялся первым:

— Так что же мы здесь рassiживаемся, пора за дело!

На то, чтобы грубо, но достаточно прочно обнести «загон» оградением, у мужчин ушло полдня. Но к закату работу завершили. Как Хэнк и предсказывал, были возражения против подобного плана. Но в конце концов наотрез отказалась отправиться в общежитие только одна Агата Галэн.

— Я родилась в этом доме, — заявила она, — и не провела с того дня ни одной ночи под чужой крышей.

Чтобы не делать исключения, проблему её заточения решили по-другому. Тим на неделю переехал в гостиницу, а двери и окна в доме Галэнов заколотили и укрепили. У дверей поставили новоиспечённого вооружённого охранника — Чарли Прескотта. В смене было ещё три человека.

Джулиан по секрету шепнул Доку:

— Мисс Галэн, пожалуй, будет в безопасности и без всех этих предосторожностей. Кажется, ИНКУБ обладает инстинктом на женщин только детородного возраста.

Док возразил:

— Известно, что другие насильники нападают на любую юбку — и на старух, и на детей. Думаю, существо, которое мы ищем, способно улавливать аромат зрелости. Все его жертвы не старше сорока и не моложе шестнадцати.

Женщин Галэна разделили на две равные группы и расселили в общежитиях колледжа. Каждая группа выбрала своего лидера, или, как быстро придумали титул, «мать берлоги». Жена священника, слышавшая незаурядным организатором, стала лидером в женском общежитии. Лора Кинсайд, у которой в округе была репутация деловой, «матерью» группы, занявшей мужское общежитие.

Незадолго до того, как прекрасная половина Галэна замкнулась в своём «мире без мужчин», Джулиан, стоя с Лорой возле общежития, спросил её:

— Ну и как они это воспринимают?

— Некоторые как турпоход или вечеринку в пижамах, пока ничего, но, конечно, начнут нервничать, когда соскучатся по своим мужьям и приятелям. — Лора надула губы: — А у нас с тобой так хорошо всё складывалось...

— Воздержание укрепляет сердечную привязанность, — отчеканил он.

— Ко времени выхода отсюда моя привязанность разовьётся до такой степени, что я стану кандидатом для смиренной рубашки.

— Я буду рядом с набором доктора Траска от всех женских болезней, — успокоил он её и поцеловал: — Есть ещё жалобы?

Лора кивнула головой:

— Некоторым моим девочкам не очень-то нравится, что их поселили в мужском общежитии. Но, надеюсь, привыкнут.

— А что плохого в мужском общежитии? — не понял он.

— Туалетов не хватает, — объяснила она. — А эти штуки на стенах не очень удобны.

Марту Дженкинс и Дженни включили в группу Лоры. Они стояли на улице, давая последние наставления доктору.

— Твои чистые носки, — сказала Марта, — в правом верхнем ящике. Из нижнего не бери. Их надо штопать. Ты думаешь, что справишься с новой кофеваркой?

— Я отказываюсь связываться с ней, буду пить растворимый.

— Ты же терпеть его не можешь!

— Ну тогда нарушу пост в гостинице, пока вас не выпустят.

— Папа, — обратилась Дженни, — пожалуйста, не забывай кормить Квинни.

— Не беспокойся, детка, эта проклятая черепаха нас всех переживёт.

Пока Марта ворковала с Доком, Дженни переключилась на Тима, который вертелся рядом. Он держал в руках маленькую холщовую сумочку и большой завёрнутый в бумагу свёрток.

— Что это, десятифунтовая коробка шоколада для меня? — игриво поинтересовалась Дженни.

— Ни в коем случае, — ответил он, — я не хочу, чтобы ты вышла через неделю из этого заточения вся в прыщах.

— Ты будешь по мне скучать? — спросила она, приглаживая волосы.

— Нет, чёрт возьми.

— Врун.

— Если уж очень соскучусь, — сказал Тим, — несмотря ни на что ворвусь туда для короткого визита.

Дженни нахмурилась:

— Не надо так шутить. Мне пора идти.

Они поцеловались.

— Я тебе позвоню, — пообещал Тим и зашагал по направлению к гостинице.

В мужское общежитие определили и недавно потерявшую дочь Элен Китон. С красными и опухшими от слёз глазами муж Бен и сын Поль проводили Элен до самых дверей.

— Мне трудно оставлять тебя одного в такое время. Мне необходимо находиться с тобой, Бен.

— Но я ведь один не буду, — успокоил её Бен, — Поль поживёт со мной.

— С нами всё будет в порядке, мам, — сказал Поль. — Не беспокойся о нас.

— Тебе пора возвращаться, сынок, — напомнила она. — Нельзя пропускать столько занятий.

— Я тоже говорил ему об этом, — добавил Бен.

Но Поль отрицательно покачал головой.

— Я с папой буду ждать тебя дома, — твёрдо произнёс он. — И я не уеду из Галэна до тех пор, пока они не поймают или не уничтожат этого маньяка.

— Ты обещала больше не плакать, — обратился Бен к жене. — Твои красивые глаза разболятся. Они и так уже заплаыли и стали щёлочками, как у китайки.

Он сказал это, чтобы развеселить Элен, и добился своей цели. Она улыбнулась.

— В молодости, — сказала она, — я могла проплакать весь день, а вечером прекрасно выглядеть. Но теперь, когда стала старой развалиной...

— Самая великолепная развалина, которую я видел. И потом — сорок два это ещё не старость, — насмешливо-сурово произнёс Бен. — Ты, как всегда, напрашиваешься на комплимент. Слушай, Элен, звони обязательно мне хоть раз в день. Во время работы — в гараж, а вечером домой.

Она кивнула и добавила:

— В общежитии только один телефон, и я не могу его заграбастать.

— Ты можешь его заграбастать, когда никого не будет рядом, — заметил Бен.

Элен Китон поцеловала мужа и сына и вошла в общежитие.

— Я надеюсь, что этот дурацкий план сработает, — говорила Сара Валден мужу. — Загнали нас сюда как в курятник.

— Куры — это точно, — подхватил шериф, — ты только послушай, как вы кудахчете.

— Я не привыкла жить с женщинами, — заявила Сара. Меня воспитали трое братьев. Потом я вышла замуж за тебя, и у меня появилось двое сыновей. Я люблю, когда вокруг меня много мужчин.

Ему по душе пришлась грубоватая нежность:

— Ну теперь, когда два наших увальня выросли и вывалились из гнезда, у тебя остался только один мужчина. И тебе

будет полезно побыть без меня немножечко. Это поможет ещё больше оценить мои достоинства, когда ты вернёшься.

Она обняла его.

— Хорошо одно, — сказала она, — ты не сможешь приударить ни за одной бабёнкой. Все они будут под замком здесь.

— Не будь так уверена в этом, — хмыкнул Хэнк, — кто мне помешает прокатиться в Мидвэйл и подцепить там молодку?

— Она тебя измотает, — съязвила жена, — мне уже за пятьдесят, но даже я тебя утомлю.

— Хватит болтать. Иди-ка на место, пока я не приложился к твоей толстой заднице.

Преподобный Китон и его жена тоже прощались возле женского общежития. Она явно гордилась, что именно её избрали предводителем. В жизни их объединяла одна удивительная деталь. То, что они носили общую фамилию было нормально, — так и положено супругам. Но их и звали одинаково — он Фрэнсис и она — Фрэнсис. Когда они поженились, чтобы избежать путаницы, знакомые стали называть их Фрэнк и Фрэнси. Собственный рецепт, как отличать мужское имя от женского, однажды предложил Док Дженкинс: «Я всегда помню, ваше преподобие, что в мужской форме есть большая твёрдая палка (английское I), которая так и выпирает из вас». Священник холодно отреагировал на это философское умозаключение, а жена мило улыбнулась.

Теперь преподобный обещал жене:

— Господь вас не оставит.

— Знаю, дорогой.

— Я буду за тебя всё время молиться.

— Береги себя, Фрэнк. Не забывай принимать таблетки от давления. Помни, что теперь, по предписанию доктора Дженкинса, их надо пить два раза в день.

— Ты тоже должна молиться.

— Ну, конечно же, Фрэнк. Я всегда молюсь.

— И за него. Ты должна молиться и за него.

— Знаю, таков христианский долг, — вздохнула она, — но не могу обещать. Достаточно ли я хорошая христианка, чтобы простить его за всё содеянное?

— Ты попытаешься?

— Да, я попробую.

— Возможно, ты могла бы собирать и других женщин на ежедневную молитву...

— Каждый день? Не знаю. Вот завтра точно, ведь это воскресенье.

Так или иначе прощались со своими мужчинами женщины Галэна, добровольно согласившиеся на заточение и разлуку с любимыми.

Перед тем как закрыть двери окончательно, преподобный Китон пригласил всех помолиться вместе с ним. Все жители Галэна, освещённые золотом заходящего солнца, стояли у общежитий молча, склоня головы.

— Давайте помолимся, — призвал Китон, — за то, чтобы эта маленькая жертва, эти временные неудобства и одиночество положили бы конец ужасному торжеству смерти и насилия, которые правят в нашем мирном городе. Во имя Иисуса, аминь.

Началось первое ночное бдение.

27

Док Дженкинс писал:

Закон Гришема (зло вытесняет добро) в оригинале относился только к деньгам. Но теперь его проявления можно встретить в любой сфере нашей жизни, не исключая и язык. Точнее, живое слово и меткое выражение повсеместно вытесняются неграмотными вульгаризмами или легкомысленной шелухой.

Постарайтесь вспомнить, когда вам пришлось услышать такое выражение: „Это меня не волнует“. Теперь эта конструкция всё время модернизируется в повседневной речи, в прессе и на телевидении. Она стала звучать так: „Меня это волнует меньше всего“. Вдумайтесь в значение данного словосочетания — оно же диаметрально противоположно тому, что было заложено в первоисточнике. Если расшифровать,

то получится вот что: „Данный вопрос настолько незначителен для меня, что просто невозможно, чтобы я придавал ему ещё меньшее значение“.

Док Дженкинс положил ручку. В доме только он и черепаха Квинни. Без Марты и Дженни эта тишина субботнего вечера просто угнетала. Прекрасная возможность, подумалось ему, поработать над очередной статьёй для «Сигнала». Статьёй Билла Клеменса. Но, похоже, она не очень получалась. Не понимая, в чём дело, он заставил себя продолжить творческие изыскания. Ручка забегала по бумаге:

Безграмотные люди (среди них много журналистов и авторов, связанных с ТВ) неправильно трактуют исходную фразу, а ведь она очень логична и цельна. А вот упомянутый уже странный гибрид „меня это меньше всего волнует“ — бессмысленная, фальшивая версия, но всё же именно она побеждает и вытесняет правильную форму. В настоящее время существует два варианта описания магнитофона, в котором плёнки...

И дальше ещё на нескольких страницах Док разводил глубокую философию на мелком месте, касаясь этой животрепещущей темы. Прошло немало времени, прежде чем Док поставил точку и стал перечитывать только что созданный шедевр. Всё вроде бы было хорошо, но, увы, для Била Клеменса... совершенно не смешно. Может быть, он стареет, а может, просто не до смеха в городе, где происходят такие ужасные события. И уж наверняка для вдохновения ему не хватало Марты и Дженни. Без них в доме было слишком одиноко. Док уже почти решил пойти в гостиницу и поболтать с Джедом.

«Но почему именно в Галэне?», — вспомнил он вдруг собственный вопрос, заданный Джулиану. А тот ответил: «А почему бы не в Галэне?» Тогда такой ответ устроил Дока, он успокоился, услышав, что не было какой-то особой причины, по которой ИНКУБ выбрал Галэн. Но потом у него появились немного другие соображения на сей счёт. Например, в городе

находился экземпляр редкой, почти легендарной книги «Потерянные искусства». Это само по себе было настолько примечательно, что ставило под сомнение попытку объяснить всё происходящее простым стечением обстоятельств.

У города были, и об этом нельзя забывать, абсолютно некалифорнийские облик, атмосфера и дух, видимо, привнесённые его отцами-основателями — Галэнами. А ведь они вывезли всё это из Новой Англии. Той самой Новой Англии, которая вся пропитана духом легенд о колдунах и ведьмах, о всякой бесовщине, пытках, наказаниях, о смерти.

Так была ли всё-таки какая-либо связь между духовными истоками Галэна и тем, что творилось в городе? Может, легендарные ужасы прошлого притянули кошмар, ставший реальностью сегодня?

А может, это возмездие? Вдруг это Салемская или какая-нибудь другая ведьма из старинного европейского культурного пласта, преодолев барьеры времени, мстила сейчас потомкам своих истязателей с помощью собственного потомка? Может, именно таким образом воплощались в жизнь библейские слова: «...и дети в третьем, и в четвёртом поколениях должны расплачиваться за прегрешения отцов своих...»

А было ли какое-либо проявление Провидения в том, что несколько лет назад Джулиан Траск согласился преподавать в заштатном колледже города Галэна? Ведь у него имелись и другие более выгодные предложения. Его интерес к сверхъестественным явлениям появился позднее. В период первого пребывания в Галэне он был чистым антропологом. Что же привело его в Галэн и не просто привело, но и заставило поддерживать интерес к происходящему в городе? Даром ли он вдруг подписался на «Сигнал» и возобновлял подписку много лет? А может, он был просто пешкой на огромной космической шахматной доске? Вопросы, вопросы. Шумный, жалящий рой вопросов. И ни одного ответа.

В мужском общепитии быстро распространилась весть о том, что насильник обладает одной ярко выраженной анатомической особенностью. Док Дженкинс как-то проговорился об

этом Марте. А теперь, когда вокруг были одни женщины, секреты с трудом удерживались за зубами. Марта рассказала об этом Дженни. А потом сенсация облетела всё общежитие.

Более опытные женщины, например, Белинда Феллоуз, были настроены скептически. Некоторые хихикали. Других охватил тихий ужас. А большинство пребывало в состоянии нездорового возбуждения.

Жена владельца гостиницы Джеда Парди, Руфь, сообщила:

— Много лет назад, когда мы с Джедом начинали заправлять в гостинице — Боже мой, я тогда была совсем желторотым цыплёнком, — у нас не было денег, чтобы нанять прислугу. Мне приходилось самой стелить постели и менять полотенца. Мы оба, как рабы, трудились и день и ночь. Так вот, у нас был один неизменный постоялец, мистер Макинтайр, коммивояжёр. Очень приятный человек, обходительный, такой лысый в очках. И вот однажды утром, думая, что его уже нет в номере, я вошла, держа в руках кипу простыней, наволочек и полотенце. А он как раз появился из ванны абсолютно голый. Клянусь, у него эта штука была размером с батон салями. Никогда раньше, да и потом, я ничего подобного не видела. У меня всё бельё вывалилось из рук. А он только произнёс: «О, извините!» — развернулся и ушёл назад в ванную. Такой милый человек, ну кто бы мог подумать? Но знаете что? Больше он никогда в нашей гостинице не появился. Может, от стыда? Бог мой, я-то думаю, что он должен был бы этим гордиться, как петух! Я рассказала тогда о том, что видела, Джеду. А он заметил, что слышал о проблемах этих людей. Говорят, что такая штука не стоит. Жалко, правда? — И Руфь рассмеялась. — А может быть, Джек просто приревновал?

— У цветных, рассказывали, это бывает чаще, — заметила Мона Гаррет, жена хозяина спортивного магазина.

— О, нет! Это совсем не так! — воскликнула Дженни.

— А ты откуда знаешь? — поразила её мать.

Дженни покраснела и объяснила:

— Да был у нас один чёрный парень, Клейтон Брэдшоу, он учился в колледже. Закончил в прошлом году.

— Я его помню, — вклинулась Руфь Парди. — Он иногда ужинал в гостинице. Чёрный как уголь, но очень симпатичный.

— Так вот, — продолжала Дженни, — на уроках рисования он был у нас моделью...

— Я считала, что натурщики всегда надевают набедренную повязку, — заметила Мона.

— Конечно, — завершила её Дженни, — он всегда переодевался за ширмой, но однажды после уроков я забыла свою сумку и вернулась за ней в класс. Он думал, что все уже ушли... Ну вот я всё и увидела. Всё как и у... словом, как у всех. Только темнее.

Она опять покраснела, а мать поинтересовалась:

— Ты уверена, что именно ты всё так и видела?

— Но, мама! — возмутилась Дженни, и все женщины дружно рассмеялись.

Лора держалась подальше от всех этих возбуждающих разговоров. Но поближе к Элен Китон, с которой они попали в одну комнату. Она чувствовала, что из всех женщин в общестии Элен нуждается в ней больше всего. Ужасная смерть дочери, тяготы похорон сегодня утром, а теперь вынужденная изоляция от мужа плюс взбалмошная болтовня женщин — всё это наверняка было просто невыносимо для неё.

Элен лежала на постели, тупо глядя в потолок. Лора присела на край кровати и взяла её руку в свою.

— Тебе нужно закрыть глаза и постараться уснуть, — ласково проговорила она.

— Я не могу.

— Хочешь снотворное или успокаивающее? Док Дженкинс дал мне на всякий случай кучу лекарств, но строго наказал не раздавать их всем подряд.

Элен отрицательно покачала головой.

— Ты уверена? А может, что-нибудь слабенькое, чтобы только успокоиться. Ты ведь столько перенесла за эти дни.

— Нет, не надо. Но всё равно, спасибо.

— Может быть, тогда хороший горячий душ?

— Я лучше здесь побуду, — сказала Элен.

— Ну, ладно, дорогая. Делай как знаешь, — ответила Лора. — А я, пожалуй, пока другие сплетничают, схожу в душ.

Когда Лора уже в халате выходила из комнаты, Элен поинтересовалась:

— Ты надолго?

Лора улыбнулась ей:

— В два счёта обернусь.

— Мне не хочется быть одной.

— Я понимаю.

Несколько минут спустя, когда Лора намыливалась в одной из кабинок, появилась Элен в халате, с полотенцем и мылом.

— Передумала? — спросила Лора.

— Мне стало жутко одиноко, — просто сказала Элен.

— Тогда добро пожаловать!

Элен сняла халат и шлёпанцы. Фигура её была полной, но формы сохранились. То, что она выносила двух детей, практически не оставило никаких следов. Пожалуй, только мягкие округлости как бы подчёркивали, что эта плоть была мощным источником жизни. Она остановилась перед той кабиной, в которой была Лора, почему-то не выбрав другую. Элен молча разглядывала блестящее от воды и мыла тело редакторши. Неглубокие царапины на плечах и руках Лоры уже заживали.

— Ты очень красивая, — произнесла Элен.

Лора, слегка удивлённая, ответила ей шутливым тоном:

— Ну спасибо, мэм! — И продолжила с деланным западным акцентом: — У вас тоже недурная фигура.

Элен неожиданно шагнула в кабинку Лоры. Тёплая вода лилась теперь на них обеих. Элен обняла Лору, их груди соприкоснулись.

— Я просто не могу быть одна сейчас, — прошептала Элен.

— Я понимаю, — сказала Лора.

— Я хочу, чтобы меня кто-нибудь обнимал, — и Элен ещё теснее прижалась к Лоре. Пальцы их ног переплелись.

Лора с материнской нежностью погладила Элен по спине.

— Да, да, конечно, — пыталась она успокоить Элен, — для тебя всё это было так ужасно. И вот теперь вынуждена быть вдалеке от Бена.

Элен Китон медленно провела по намыленной спине Лоры сцепленными руками и затем спустила их на её мягкие бёдра. Потом она воскликнула:

— Боже мой! Что я делаю? — и, отпрянув от Лоры, выскочила из кабины.

— Ничего страшного, — пыталась успокоить её Лора.

— Но я никогда в жизни не делала ничего подобного...

— Я повторяю, всё нормально...

— Ты, наверное, думаешь, что я...

— Ничего я не думаю. Я просто знаю, что ты вымоталась, чувствуешь себя одинокой и усталой. Вот и всё, — тихо сказала Лора. — Я тоже устала. Все мы. Но ты больше всех, у тебя причин для этого намного больше.

Элен в смущении продолжала:

— Если ты хочешь сменить комнату...

— Не глупи, — оборвала её Лора. Она протянула Элен мочалку и попросила:

— Потри-ка мне лучше спину, ладно? А потом я тебе.

— Нет, я правда не смогла бы...

— Ерунда...

Но Элен бросила мочалку и, впопыхах набросив на себя халат, в слезах выбежала из душа.

28

В женском общежитии две дамы — жёны шерифа и священника проверяли, прочно ли прибиты доски к рамам окон.

— Неплохо сработано, — отметила Сара Валден, дёргая доски. — Гвозди сидят глубоко.

— Да и дерево толстое, прочное, — добавила Фрэнси Китон.

— Уж сюда-то никто посторонний не проберётся, — уверенно сказала Сара.

— Как насчёт кофе, Сара?

— Полчашечки, дорогая. А то я не смогу уснуть.

Миссис Китон сняла кофейник с плиты и налила немного Саре и полную чашку себе.

— Мне не очень-то понравилось в обед консервированное рагу, — заметила она.

— Мне лично всё равно. Я могу есть что угодно, — изрекла Сара. — У меня лужёный желудок. А вот Хэнк — он у меня привереда.

Фрэнси улыбнулась:

— Привереда есть в каждой семье. У нас эту роль играю я. Фрэнк никогда не обращает внимания на то, что он ест. Он готов проглотить всё, что я ему подсуно. Никогда не жалуется. «Я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть» — вот его девиз.

— Точно подмечено, — бросила Сара.

Фрэнси отпила кофе и продолжила разговор:

— Я никогда раньше не задумывалась над одной проблемой. Слушай, вот ты замужем за блюстителем закона, я за священником. А тебе, Сара, никогда не хотелось иметь мужа, ну скажем, с более земной профессией? Продавца, страхового агента, что-нибудь в этом роде.

— Да, — согласилась Сара, — бывает так, что мне надоедает его круглосуточная занятость. Хэнка часто поднимают среди ночи или в другое неурочное время. Но ведь и у Марты Дженкинс то же самое.

— Это так, — Фрэнси сделала ещё глоток, — но я имела в виду не то, когда могут разбудить. У Фрэнка в этом плане всё в порядке. Я говорю о том, что есть профессии, которые требуют полной отдачи. Понимаешь, и Хэнк, и Дженкинс, они оба преданы своей работе. Но они не тратят духовной энергии. Фрэнк такой набожный человек. Он верит в то, что проповедует. Под него очень непросто подстраиваться. Я иногда думаю, что ему была бы нужна совсем другая жена. Я ведь не такая уж верующая...

— Я думаю, что именно поэтому ты для него и подходишь, — сказала Сара. — Именно ты для него связующее звено с землёй. Такому человеку, как Фрэнк, иногда необходимо напоминать, что он прежде всего человек. — Она немного помолчала и добавила:

— Он обязан помнить, что он человек, а не ангел на небесах и не святой без плоти. Знаешь, дорогая, в чём-то они разные, но всё же многое их делает похожими. У каждого мужчины есть рот, который надо накормить, две руки и две ноги, а главное, эта штукавина посередине. И все они дети, большие дети. И Фрэнк, и Президент США.

— Мне было бы лучше, если были бы дети...

— Ну, это как сказать, — откликнулась Сара. — Я люблю этих двух своих больших мартышек. За них я могу умереть, и вправду чуть не умерла, когда рожала первого. Не знаю, как было бы, если бы мне пришлось начинать всё с начала. Повторить всё снова? Ну, не знаю. Ты делаешь для них все эти годы так много, выматываешься, а они вырастают и уходят. Господь свидетель, что по-другому быть и не может, но... Они уходят, а ты оказываешься там же, где и начинала, но уже на несколько десятилетий старше. Так кому всё это нужно? Док объясняет всё закодированной биологической потребностью. Потребность эта стучится в тебе и твоём мужике. Он «вспахивает» и «вспахивает» тебя, как поле, и раз за разом сеет и сеет семена. Глядишь, и ты распухла, как дом, из которого кто-то должен выйти. Всё согласно Писанию... Правда?

Фрэнси кивнула.

Сара спросила:

— Кто же в этом виноват, дорогая, ты или он? Или ты не хочешь об этом говорить? Почему Бог не дал вам детей?

— Ты умеешь держать язык за зубами? — спросила Фрэнси.

— Я думаю, что более скрытной женщины, чем я, в городе нет, — заверила Сара.

— Учти, об этом не знает даже Фрэнк. Только я и Док Дженкинс. Мы пытались не раз заиметь детей, сразу после того, как поженились. «Пахали», как ты это называешь, очень прилежно, но ничего не получалось. Тогда мы отправились на обследование к Доку Дженкинсу. Ну, короче говоря, я в полном порядке. Проблема во Фрэнке. Док сказал мне об этом с глазу на глаз, и я заставила его поклясться, что он ни слова не скажет Фрэнку. Я рассказывала ему об этом сама, но всё поменяла местами. Сказала, что проблема во мне. Я соврала ему

один-единственный раз за нашу совместную жизнь. Может быть, я была и неправа.

Сара долго не говорила ничего. Она подошла к кофейнику, чтобы долить себе в чашку.

— Пожалуй, я ещё выпью немного, — сказала она и сделала большой глоток. — Нет, Фрэнси, не кори себя. А была бы какая-либо польза от того, что ты не утаила бы от Фрэнка правду? Результат остался тот же, но его мужское самолюбие было бы сильно ущемлено. Ты ведь солгала из любви к нему.

— Спасибо тебе, Сара, — тихо вымолвила Фрэнси.

Сара фыркнула и покачала головой.

— Мужчины, — вымолвила она довольно игривым тоном, — ты же знаешь, как они рассуждают о нас. Нельзя жить с этими бабами... и без них тоже. Но ведь это в полной мере относится и к ним самим.

Когда Джулиан вечером возвратился в гостиницу, Джед Парди сказал ему:

— У нас недавно поселился молодой Галэн. Он хотел повидать вас. Его комната не была ещё готова, и я подумал, что не сделаю ничего предосудительного, если пущу его на время в вашу. Вы же знакомы и всё такое прочее... Думаю, что и сейчас он ещё у вас.

— Всё в порядке, Джед, — успокоил его Джулиан.

Открыв дверь в свой номер, он позвал:

— Тим!

Тима в комнате не оказалось. Джулиан снял трубку и позвонил Джеду, который в одном лице был и телефонисткой на гостиничном коммутаторе:

— Позвоните, пожалуйста, Тиму. У меня его уже нет.

Джед набрал номер Тима. Но там никто не ответил. Джулиан спросил:

— Вы уверены, что он не выходил из гостиницы? Он бы обязательно прошёл мимо вас?

— Честно сказать, я на минутку выходил по естественной нужде. Может быть, в этот момент он и выскользнул...

— Какая у него комната?

— Номер шесть.

— Хорошо, Джед. Спасибо.

Джулиан отправился к номеру Тима. Постучал, но там молчали. Толкнул дверь. Она оказалась незапертой, а комната пустой. Джулиан пожал плечами и вернулся к себе. Затем сбросил туфли и, устало вздохнув, растянулся на кровати. Через секунду он ощутил, как в нём зародилась неясная пока тревога. Он резко поднялся и сел. Книга — «Artes Perditaе». Где она? Последний раз он брал её, когда приходил Тим, а потом забыл спрятать в чемодан. Джулиан вскочил рывком с кровати и резко вытянул ящик стола. Он вздохнул с облегчением. Книга лежала там, рядом с Библией Гидеона.

Эта книга ни в коем случае не должна попадать в чужие руки. Экземпляр из дома Тима не был таким опасным, потому что самые важные страницы в нём вырваны. Том Джулиана был полным. Он вспомнил, как ещё в первый день, когда Лора поднялась к нему в номер и произнесла два слова на первобытном языке, вычитанные в книге, он успел удержать её от повторения их. Но опять что-то не давало ему покоя. Книга на месте... Почудилось ему или она действительно стала какой-то не такой? Он вернулся к столу и снова выдвинул ящик. Показалось, что пергаментный переплёт чуть темнее, чем обычно. Или это игра света, усиленная воспалённым воображением?

Он достал тяжёлый том из ящика. Отдельных страниц не хватало. Это был экземпляр Тима. Значит, тот подменил книгу.

Сердце Джулиана забилося от страха. Он схватил телефон и заорал в ухо Джеда: «Соедините меня немедленно с домом Галэнов!»

— Да, сэр, сейчас!

После томительного молчания к телефону подошла Агата.

— Мисс Галэн? Меня зовут Джулиан Траск. Тим с вами?

— Я одна, мистер Траск. Похоронена заживо. Узник в собственном доме. Но вам всё это, конечно, известно. Насколько я понимаю, всё это ваша затея.

— Вы не знаете, где найти Тима?

— Он сказал, что будет жить в гостинице.

— Но его здесь нет.

— Тогда ничем не могу вам помочь. Спокойной ночи, мистер...

— Минуточку, это вопрос жизни и смерти. Если он объявится, попросите его, пожалуйста, сразу же связаться со мной!

— Зачем? Чтобы вы распаляли худшую часть его натуры?

— Мисс Галэн, я только...

— Что бы вас там ни связывало с Тимоти, мне до этого дела нет.

В ухе Джулиана раздавались гудки отбоя. Он тоже положил трубку. По его спине прокатилась ледяная капля пота.

Он должен найти Тима. Джулиан отнюдь не был уверен, что тот шум, который они слышали с Лорой в первый день встречи в отеле, был лёгким землетрясением. Он знал то, чего не знала Лора. Слова, которые она произнесла, были древним заклинанием, призванным разбудить безвозвратно ушедшее и повернуть вспять строгое течение законов природы, потрясти основы жизни. Эта книга в руках Тима была как водородная бомба в руках ребёнка.

29

«Мама, скажи, что мне делать». Когда эта мольба вырвалась из сердца Тима, стоявшего на коленях у надгробия на затянутом туманом кладбище, он понял: ему нужен тот экземпляр таинственной книги, что принадлежал Джулиану Траску. Экземпляр, где все страницы были целы. Но его интересовала только одна, на ней единственная фраза, окружённая орнаментом из скелетов. Эта фраза была написана странными знаками, крючками и загогулинками. Они отдалённо напоминали арабское письмо или древнеегипетскую клинопись. Прямо под фразой, в том же оформлении изгибающихся костей, был напечатан не перевод, а, как Тим правильно догадался, транскрипция латинскими буквами. Общий заголовок сверху страницы начертан латынью, и даже такой двоечник, как Тим, был в состоянии понять, что он означает. И когда он спросил у своей матери, давно находящейся в другом мире, что же ему делать,

именно этот заголовок вдруг, как знамя, затрепетал перед его глазами.

Тим поднялся на ноги и, пробиваясь сквозь туман, пошёл домой. По дороге он размышлял, стоит ли просить Джулиана Траска одолжить ему свой экземпляр. Траск, естественно, станет интересоваться зачем. Тогда придётся ему соврать. Но что именно соврать? Постараться объяснить свой интерес природным любопытством? Слишком слабое объяснение. Что ещё? Надо что-то правдоподобное. А Тиму ничего не приходило в голову. Но даже если он и придумает подходящее что-то, разве Траск доверит такую ценную книгу практически незнакомому человеку?

Когда он пришёл домой, тётя уже не спала, но ещё не поднялась с кровати.

— Тебе лучше? — поинтересовался он.

— Всё так же.

— Позвать Дока Дженкинса?

— Нет, спасибо. У меня всё в порядке. Просто я старая, Тимоти. А от этого лечит только один Доктор.

— Ну как знаешь. — Выходя из комнаты, он сказал:

— Я устал. Слишком рано поднялся. И кто придумал устраивать похороны в такую рань? Пойду прилягу ненадолго. Тебе что-нибудь принести?

— Нет, спасибо, Тимоти.

— Может быть, чашечку чая, журнал?

— Нет. Ты сегодня очень внимателен.

Тим пожал плечами:

— Это моя лучшая половина действует.

Он вышел из её комнаты, но направился не к себе. Вернулся вниз, к старому секретеру. Тётя хранила ключ в своей сумке, а сумка в комнате. Ему не хотелось дальнейших дискуссий по поводу фамильных ценностей. С помощью ножа для разрезания бумаг он открыл замок и добыл книгу и кинжал. Затем отнёс их к себе в комнату.

Книгу надо было во что-то завернуть. Он пошёл на кухню, откопал там какую-то коричневую обёрточную бумагу от старого свёртка и вернулся к себе.

Перед тем как упаковать книгу, перелистал страницы, обращая внимание на те места, где листы были варварски выдраны. На одной из уцелевших страниц на гравюре в грубой манере была изображена голая пышная женщина, совокупляющаяся с отвратительным демоном. Страшное существо покрыто чешуёй, как ящерица. На руках и ногах — когти. Из головы торчат рога, а из основания спины острый хвост. Впереди изогнутый, как змея, сверхъестественной длины и разветвлённый на три части орган. Один отросток вошёл в женщину естественным путём. Другой терялся между её ягодицами. А третий тянулся к лицу и заползал ей в рот.

Он вспомнил вдруг свой сон и вопрос инквизитора: «Твой любовник имел тебя через зад... или ты брала в рот его...»

Тим перевернул страницу, другую и хотел уже взяться за третью, когда заметил маленький розовый конверт, заложенный в книгу. В этот момент зазвонил телефон. Он вышел в холл, чтобы ответить.

Шериф Валден справился, почему он ещё дома, а не в гостинице. Тим ответил, что собирается.

— Скоро уйду в гостиницу, — сообщил Тим тёте, подумав, что это отлично совпадает с его намерением завладеть экземпляром Джулиана.

Вернувшись к себе в комнату, он решил рассмотреть как следует обнаруженный конверт. На нём была надпись: «Мэтью», выведенная фиолетовыми чернилами, аккуратным женским подчерком.

Тим вскрыл конверт. Быстро пробежал текст до самой подписи «Кейт». Это было письмо его матери к отцу. Письмо, которое тот так и не получил. Тим с волнением начал читать медленно, чтобы вникнуть в суть:

Дорогой Мэтью!

Пожалуйста, прости меня. Мир полон женщин, прекрасных женщин. Выбери такую, что сможет стать хорошей матерью Тимми. Увези его и её отсюда. Мой дорогой! Я не могу больше жить в этой атмосфере ненависти и подозрений. Ты говоришь, что твоя сестра меня „не ненавидит“. Но

это не так. Я знаю. Я раньше считала, что это всё оттого, что она находится под властью слухов и старых сплетен. Но большие я так не думаю. Дело в том, что она возненавидела бы любую женщину, ставшую твоей женой. Вот почему я прошу тебя увезти Тима из этого дома, от Агаты. Женись вновь и будь счастлив.

Я много раз просила тебя уехать, но ты всегда объяснял, что у тебя есть обязанности перед сестрой и ты не можешь оставить её одну. О, Мэтью, у тебя были обязанности, дорогой, и передо мною и твоим сыном. Может быть, то, что я собираюсь теперь сделать, убедит тебя наконец. Ты не должен приводить свою новую жену в этот дом. Если ты сделаешь это, то всё повторится снова. Агата будет ненавидеть и её. Она возненавидит её, потому что любит тебя. Но не так, как сестра должна любить брата. Я знаю, что выдвигаю опасное обвинение, знаю, как ты всегда защищаешь её — все Галэны защищают друг друга. Но попытайся поверить мне. Твоя сестра хочет тебя, как женщина хочет мужчину. Я читаю это у неё на лице, когда она смотрит на тебя. Она внутренне умирает каждый вечер, когда ты идёшь в постель со мной. Она сама хотела бы лежать на моём месте. Я в этом уверена. Женщины хорошо это чувствуют. Покинь её, пока разрушающая страсть не уничтожила тебя и моего сына.

Никогда не говори Тимми о том, как я умерла. Он может подумать, что я слишком мало любила его, чтобы жить. Скажи ему, что я очень сильно заболела и ангелы забрали меня, как того щенка, что мы подарили ему на прошлое Рождество. Скажи ему, что я его люблю и всегда буду любить. Я буду ждать тебя и его в Раю.

И прости свою Кейт.

Слёзы текли по щекам Тима, когда он закончил читать. Он поцеловал письмо, бережно уложил в конверт и сунул под рубашку. Про себя сказал: «Чёрт тебя возьми, папа, за то, что ты позволил этому произойти. И будь проклят за то, что у тебя не хватило порядочности прочитать её последние слова». Его прожгла догадка: «Наверное, Агата перехватила это письмо,

спрятала, решив уничтожить, а потом забыла о нём». Он вздохнул, теперь это не имело никакого значения.

Пора отправляться в гостиницу. Тим бросил кое-что из вещей в холщовую сумку и начал запаковывать книгу.

Когда на Галэн опустилась тёмная ночь, он прокрался в церковный двор. Растворившийся было утренний туман теперь вновь собирался с силами. Если бы кто-нибудь наблюдал за Тимом, то могло показаться, что он плывёт сквозь белые слои какого-то вещества. Направляясь к могиле матери, он нёс под мышкой книгу, похищенную на время у Джулиана.

Видимость практически нулевая. Даже луна была упакована в туман. Но Тиму не надо было искать нужную страницу. Заклинание было короткое, всего из двух слов, и Тим знал его наизусть. Он помнил содержание латинского предисловия перед фразой со ссылками на высказывания Иисуса, Лазаря, Короля Артура. Из всего этого он вроде бы понял, что данное заклинание использовал Иисус, когда хотел воскресить Лазаря. А в день Апокалипсиса эти же слова произнесёт очнувшийся от векового сна Артур. Он попытается вывести свой народ из хаоса.

Тим остановился у могилы Кейт Довер Галэн. Он открыл книгу на странице с надписью по-латыни, которая в переводе означала «Поднять мёртвых».

Собирая всё своё мужество, чтобы совершить то, что вознамерился, Тим облизал пересохшие губы и прерывисто вздохнул. Если он правильно понял, в собственном переводе с латыни, то, что предписывалось сделать, было не сложно. Надо медленно и чётко произнести на каком-то древнем языке слова, а затем повторять и повторять их до тех пор, пока не произойдёт желаемое.

Тим поднял голову и выговорил:

— «Ореела боганна».

Туман, взбитый вдруг налетевшим с моря порывом ветра, причудливо преломил луну.

— «Ореела боганна», — повторил он.

Опавшие листья зашелестели на могиле матери, и страницы книги перевернулись.

Тим смочил языком пересохшие губы и ещё раз произнёс заклинание:

— «Ореела боганна».

Он услышал шум, слабый и далёкий, как раскаты гремящего за горизонтом грома или приглушённый звук барабанов.

— «Ореела боганна».

Ветер усилился, пригибая на кладбище высокие кипарисы, и мрачный всплеск света, как горящая молния, на секунду осветил надгробие.

— «Ореела боганна».

Шум стал громче, глубже, ближе. Тима знобило, и только невероятным усилием воли он сдерживался, чтобы не застучать зубами.

— «Ореела боганна», — вымолвил он ещё раз. — Помоги мне...

Что это было? Он и вправду услышал человеческий голос? В ужасном предчувствии Тим огляделся вокруг. Он был один и поэтому постарался уверить себя, что слышал только порыв ветра.

Он глубоко вздохнул и повторил заклинание.

— «Ореела боганна». — На этот раз голос сопровождался отрывками из его навязчивого сна: на одну крошечную секунду Тим увидел темницу, девушку, дыбу, троих мужчин. Это был лишь миг, но видел он всё так явственно, как будто они были рядом с ним на кладбище. Он протёр глаза. Вспомнил, что Джулиан предупреждал его о возможных галлюцинациях, хотя и надеялся, что то видение в спальне было первым и последним. Наполнив лёгкие сырым воздухом, он снова произнёс:

— «Ореела боганна»... Ты будешь расчленена...

— «Ореела боганна».

Казалось, что шум приблизился. Но Тим не обращал на это внимание.

— «Ореела боганна»... зачем терпеть весь этот ужас...

Как назойливых насекомых, отгонял он от глаз отдельные эпизоды пытки.

— «Ореела боганна»... ведь твой любовник предал тебя...

Тим скрипнул зубами, произнёс:

— «Ореела боганна»... признайся в греховной связи, которой ты наслаждалась...

— «Ореела боганна»... говори сейчас, пока тебя не начали ломать...

Кладбище расплылось. Тим больше ничего не видел чётко. Его ощущения нарушились, стало подташнивать. Но он упорно продолжал:

— «Ореела боганна»... для начала четверть оборота, милорд...

В ушах Тима нарастал и завывал звук — раздражающий, высокий, свистящий, выходящий за пределы человеческого слуха.

— «Ореела боганна»... — он имел тебя через зад...

— «Ореела боганна»... — или ты брала в рот его...

— «Ореела боганна»... — ещё и ещё, пока эта поганая сука не заговорит...

Неясные лики, хватающие руки, чьи-то бесплотные взгляды — всё это роилось вокруг Тима, как стая летучих мышей.

Как загипнотизированный, он опять и опять выговаривал заклинание:

— «Ореела боганна, ореела боганна»... на дыбу её... «Ореела боганна, ореела боганна, ореела боганна».

Пронзительный звук больно впивался ему в уши, как штопор ввинчивался в мозг. Шум перерос в оглушающий гул. Земля под ним вздыбилась, словно морская пучина. Тим пытался удержаться на ногах. Плита на могиле матери закачалась, и могила разверзлась как при землетрясении.

— Мама.

Все звуки вдруг стихли, как бы отсечённые гильотиной. Тим замер в неожиданной тишине, чувствуя себя мухой в янтаре: он не мог двигаться, дышать и даже слышать биение собственного сердца. Единственное, что он ощутил, была тяжесть руки у него на плече, руки, протянутой кем-то из-за его спины.

От этого прикосновения Тим закричал, упал на землю и уронил книгу.

— Оставь её в покое.

Дрожащий, распротёртый на холодной кладбищенской земле, Тим со страхом обернулся и посмотрел вверх на источник голоса.

— Оставь свою мать в покое, — повторил Джулиан.

Тима трясло. Он поднялся, весь перепачканный. Ветер, свист, шорохи — всё прекратилось. Могила была гладкой и ненарушенной. Земля не раскололась. Не веря своим глазам, он провёл рукой по надгробью.

— Я думал, я видел... — прошептал он.

— Забудь, что ты видел, — жёстко сказал Джулиан, — или думал, что видел. Выбрось это из головы.

Джулиан поднял с земли упавшую книгу. Он взял Тима за руку и повёл с кладбища.

По дороге к гостинице Тим извинился:

— Простите меня за книгу. Я собирался её сразу же вернуть...

— Это могущественная книга, — пояснил Джулиан. — В ней содержатся тайны, которые когда-то были известны людям, но потом о них предпочли забыть. Миллионеры предлагали целые состояния, лишь бы увидеть хоть одну её страницу. Люди убивали за неё. Другие умирали под пытками, но не выдавали место, где была спрятана книга. Многих она свела с ума. Название переводится с латыни как «Потерянные искусства». Истолковать это можно двояко. Потерянные в традиционном смысле слова и «потерянные» — проклятые, как иногда говорим мы, «потерянная» значит проклятая душа.

Через секунду Джулиан повторил:

— Потерянная душа. Как легко мы это говорим. Это уже стало клише. Но ты никогда не задумывался, что это значит? Где-то в книге есть предупреждение о людях, которые вынуждены заниматься «потерянными искусствами». Они обречены навечно и безвозвратно. Я не религиозен, но меня всегда пробивает мороз, когда я задумываюсь над этим. Быть обречённым на что-то безвозвратно, навечно. А навечно — это без

конца, без надежды. Подумай об этом. Ведь жизнь наша вся состоит из перемен. Изменчивость — это хорошее, здоровое, естественное явление. Даже смерть и то приносит перемену — по крайней мере распад материи. А для людей религиозных это изменение качественное: «Мы не будем все спать, мы все изменимся», — говорится в Священном писании. Вещь, которая никогда не меняется, — это чудовищное явление, противное всем законам природы. И для человека быть навсегда обречённым на неизменность — это быть в аду... Я вздрагиваю, когда думаю об этом.

Они молча шли дальше. Потом Тим спросил:

— Это и вправду произошло?

— Что именно?

— Я видел снова дыбу, и этих мужчин, и эту женщину, я слышал их голоса. И был шум и ветер, разные звуки. И могила моей матери разверзлась. Вы тоже видели это?

— Я почувствовал порыв ветра, — ответил Джулиан. — Что касается остального, то я пришёл в самое последнее мгновение. Повторяю — это могущественная книга. И вся её сила — злая. С этих страниц никогда не сошло ничего хорошего и доброго. А что, если бы тебе удалось то, что ты задумал? Если бы ты поднял тело своей матери из могилы, ты совершил бы нечто кошунственное.

— Я только хотел поговорить с ней, — пробормотал Тим.

— Откуда ты знаешь, что она смогла бы говорить? Откуда ты знаешь, что она не превратилась в тлен? Без языка, без мозга, без возможности думать и говорить. А ещё задумайся вот над чем, Тим. В книге есть заклинание, способное поднять мёртвых. Но там ничего не сказано о том, как их вернуть назад. Этого нет ни на одной странице. Благодарю судьбу, что я пришёл вовремя. Благодарю не только за себя, но за мать, да и за всех нас.

Они приблизились к гостинице.

— Я советую тебе сразу же отправиться спать, — сказал Джулиан. — Если хочешь, продолжим разговор утром.

Тим кивнул.

— Я хотел позвонить Дженни. Но, пожалуй, уже слишком поздно.

— Да, думаю, не стоит. Дамам и так наверняка трудно заснуть в чужих кроватях.

В кафе в одиночестве сидел Док Дженкинс. Он их окликнул. Тим махнул ему рукой и сразу же поднялся вверх в свою комнату. Джулиан подошёл к столу. Было заметно, что Док уже пропустил несколько порций.

— Вот это, — сказал Док, показывая на стоящий перед ним стакан, — скотч двадцатипятилетней выдержки. Джед подаёт его только по особым случаям или особо уважаемым клиентам. Первый раз за всю историю город остался без женщин. И, вероятно, это единственный в мире такой город. Буду рад, если вы составите мне компанию.

— С удовольствием, — легко согласился Джулиан, — только загляну на минутку в номер, надо кое-что отнести.

Но, поравнявшись с конторкой Джеда, он передумал.

— Джед, у вас есть сейф? — спросил Джулиан. — Ну, где гости хранят свои ценности?

— Конечно, — ответил Джед, — и весьма надёжный.

Джулиан положил на конторку книгу, которая была обёрнута в ту же коричневую бумагу, которую днём нашёл на своей кухне Тим.

— Нельзя ли воспользоваться вашим сейфом?

— Нет проблем. Пожалуйста, сюда.

Когда Джед запер книгу в сейф и выдал соответствующую квитанцию, Джулиан присоединился к Доку.

Доктор успел осушить ещё один стакан и наполнить другой для Джулиана.

— Когда я учился в колледже, то слышал один занятный тост — я запомнил его навсегда. Пожалуй, сегодня он уместен как никогда, учитывая, что весь Галэн пропитан сексом, заряжен им как электричество. — Док поднял стакан. — За это! Птицы делают это. Пчёлы делают это. Они привыкают к этому и не прочь повторить. Почему бы и нам не заняться этим?

Они выпили.

— Нам с вами? — уточнил Джулиан. — Вы делаете мне предложение?

— Нет, — усмехнулся Док. — Но вы поднимаете интересный вопрос. Мы отрезали от мужской части все возможности контактов с прекрасным полом. Бедный сексуально озабоченный ИНКУБ, или кто он там, явно бесится, потому что не может найти женщину. Ну, а что, если его желание дойдёт до такого градуса, что он начнёт охотиться на мужиков? В тюрьмах такое случается. Есть ли в вашей книге что-нибудь касательно такой перспективы?

— В известной мере. Дело в том, что сексуальные извращения присущи только людям. И какими бы ужасными ни казались последствия нападений ИНКУБА, для женщин, в одном смысле, они были нормой. Если отбросить элемент насилия и размеры его полового органа, это были классические, с точки зрения физиологии, сокоупления, — пояснил Джулиан.

Док добавил:

— Иногда такую позу называют позой миссионера.

— Совершенно верно. Не было ни одной попытки орального сношения или через задний проход. Галэнский насильник озабочен только одним — женщина должна забеременеть.

— Значит, вы считаете, что мы, мужчины, в безопасности?

Джулиан кивнул.

— Поверю вам на слово, — сказал Док и, отхлебнув виски, поинтересовался: — Ну а как насчёт того, что мой дед называл грехом Онана?

— Если помните легенду, то Онан сбрасывал своё семя на землю именно потому что не желал, чтобы женщина забеременела. Существо, на которое мы устроили облаву, не стремится к сексуальному удовлетворению как таковому, к самому оргазму. Им движет миссия исполнения некой определённой задачи. Гомосексуализм или мастурбация несовместимы с этим.

— Я перечитывал классиков, — сказал Док. — Наткнулся на Плутарха, его историю о Тамусе, штурмане корабля. Во время плавания в Италию он услышал, как какой-то голос, принесённый ветром, три раза назвал его по имени и передал через него послание миру: «Великий Пан умер». Но если ваши подозрения верны, то это сообщение не соответствовало

действительности, не так ли? Выходит, сведения о его смерти были сильно преувеличены? А знаете ли вы, что слово «паника» происходит от Пана? Он обладал свойством приводить людей в состояние неистовства: нестись в «панике», как скот, разбегаться во все стороны в «паническом» ужасе. Интересно происхождение слов.

Док смотрел в свой стакан, будто в нём был заключён волшебный кристалл, в гранях которого таились ответы на любые вопросы.

— Секс, — произнёс он. — Всемогущий мог бы сделать его, как мне кажется, и попроще. Просто физиологическим отправлением, как поесть или сходить в туалет. Но, с одной стороны, это связано с романтикой и любовью, а с другой — с чем-то тёмным и отвратительным — ревностью, раздражением, насилием, садизмом, мазохизмом, невероятными извращениями, которые только можно вообразить, и частыми несчастьями. Мотив убийства, причина войны, ложь, обман, боль. Да, Господь, — заключил он, — здесь ты действительно перемудрил.

В шестом номере Тим, не раздеваясь, упал на кровать. Из-под рубахи он достал письмо матери. Оно смялось и намокло от пота. Он перечитал его, потом ещё. И каждый раз глаза ему застилала слёзы, как только он доходил до последней фразы: «Скажи ему, что я его люблю и всегда буду любить. Я буду ждать тебя и его в Раю».

Отец, хотя и не видел этого письма, сказал Тиму, что мать умерла во сне. Теперь Тим понял, что скорее всего это была правда. Она, наверное, приняла слишком большую дозу снотворного. Может ли быть так, что отец не понял, что она сделала это намеренно. Он не мог поверить, что отец не захотел вскрывать письмо. Он ещё определённое уверовал, что Агата догадалась, обнаружив случайно конверт, что это предсмертное послание, и спрятала его.

Спустя менее года после смерти матери его отец погиб в авиакатастрофе.

«Твоя сестра хочет тебя, как женщина хочет мужчину». Безусловно. Это многое объясняло. Её ненависть к Кейт, её

ужас по поводу подсмотренной любовной сцены. Ей было противно не само действие, хотя, может, она этого и не понимала до конца. Просто она хотела быть той обнажённой, что стояла на коленях перед Мэтью Галэном, и её возмущало собственное желание.

Тиму хотелось бы швырнуть письмо тётке в лицо, поиздеваться над ней, прочесть вслух, что там было про неё написано. Обвинить её в извращённых фантазиях, воображаемом кровосмешении, услышать, как она стала бы возражать. Ему нужно пройти через весь этот кошмар, чтобы быть готовым расквитаться с ней. Впрочем, зачем? Она и так скоро умрёт. Она ведь старая и больная. Отношения между ними всё равно были давным-давно отравлены.

Мысли его обратились к Дженни. Пьянящее тепло охватило его, как только он подумал о ней. Эротический порыв сделал его плоть твёрдой. Его воображение так разыгралось, что он совсем проснулся. Это обеспокоило его. А что, если этот порыв предвестник превращения во что-то паранормальное? Никогда раньше он не стыдился своих желаний. Теперь ему было не просто стыдно, но очень тревожно. Он был напуган. В горле пересохло от жажды. Тим встал и пошёл в ванну попить. Открывая кран, он посмотрел в зеркало над раковиной.

На него глядело не его лицо. После первого шока Тим заставил себя ещё раз глянуть в зеркало, прямо, не отводя глаза. На него смотрело оттуда лицо палача: «...пей, пей, сколько хочешь» — шептали чужие губы...

Тим зажмурился и глотнул воды. Когда разомкнул веки и снова посмотрел в зеркало, отражение было его собственным.

Внизу в кафе раздался смех Дока.

— Вы знаете, Траск, я думаю, что постиг тайну жизни. «Ах, эта сладкая тайна жизни!» — помните такую песню? Эдди Нельсон, Джаннет Мак Дональд? Нет, пожалуй, вы слишком молоды, чтобы помнить. Так вот, тайна жизни не такая уж сладкая. Знаете, что это? Всего лишь следующее: Бог не умер, как утверждают некоторые. Чёрт возьми, Бог просто пьян!

Док вновь наполнил стаканы.

— Бог потерял разум. Он раскиселился, зажарился, упрям как козёл. Шляется, спотыкаясь, по улицам Рая, старый алкаш. Падает лицом на райскую землю. Засыпает на каком-нибудь космическом пороге, а потом просыпается с самым сильным, самым поганым похмельем во всей вселенной. И всё это выплёскивает на нас. Вот какое я сделал открытие. Запомните, что услышали, — вы первый, кому я доверил своё открытие.

Джулиан признал, что это весьма оригинальная теория. Док Дженкинс сделал очередной большой глоток.

— Посмотрите на мир, — жёстко произнёс он. — Война, голод, пытки, рабские концлагеря, смог, насилие, рак. Не говоря уж о том, что творят политики и прочие маньяки. Так кто же, будучи в здравом уме, может верить в доброго Бога? Бога или нет, или он садист, маньяк, или у этого сукина сына давно уже белая горячка! Мне больше нравится последнее объяснение, за него я выпью. — И он выпил.

— Думаю, мне пора спать, — заявил Джулиан. Док оставил пустой стакан.

— Хорошо. Я велю Джеду записать бутылку на ваш счёт. За последние дни вы выпили достаточно моего скотча.

— Увы, это так!

— Все думают, что врачи купаются в роскоши. Хирурги, да. Особенно те, кто делает пластические операции. Вот куда мне надо было идти. Создавать красавцев из уродов! Посмотрите на эти руки. Они как руки великого скульптора. А я вместо этого на осмотрах сую пациентам палец в задницу!

Он величественно поднялся из-за стола:

— Пожалуй, я двину домой, хотя идти туда и незачем. Марта и Дженни — обе в заточении. Придётся общаться с черепахой. Вы представляете, эта дрянь любит, когда ей поют. У неё даже есть любимая песня — «Страсть к Розе».

— Вы уверены, что сможете вести машину? — поинтересовался Джулиан.

— Я? Ваш вопрос предполагает намёк, что я пьян? Может, и так. Но не пьянее Бога. Если он поддаёт, то почему мне нельзя?

— Но вы же сами утверждали, что у него это хреново получается, помните?

— Это правда. Знаете, о чём я подумал? Есть такое выражение пьян как барин, то есть господин, а должно бы звучать как Господь.

Джулиан не стал спорить:

— В этом что-то есть. Я провожу вас до машины.

Когда они вышли из гостиницы, Док Дженкинс не удержался от восторга:

— Как хорошо на воле, на свежем воздухе.

Из темноты выскочила машина шерифа и, взвизгнув тормозами, остановилась буквально в сантиметре от них.

— Боже, Хэнк! Ты же нас чуть не прикончил, — заорал Док. Хэнк в свою очередь крикнул:

— Быстро в машину, оба.

— Что случилось? — спросил Джулиан.

— А как вы думаете, чёрт побери, что могло случиться? — взвопил Хэнк, — это опять произошло. Он забрался в одно из общежитий и снова убил женщину.

ЛИЦО

31

— Кого? — одновременно закричали Док и Джулиан, быстро забираясь в машину.

Хэнк нажал на газ, и машина рванула вперёд.

— Не знаю пока, — ответил Хэнк. — Я ехал сменить Клема на дежурстве, возглавить ночную смену. Там ведь целая толпа вооружённых мужиков. Клем зовёт их вооружёнными бабниками. Идиот. Он позвонил мне в машину, когда я был в дороге. Сказал, что в одном из общежитий девочки начали страшно кричать. А войти-то он не мог — заперто. Они же были до того напуганы, что не соображали, что надо отпереть дверь и впустить его. Он не очень понял, что они там все вместе вопили. Разобрал только: «он здесь» и «она умерла».

— Какое общежитие? — спросил Док мгновенно протрезвев.

— Этого я тоже пока не знаю. Скоро выясним.

Машина подъехала к студенческому городку и повернула к общежитию. Фары осветили группу галэнских мужчин. Возбуждённые собаки лаяли и махали от волнения хвостами. В руках у каждого галэнца было какое-нибудь огнестрельное оружие.

— Какое общежитие? — закричал Хэнк, когда они подъехали.

— Мужское, — крикнул в ответ Оскар Гаррет. — Там сейчас Клем.

Губы Дока плотно сжались. Обе его женщины были в мужском общежитии.

Как только машина резко остановилась, подбежал Клем.

— Слава Богу, вы здесь, — произнёс он, увидев Дока. Может быть, вам они откроют.

Трое мужчин поспешили к дверям. Клем позвал:

— Эй, женщины. Здесь Док Дженкинс.

Док услышал, как изнутри знакомый голос позвал его:

— Сэм?

Это была его жена. На него накатила волна облегчения.

— Да, это я, Марта, как Дженни?

— Мы обе в порядке.

— Открой, пожалуйста, нам дверь, дорогая.

— Хорошо, сейчас.

Звук болтов, щелчок ключа — и Марта Дженкинс распахнула дверь общежития. За ней и Дженни стояли другие женщины, съёжившиеся, испуганные, в слезах.

— О, Сэм! — всхлипывала Марта. — Это так ужасно!

Он обнял её:

— Ну ладно, ладно, успокойся.

За спиной Дока другие мужчины взволнованно спрашивали: кто?

Док задал этот же вопрос жене. Но она так сильно рыдала, что не могла сразу ответить. Вперёд вышла Дженни и вымолвила дрожащим голосом:

— Это Элен, папа. Элен Китон.

Дикий крик вырвался из толпы:

— О, Боже! Нет!

То был Бен Китон. Он проталкивался через толпу к двери.

— Элен? Не может быть, — говорил он, не в силах поверить.

Дженни опустила глаза. Она не могла смотреть на него. Она чувствовала себя виноватой в том, что была жива.

— Нет, — продолжал кричать Бен. — Нет! Прю, а потом Элен! Нет!

Он бросился к зданию:

— Где она? — Он позвал: — Элен! Элен!

— Бен, не надо, — пытался успокоить его Док, — не ходи туда, не надо.

Но Бен, оттолкнув женщин, уже вбежал в общежитие. Хэнк допытывался у Клема:

— Как эта скотина смогла туда попасть?

— Я не знаю, Хэнк! Я проверил каждое окно. Они все забиты наглухо. Ничего не повреждено. И дверь была закрыта на замок и на щеколду, пока минуту назад, вы же сами видели, её не открыла жена Дока. Я не могу понять, как он смог туда проникнуть.

Из глубины общежития раздался длинный хриплый вопль отчаяния — Бен нашёл свою жену.

Док повернулся к шерифу.

— Пошли, Хэнк, нам лучше быть там.

Хэнк отдал распоряжение Клему:

— Только я и Док. Остальные пусть будут на улице. — И они с доктором вошли в здание.

В это время Лора протиснулась мимо женщин к двери и позвала Джулиана.

— Лора, — он обнял её, — как я боялся, что это можешь быть ты!

Голос её прервался. Она произнесла совершенно непонятную фразу:

— Это и была я.

— Что?

— Это моя вина!

— О чём ты говоришь!

— Если бы я не оставила её одну... — Она расплакалась, и новые слёзы побежали по следам уже высохших.

— Не надо, пожалуйста, — попытался успокоить её Джулиан, — что это за ерунда?

— О, Джулиан, она была одна, совсем одна. Она была единственной женщиной в этом общежитии, оставшейся в одиночестве в комнате. Сначала я поселилась вместе с ней, но потом она упростила меня уйти...

— Почему?

— Не важно почему. Она умерла. Я не хотела оставлять её, но она настаивала, так что я переехала к Марте и Дженни.

Вошла Марта и обняла Лору за плечи:

— Это не твоя вина, дорогая. Чем бы ты смогла помочь ей, если бы и была там? Тебя бы тоже прикончили.

Лора, всё ещё плача, покачала головой:

— Нет, он выбрал её не случайно. Ведь одиночек больше не было во всём общежитии.

Марта Дженкинс сказала Джулиану:

— Мы даже криков не слышали. Он, должно быть, зажал ей рот.

Лора продолжала:

— Я проснулась и пошла в туалет. Когда я проходила мимо комнаты Элен, то решила заглянуть и посмотреть, удалось ли ей уснуть. И когда я открыла дверь, то... увидела её.

Джулиан крепче обнял её:

— Ты не видела преступника?

Она отрицательно покачала головой:

— Он уже исчез.

Хэнк и Док вышли из общежития, выводя вместе с собой Бена, который валился с ног. Лицо его побелело, глаза потухли. Когда они проходили мимо Джулиана, Док сказал:

— Я собираюсь отвезти его в больницу и накачать таблетками.

Джулиан кивнул головой по направлению к общежитию:

— Это было...

Док тут же кивнул:

— Точно так же, как и в других случаях.

Он и Хэнк пошли дальше, сопровождая Бена Китона. Когда шериф помог усадить Бена в машину, он вернулся к Джулиану.

— Ну, мистер Траск, — сказал он голосом, не предвещавшим ничего хорошего, — ваша идея всем была хороша. Кроме одного. Она не сработала. И будь я проклят, если понимаю, почему произошло именно так, почему она не сработала. Никаких следов взлома. Никто не мог, не оставив следов, проникнуть внутрь, разве только превратился в облачко дыма и просочился под дверь. Или — его кто-то потихоньку впустил.

Марта Дженкинс возмутилась:

— Хэнк, будь благоразумен. Ради чего кто-то из нас стал бы впускать сексуального маньяка, убийцу?

— Я хватаюсь за любую соломинку, Марта, — пояснил Хэнк.

— Найди что-нибудь другое, чтобы ухватиться...

Джулиан спросил шерифа:

— Хэнк, вы уверены, что проверили все окна тщательно?

— Проверил и перепроверил.

— И никаких следов того, что доски могли быть аккуратно приподняты, а потом поставлены на место?

— Нет, всё приколочено намертво, так, как и было утром. — Он снял шляпу и почесал в затылке:

— Пойду-ка я и проверю, как обстоят дела в женском общежитии. Если Сара меня, конечно, впустит. — И он ушёл.

— А я пойду к Дженни, — сказала Марта и вернулась к дочери.

Джулиан подвёл Лору к скамье под деревом, усадил и сел рядом.

— Если бы только я настояла, чтобы остаться с ней... — горевала Лора.

— Довольно убиваться. Но я всё же не могу понять, почему она так категорически хотела остаться одна. Ты знаешь причину?

Лора кивнула:

— Знаю, но тебе сказать не могу.

— Почему?

— А вдруг это каким-нибудь образом дойдёт до Бена?

— Не дойдёт.

— Хорошо, я расскажу, но это должно остаться строго между нами.

— Конечно, — заверил он.

— Элен боялась себя, собственных чувств и ощущений, — начала Лора. — Что-то произошло в её душе из-за испуга и одиночества. Она боялась этого одиночества и искала из него выход. И первым нашла любовь. Она обняла меня и стала ласкать. Мы были нагие в душе, этот порыв длился всего секунду, но потряс её. Вся в слезах Элен просила простить её. Она убежала из кабинки. Потом заявила мне, что больше не в силах держать себя в руках и поэтому не может спать со мной в одной комнате. Она боялась, что начнёт приставать ко мне. Я сказала ей, что всё это чепуха. Но Элен настаивала, чтобы я переехала к кому-нибудь. Я отказывалась. Она бросилась на колени, умоляла меня, целовала ноги. Как я могла отказать ей в конце концов. Я переехала. Но ты же понимаешь, что Бену лучше не знать всех этих подробностей. Даже если бы в психике Элен были бы какие-нибудь отклонения, — а я думаю, что она была абсолютно нормальна, — то и то было бы бесчеловечно отравить воспоминания о ней.

— Конечно, — согласился Джулиан, — этого нельзя делать ни в коем случае. Бедный Бен. Сначала дочь, теперь жена...

Он помолчал, а потом спросил Лору:

— У тебя есть предположение насчёт того, как он мог сюда проникнуть?

— Нет, ни малейшего. Снаружи этого сделать было нельзя. Всё заколочено. Кругом вооружённые мужчины. Остаётся только один вариант — он прятался здесь внутри всё время, пока готовили для него капкан.

— Это исключено. Мы тщательно обыскали оба общежития — Джулиан отрицательно покачал головой.

— Думаешь, есть смысл держать нас здесь дальше?

— Конечно, нет. Шериф правильно сказал — идея была хороша, но она не сработала. И дома вы все будете в равной степени в безопасности или... опасности.

Подошёл Хэнк:

— Мы распустили всех по домам. Каждой дадим оружие. Лора, у тебя дома есть револьвер?

— Ещё бы!

— Тогда не вижу смысла торчать тебе здесь. Вы проводите её, мистер Траск?

— Естественно.

Хэнк умолк, тупо глядя в пустоту.

— Становлюсь старым, — наконец изрёк он. — Такие дела слишком сложны для меня. Я уже ничего не могу разгадать. Когда весь этот бардак с ужасами закончится, коли ему вообще суждено закончиться, разрази меня гром, если я не солью керосин и не оставлю службу.

Было бы логично предположить, что несколько кровавых насилий, гибель женщин приглушат сексуальные чувства галэнцев. Но на самом деле всё получилось наоборот. Они отвергали смерть и утверждали жизнь! В тот субботний вечер каждый мужчина в Галэне, у кого была возможность слиться в порыве со своей любимой, сделал это. Док Дженкинс, несмотря на усталость и виски, гордясь собой, довёл несколько раз Марту до экстаза, и его самолюбие не могли не тешить её страстные вскрики. Тим, предварительно договорившись с Дженни по телефону, влез к ней в окно по ветке дерева.

Сару Валден, как она сказала бы, «вспахал» по-мужицки Хэнк. В гостинице Руфь и Джед, отдавая все силы, утешали друг друга после вынужденной разлуки. Оскар и Мона Гаррет тоже. Джулиан и Лора проделали вроде бы привычный ритуал, едва переступив порог дома. Но на сей раз это был настоящий взрыв страсти. Даже преподобный и Фрэнси Китон слили свои тела с удовлетворением, которого не ощущали давно. Им не смогла помешать и двойная потеря. Джо Прескотт, овдовевший много лет назад, частенько захаживал к Белинде Феллоуз, пышнотелой блондинке, правда крашеной и неопределённого возраста. Этой ночью они поразили друг друга раскрывшимися вдруг возможностями.

И так было в десятках домов Галэна, жители которого приятными сторонами секса попирали те преступления, которые совершил маньяк.

Но был в Галэне и обойдённый любовью человек. Именно ему она нанесла подряд несколько жестоких ударов, погубив тех женщин, к которым он был искренне привязан. Прю Китон последнее время была его постоянной девушкой. Иногда он встречался и с Мэри Лу Грант, а однажды испытал утехи любви со щедрой на ласки Мэлани Сандерс. Одну за другой вычеркнула их из списка живущих безжалостная судьба. И теперь Чарли Прескотт был окутан одиночеством как серым, холодным одеялом. Он лежал в своей постели один, словно зародыш в утробе, глаза его были открыты. Он плакал.

32

Когда Чарли наконец удалось уснуть, он тут же встретился со всеми троими: и с Прю, и с Мэлани, и с Мэри Лу. Они то вдруг сливались в единый образ, то каждая из них дробилась на двух абсолютно похожих. Иногда в этом сне происходили совершенно обыденные вещи: он гулял то с одной, то с другой по городу, вёл ничего не значащие разговоры. Но происходили и удивительные превращения. Вдруг всё расцвечивалось буйной фантазией, загорались глаза, соски и пупки девушек набухали умопомрачительной сладостью. Тогда Чарли просыпался со стоном в маленькой липкой лужице от впустую растраченного желания.

Светало. За окном было сыро и серо, так же как и у него на душе. На короткое время волшебные сновидения вернули к жизни трёх девушек, но, увы, сейчас его обступала холодная реальность. Он больше никогда не увидит их в жизни. Это возможно теперь только в снах.

Лужица раздосадовала его. Он устыдился. И раньше, случалось, всплески страсти настигали его во сне. Но тогда он не считал это постыдным. Тогда все были живыми и тёплыми. А теперь, когда девушки погибли, было что-то гнусное в подобной тяге к ним. Он встал, сорвал измазанную пижаму и отправился в душ. В наказание стал хлестать себя ледяными струями.

Затем Чарли оделся и вскоре вышел из дому. В этот ранний воскресный час на улицах Галэна было малоллюдно. Жители города не торопились просыпаться. Чарли прошёл мимо

кинотеатра отца, пустого и тихого в такую пору. Сквозь стеклянные двери увидел стойку буфета, за которой работала Мэри Лу. Яркие афиши «Мальтийского сокола», казалось, корили его. Как он жалел теперь, что так увлёкся фильмом в те минуты, когда совсем рядом погибала такой страшной смертью Прю.

Он двинулся дальше, завернул за угол. «Сахарница» тоже была закрыта. Через окно он посмотрел на столик, за которым они сидели с Прю и пили чай со льдом.

«Почему бы нам не сделать что-нибудь ещё для разнообразия? — совершенно явственно услышал он голос Прю. — Может, съездим в Мидвэйл?»

Она не хотела идти в кино. Возможно, предчувствовала? А он уговорил её. Его покорило от этих воспоминаний.

Возле гостиницы тоже всё тихо и спокойно. За окнами пустые столы, которые обслуживала Мэлани Сандерс. Там часто, подавая ему кофе, она отпускала двусмысленные шуточки.

В конце концов Чарли добрался до пляжа. Он оказался недалеко от того места, где напали на Мэлани. Сегодня был штиль, и море выглядело как огромная тарелка серой густой каши. Каково было бы вступить в неё? Сбросить всё и голяком кинуться в обжигающую воду. Чарли казалось, что-то непреодолимо тянет его туда. Он вдруг вспомнил, что жизнь зародилась в море. И что было бы естественнее возвращения туда? Очиститься омовением солёной воды, такой холодной, что она законсервирует тело, обезболит его как новокаин, заморозит и разум, и память, и чувства. Войти в эту исцеляющую воду, чувствовать, как поднимается она до пояса, потом по грудь, до подбородка. Продолжать идти, пока морская гладь не сравняется с глазами, пока ноги не перестанут доставать дна. А потом погружаться всё глубже и глубже, продвигаться упорно в ледяную вечную темноту, оставив на берегу одиночество.

Чарли начал раздеваться. Голым он пошёл к кромке. Когда холодная морская вода коснулась пальцев, он словно пробудился. Посмотрел вниз, увидел босые ступни, погружённые в воду, ощутил свою наготу и, вдруг испугавшись, отступил

назад. Что он делал? Он быстро огляделся, надеясь, что его никто не видел.

Да, вокруг ни души. Дрожа от холода, он оделся и быстро зашагал с пляжа. В туфлях скрипел песок.

Направился к церкви. Он ходил туда по воскресеньям вместе с отцом. Пел в церковном хоре, мечтал во время проповедей преподобного Китона. Но в течение остальных шести дней он о церкви никогда не вспоминал, бывало, только смеялся над тем, как Прю подшучивала над своим дядей.

Как раз сейчас Китон входил в церковь. Что-то толкнуло Чарли последовать за священником. Фрэнк Китон, удивлённый, что в такую рань кто-то кроме него находится здесь, обернулся:

— Доброе утро, Чарли.

— Здравствуйте, Ваше преподобие.

— Могу я чем-нибудь помочь тебе?

Чарли пожал плечами:

— О, нет. Спасибо. Я просто хотел посидеть здесь на скамейке и подумать. Я не буду мешать.

— Конечно, пожалуйста, приходи в любое время.

Чарли сидел и смотрел, как преподобный ходил по рядам, начиная с последнего, и раскладывал листки бумаги. На них были тексты из Евангелия, церковные объявления. Чарли не сиделось на месте. Он перекидывал ногу на ногу.

— Хочешь мне помочь, Чарли? — спросил Китон.

— Что? А? Конечно, Ваше преподобие!

Фрэнк Китон дал ему пачку бумаг.

— Эти ряды я уже обошёл, — сказал он. — Начни, пожалуйста, отсюда.

Сначала они работали молча, потом Чарли сказал:

— Мне очень жаль вашу племянницу и невестку.

— Спасибо, Чарли. Да, это ужасно, особенно для моего брата.

— Догадываюсь, — произнёс Чарли и через секунду добавил:

— Мне нравилась Прю. Очень...

— Да, я так и полагал.

— Я думаю, может быть... — Парень заколебался.

— Что, Чарли?

— Наверное, сейчас было бы неправильно сказать, что я любил её?

Китон посмотрел на него:

— Нет, Чарли. Это не было бы неправильным сказать так. Если это правда.

— Это правда. Считаю, что правда. Но чем доказать это теперь? Никогда не думал об этом, пока она была жива. Я раньше не знал, что люблю её. А теперь слишком поздно. Мне надо было признаться ей, да?

— Не переживай, Чарли. Если ты любил её, то она сама догадывалась обо всём. Женщины такие. О, они хотят, чтобы мы почаще говорили им об этом, так же как они любят, когда им дарят цветы. Но знать всё они знают и без наших слов.

— Очень хочется верить, что Прю догадывалась.

Они в задумчивости переходили от скамейки к скамейке, вкладывая тексты в молитвенники.

— Как вы думаете, — спросил Чарли, — а теперь она знает?

— Может быть, и так, — ответил Китон.

Они закончили дело и теперь стояли вдвоём перед церковью у Распятия.

— Спасибо, Чарли, — поблагодарил Китон, — приятно, когда тебе помогают. У меня одного на это ушло бы в два раза больше времени.

— Ваше преподобие...

— Да?

— Я её ещё увижу?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, когда я умру, я увижу Прю?

— Чарли, как я могу обещать тебе? Я ведь там никогда не был.

— Но кто ещё даст ответ, если не священник вроде вас. Вы же всё знаете о Боге. Вы этому учились. Может быть, Прю ещё жива где-то?

Преподобный Китон взглянул на почти обнажённую фигуру на кресте. Увидел, словно в первый раз, изуродованные

руки и ноги. Увидел муку в глазах... но ответа эти глаза дать не могли.

— Жива? — повторил Чарли свой вопрос. — Что происходит с нами, когда мы умираем?

— Это не дано никому знать, — ответил священник.

...В тот же ранний час, когда Чарли вышел из своего дома, Тим спускался по ветке перечежного дерева вниз. Он надеялся, что никто из соседей доктора не увидит, как он вылез из окна спальни Дженни. Возможно, Тим пользовался таким входом-выходом в последний раз.

— Это удобно, — сказал он Дженни, прощаясь, — слишком удобно. — Если могу забраться я, то же самое, может проделать и насильник. Поговори сегодня с отцом. Попроси его спилить эту ветку. Чем раньше, тем лучше.

— Но я обожаю старое дерево! Всю мою жизнь оно растёт под этим окном. Оно старше меня.

— Если ты хочешь стать ещё старше, сделай так, как я говорю. Просто спилите эту ветку. Она выглядит как приглашение для какого-нибудь психа заглянуть к тебе.

Дженни рассмеялась:

— Свой свояка...

— Уморительно смешно. — Он поцеловал её и исчез.

Теперь быстро удаляясь от дома Дженни, он решал, возвращаться ли ему в гостиницу или заглянуть к тётке. В конце концов она всё же болела.

Агата, завернувшись в халат, сидела в гостиной, в старом деревянном кресле-качалке.

— Как ты себя чувствуешь? — вежливо поинтересовался Тим.

— Чуть получше.

У камина стояло ружьё.

— Это тебе шериф одолжил?

— Да. Вчера вечером, когда они сняли доски с окон. Он настоял, чтобы я его взяла. Но мне нечего бояться.

— На сей раз вынужден согласиться. — Тим не удержался и съязвил: — Насильника интересует дичь явно помоложе.

— Не потому мне нечего бояться, — серьёзно возразила Агата. — Этот насильник — бич города, насланный за плотские грехи.

— Можешь думать как хочешь, — Тиму вовсе не хотелось начинать спор.

— Ты только вспомни о них, — продолжала Агата упорно, — о тех, кто погиб. Мэлани Сандерс. Все знали о её доступности. И племянница его преподобия — она над ним насмеялась в открытую. Одному Богу известно, что они там вытворяли с молодым Прескоттом.

Тим не мог выслушивать тёткину чушь дальше и полез в спор против своей воли.

— Ну хорошо, а что ты можешь сказать о Гвен Моррисей? Она вообще не из нашего города. Ты о ней абсолютно ничего не знаешь, а она погибла первой.

— Что можно сказать хорошего о девушке из колледжа. Всем известны царящие там сегодня нравы.

— А Мэри Лу и её мать?

— Анита Грант всегда вела себя вульгарно. Полуголая разгуливала на теннисных кортах и в бассейнах. Она вызывала у мужчин грязные мысли. За то и понесла кару. Муж погиб — её парализовало. А в конце концов и её, и дочь изнасиловали и убили. Господь Бог мстит. Он суров, но справедлив.

Тим просто обалдел. Его подмывало услышать суждения почтенной тётушки об Элен Китон. Он упомянул это имя, добавив:

— Уважаемая всеми школьная учительница. Преданная жена и мать. И не разгуливала в бикини и шортах. Очень домашняя женщина. Так как же с ней?

Агата фыркнула.

— Без сомнения, она в последние годы стала уважаемой дамой. Но когда она училась в старших классах, давно, ещё до твоего рождения, поговаривали...

— А Лора Кинсайд?

— Насколько я знаю, она достойная женщина. Может, именно поэтому она получила только предупреждение.

— Она получила бы гораздо больше, чем предупреждение, не окажись у неё под рукой револьвера.

— Бесплезно обсуждать с тобой такие вещи, Тимоти. Ты останешься дома?

До этого он ещё колебался. Но теперь Агата помогла ему сделать выбор. Её полные жёлчи и злобы разглагольствования подталкивали его как можно скорее расстаться с ней.

— Я не останусь, — сказал он решительно. — Я зашёл забрать кое-какие вещи и минут через десять уйду.

— Тимоти...

Он остановился и обернулся:

— Что?

— Мой секретер взломан. Ты можешь что-нибудь сказать по этому поводу?

Он вздохнул и признался:

— Это сделал я. Он был заперт, а тебе нездоровилось и мне не хотелось из-за ключа беспокоить тебя. Извини. Я починю замок за свой счёт.

— Но зачем, Тимоти? Что ты сделал с книгой?

— Она моя, не правда ли? Часть моего наследства — ты сама об этом сказала. Это моё дело, как я с ней поступил.

— Не смей разговаривать со мной таким тоном!

— Тётя Агата, через несколько минут я навсегда уйду из твоей жизни. Давай больше не ссориться.

— Ну а нож. Ты его тоже забрал?

— Ты же сказала, что он мой.

— Это злые вещи твоей злой матери!

Янтарные глаза Тима опасно блеснули. Рука скользнула под рубашку, где были спрятаны нож и письмо. Ему очень хотелось её ударить, показать конверт, утереть нос её собственным злым деянием. Именно ей, которая так щедро обвиняла в злых поступках всех вокруг. Но он сдержался. Что связываться с полоумной старухой? Ведь он действительно сейчас навсегда уйдёт отсюда, подальше от неё и её поучений. И всё же его переполняла ненависть, он желал ей смерти. Ведь она убила его мать.

— Не говори больше ни слова, — тихо предупредил он её.

В соседнем округе человек по имени Раймонд Хант получил по телефону печальную весть. Ему сообщили о тяжёлой

болезни тестя. Но мог ли он подумать, что в ближайшие дни придёт известие, которое сразит его.

33

1. Гвен Моррисей — 18 лет. Изнасилована в парке. Обнаружена мёртвой.

2. Мэлини Сандерс — 20 лет. Изнасилована на пляже. Осталась жива, но покончила жизнь самоубийством в больнице.

3. Лора Кинсайд — 28. Отразила нападение в офисе с помощью револьвера. Отделалась незначительными царапинами.

4. Прю Китон — 17 лет. Изнасилована в туалете кинотеатра. Обнаружена мёртвой.

5. Мэри Лу Грант — 16 лет. Изнасилована дома в ванной. Обнаружена мёртвой.

6. Анита Грант (её мать) — 40 лет. Паралитик. Изнасилована в своей кровати. Обнаружена мёртвой.

7. Элен Китон (мать Прю) — 42 года. Изнасилована в общежитии колледжа. Обнаружена мёртвой.

Итак, самой младшей — 16, старшей — 42. Средний возраст — 26. «Ну и что это даёт», — спросил самого себя Хэнк Валден. И признал, что ровным счётом ничего. Никакого ключа к разгадке. Он отодвинул лист бумаги и карандаш, откинулся в вертящемся кресле. Пружины заскрипели. Клем всё забывал их смазать. Иногда Хэнк удивлялся, почему он до сих пор не уволил Клема. Разве только потому, что тот позволяет обыгрывать себя в шашки? Как профессионал заместитель представлял почти нулевую ценность.

Прошло три дня после гибели Элен Китон. Её похоронили возле Прю. Сын Поль был на похоронах, как и большинство жителей Галэна. А Бен всё ещё находился в шоке. Он лежал в больнице, в полусумеречном состоянии, напичканный до предела успокоительными.

Практически погибла целая семья. И Хэнк чувствовал себя беспомощным, бесполезным человеком, лишённым ориентиров, не оправдывающим значка шерифа, зарплаты и самого своего предназначения.

Настроение Джулиана было схожим. После нападения на Элен Китон его мысли зашли в тупик.

Док Дженкинс саркастически спросил его:

— Это дело с превращением, о возможности которого вы говорили, включает ли в себя уменьшение до размеров муравья? Ведь только так и можно было пробраться в общежитие. Потом надо было распухнуть, свершить своё и снова сжаться, чтобы сбежать от наказания.

Против ожидания Джулиан отнёсся к словам Дока серьёзно.

— Хэнк выдвинул похожую идею. Только он говорил об облачке дыма. Но ни в одном из учений нет указаний о возможности именно таких метаморфоз.

— Тогда как же он всё-таки попал внутрь? Каково ваше последнее умозаключение?

— Нет никакого, — признался Джулиан. — Я наткнулся на каменную стену.

— Не вы один.

Отчаяние Джулиана было так велико, что он решил утром опять позвонить Хенрику Стефаньски. Ему придётся многое детально описывать и не хотелось посвящать в эти дела коммутатор гостиницы. Джулиан заскочил в банк и наменял мелочи для разговора по автомату.

На шоссе, на полпути от Галэна до Мидвэйла, прямо на обочине стоял телефон-автомат. Причём это была будка старого образца — капитальная, не то что современные лёгкие навесы. Подъехав, он припарковал машину и, перед тем как набрать номер, суеверно перекрестился, что в обычных обстоятельствах не было ему свойственно. «Дай Бог, чтобы телефон работал!» Несомненным доказательством того, что наша цивилизация катится к пропасти, является огромное количество разломанных и неработающих телефонов-автоматов. Вины в этом и вандалы, и плохое обслуживание.

Его опасения оказались напрасными. Правда, лампочка в будке перегорела, но сам телефон работал. К счастью, в это время дня было достаточно светло. Через несколько секунд он уже набрал номер в Бостоне и вскоре услышал гудки, а затем и женский голос. Он удивился, ибо точно знал — профессор живёт один.

— Боюсь, что я ошибся, — начал Джулиан. — Мне нужен профессор Хенрик Стефаньски.

— Я сиделка профессора, мисс Руден, — ответила женщина. — Могу я узнать, кто звонит?

— Он болен?

— Сердце. Несколько дней назад был приступ. Могу я узнать....

— Меня зовут Джулиан Траск. Но я, пожалуй, не буду его беспокоить сейчас.

— Да, он не подходит к телефону.

— Понимаю. Но вы могли бы передать ему, кто звонил?

— Джулиан Траск?

— Да.

Джулиан ясно расслышал издали голос Стефаньски. Слышал он и мисс Руден, хотя та наверняка прикрывала трубку рукой. Она уговаривала: «Нет, сэр. Вам нельзя этого делать». Опять голос профессора, на этот раз резкий. Потом она обратилась к Джулиану:

— Профессор хочет говорить с вами. Но я прошу вас, не задерживайте его надолго.

— Хорошо. Спасибо.

Через секунду Стефаньски слабо, но внятно произнёс в трубку:

— Джулиан?

— Простите, что беспокою вас больного, сэр.

— Ниц, — Джулиан распознал польское слово, означающее, «ничего», «не страшно». — Боли сильные, — признался Стефаньски. — Они, врачи, подняли большой шум. Я лежу в кровати с книгами, бумагами, работаю. Почему бы мне и не поговорить по телефону? Ну, что там у вас?

Столбик монет убывал быстро, Джулиан описывал все происшествия подробно. Естественно, что кульминацией была

сверхзагадочная смерть Элен Китон. Стефаньски бормотал что-то и по-польски, и по-английски, выражая своё отчаяние и потрясение. Но въедливость учёного брала в нём верх над чисто человеческими эмоциями. Поэтому он несколько раз, прерывая Джулиана, задавал уточняющие вопросы.

Когда Джулиан закончил, Стефаньски стал думать как бы вместе с ним:

— Закрытое общежитие. Двери заперты изнутри. Заколочены окна. Нет, Джулиан, ни в одной из книг я не встречал ситуации, чтобы ИНКУБ обладал возможностью проникать сквозь преграды, превращаясь в облачко дыма или маленькое насекомое. Ответ в чём-то другом. Но в чём?

Джулиан попросил:

— Сэр, поразмышляйте над этим. Если что-то придёт в голову, не считите за труд позвонить мне.

Он дал номер гостиницы.

— Я записываю. Джулиан, конечно, тут же позвоню, если меня, как это говорят, «засенит»?

— Осенит. Но звоните, только если будете себя прилично чувствовать.

— Я абсолютно розовый.

— Вы так говорите? В розовом?

— Моя милая сиделка хмурится и требует, чтобы мы заканчивали разговор.

— До свидания, сэр.

— До свидания, Джулиан. И очень важно, чтобы я сказал даже такому современному атеисту, как вы: «Храни тебя Бог!»

Джулиан вышел из будки, не догадываясь, что скоро в галэнской эпопее откроются новые страницы. И телефонная будка сыграет свою роль.

... Это была женщина лет тридцати пяти с простым волевым лицом, которое сейчас выглядело измождённым от усталости и беспокойства. Она провела много бессонных ночей у постели своего больного отца. Сидя на стуле, иногда на несколько секунд отключалась, засыпала, и тогда голова падала ей на грудь. Теперь состояние отца стабилизировалось, и доктор заверил, что больше нет необходимости в её постоянном

присутствии у постели больного. Отец настоял, чтобы она возвращалась к мужу и детям. Она согласилась. И ей сразу вдруг захотелось их увидеть. И хотя путь предстоял не близкий, она решила выехать прямо сейчас несмотря на поздний час — было далеко за полночь.

Теперь одна на пустынной дороге она начала жалеть, что не дождалась утра. Женщина с трудом ухитрилась не заснуть за рулём. Включила радио, но попала на самый конец интересного объявления. «Через секунду вы услышите продолжение программы „Музыка ночью“. Сейчас двенадцать минут второго. Хозяйка в студии Кен Баксли. Если вы хотите сэкономить деньги, а кто в наше время не хочет этого, тогда надо зайти к дружелюбным людям в...»

Она со вздохом выключила радио. Почему-то ей не везло. Она всегда заставляла конец рекламы. Но оказалось, что это самая маленькая из её проблем. Начал чихать мотор, потом машина задёргалась. Она взглянула на датчики. Бензин был на нуле. Машина замедлила ход и встала. Женщина отругала себя за глупость. Как же можно было не проверить бензин перед дальней дорогой. В результате застряла неизвестно где между Мидвэйлом и Галэном. На шоссе в этот час ни души. До ближайшей телефонной будки, если ей не изменяет память, несколько миль...

А может быть, нет?

Ей показалось, что далеко впереди, куда едва-едва доходили лучи фар, они отразились в стекле. В стекле телефонной будки? Схватив сумку, она вылезла из машины и отправилась к тому, что приняла за телефонную будку. В тишине чётко раздавался стук каблучков по асфальту. А из дальних кустов доносилось пение пересмешника. Его репертуар звучал в полном наборе: трели, тремолы, рулады, каденции, воркованье, щебетанье, стрекотанье, смех, отвратительное кудахтанье...

Ей казалось, что она шла к телефону целую вечность. Будка была дальше, чем показалось вначале. Хотелось верить, что фары не посадят аккумулятор. Хватит и пустого бака!

Наконец она дошла до будки и открыла дверь. Но свет, как было положено, не зажётся автоматически. Лампочка явно

перегорела. Ей придётся крутить диск в темноте. Единственным освещением был слабый свет обломка луны.

Она не заметила, что за ней наблюдали. Открыла сумку и достала несколько монет. Сняв трубку, опустила две монетки по десять центов и одну в пять — каждую в свою щёлку. Падая, монетки издали чеканный металлический звук. Медленно и аккуратно она набрала десять цифр: код города плюс номер телефона. В трубке что-то непривычно щёлкало и жужжало. Терпение её убывало, когда она слышала гудок за гудком на другом конце провода, но ответа не было...

Пересмешник имитировал теперь воркование голубки.

Гудки продолжались. Неожиданно между ней и лунным светом, закрывая собой вход в будку, появилась Тень. Женщина ничего не слышала, но ощутила шорох и обернулась, чтобы узнать, в чём дело. Трубка выпала у неё из рук. Она закричала, хотя не видела, что стояло на пути к выходу. Было слишком темно, и сама Тень закрывала последний слабый луч света. Она чувствовала, что это было что-то большое, сильное, дышащее ровно и глубоко. И оно источало сильный запах секса. Это был смешанный запах и мужской, и женский одновременно, сама квинтэссенция секса в чистом виде без наслоений цивилизации. Этот запах заполнял собой всё.

Она вновь закричала, когда Тень шагнула вперёд и вошла в узкую будку. Опытные, невероятно сильные руки сорвали нижнюю часть её одежды. Разумом она понимала бессмысленность сопротивления и одновременно не могла поверить в реальность размеров прижатого к ней мужского органа. Собрав все силы, она попыталась оттолкнуть чудовище. Но спина её была прижата к стенке будки из толстого прочного стекла и не было никакой возможности ускользнуть от разрывающего плоть вторжения того, что вошло в её тело и продвигалось глубже, глубже. А она кричала и кричала...

Её крики смешивались с воплями экстаза невидимого насильника. И море спермы переливалось в растерзанные глубины её тела. Добившись своего, насильник покинул будку и растворился в придорожной зелени.

Женщина абсолютно неподвижная полулежала на полу будки в луже собственной крови. Трубка извивалась на шнуре.

И уже никто не мог ответить на пародийно звучащий из трубки мужской голос: «Алло! Алло! Кто это? Да вы понимаете, который сейчас час, чёрт побери. Есть там кто?»

Будто передразнивая голос в трубке, пересмешник задавал свой собственный вопрос из трёх нот: вит-вит-вит?

Это были единственные звуки, нарушавшие тишину.

34

— Её звали Кэрри Хант, — сказал Хэнк. Он стоял вместе с Доком Дженкинсом и Джулианом в больничном морге. Тело изнасилованной женщины лежало на столе лицом вверх, к пальцу ноги прикреплён положенный номерок. Хэнк прикрыл ей лицо, натянув повыше простыню.

— Тридцать шесть лет, замужем, двое детей, — продолжал он. — Жила в соседнем округе. В Мидвэйле навещала больного отца. По дороге домой у неё кончился бензин, и она попыталась дозвониться из автомата домой мужу. Это было последнее, что она хотела сделать в жизни.

Хэнк задвинул каталку в холодильник.

— Муж заберёт тело, если ты уже закончил осмотр, Док.

— Да, я готов. Этот случай ничем не отличается от остальных.

— Нет, отличие есть, — возразил Джулиан. — Преступник расширил сферу поисков своих жертв. Это первое нападение за пределами Галэна.

— Не трудно догадаться, почему, — заметил Валден. — Наши женщины теперь все вооружены. Может, пули и не убьют его, но всё же отпугнут. Случай с Лорой Кинсайд тому доказательство. Он, должно быть, боится шума, не хочет привлекать внимания. А может, опасается получить удар в голову или в пах. Я полагаю, что он носит пуленепробиваемый жилет...

И Джулиан, и Док промолчали о возможности сверхъестественного объяснения происшествий, согласно книге «Потерянные искусства».

Хэнк добавил:

— Как бы я хотел, чтобы он убрался из моего округа. Последний случай произошёл не в городе, но всё же это в моей юрисдикции.

Он извиняюще улыбнулся своим спутникам:

— Простите, я, видно, становлюсь глупым...

— Временно оупевшим, — поправил его Док, дружески похлопав по плечу. — Мы все оупели за это время. Жертвы шока. Не можем больше нормально себя чувствовать, живём в ожидании очередных ужасов. Не только ты, Хэнк. Когда ты позвонил мне и сказал об очередной жертве, я, выслушав, чуть было не спросил автоматически, ну что там новенького?

Трое мужчин вышли из морга, и каждый направился своей дорогой. Доктор наверх, прямо в палату к Бену Китону. Там в ногах у отца сидел Поль. Он выразительно посмотрел на Дока и медленно покачал головой. Док быстро глянул на карточку пациента и обратился к Бену:

— Как вы себя чувствуете сегодня?

— Просто прекрасно, Сэм. Вы-то сами как?

Док быстро обменялся взглядом с Полем и ответил:

— Да грех жаловаться.

— Дженни и Марта в порядке?

— Вполне. Спасибо.

— Это хорошо. Вам надо проводить с ними побольше времени, — сказал Бен.

— Я, конечно, пытаюсь. Но был чертовски занят, то тем, то этим.

— И всё равно надо находить время, — искренне посоветовал Бен. — Нет ничего важнее семьи. Я тоже по горло завален работой, но всё же сегодня решил отправиться на пикник. Правда, Поль?

— Правда, папа, — произнёс Поль ненатуральным голосом.

— Только мы вчетвером, — продолжал Бен. — Я, Элен и дети. Моя жена готовит самую вкусную жареную курицу в городе. Я знаю, что Марта тоже хороший кулинар, но когда дело доходит до жареной курицы, тут у Элен конкурентов нет. А Прю обещала сделать картофельный салат. Поль и я примем

тоже посильное участие — мы всё съедим. — И он радостно рассмеялся.

— Прекрасно, — поддержал его Док.

Бен обернулся к сыну:

— Думаю, можно было бы заехать в Хэппитаун. Как думаешь? Прокатимся на роликовых санях?

— Конечно, папа, — ответил Поль.

Хэппитаун был городком аттракционов на окраине Мидвэйла. Его разобрали много лет назад. Теперь на его месте стоял современный торговый центр.

— Я действительно жду пикника с нетерпением, — продолжал Бен.

— Пока отдохните, — посоветовал Док и поманил за собой в коридор Поля.

Выйдя из палаты, тот спросил Дока:

— Как долго это будет продолжаться?

— Хотел бы я знать. Он пережил один за другим два сильнейших потрясения. Нынешнее состояние — это его защита. Но оно может быстро пройти, и тогда наступит глубокая депрессия. Вот тогда за ним действительно придётся следить. С другой стороны...

Поль договорил за него:

— С другой стороны он может остаться таким навсегда.

— Нет, не думаю, это очень маловероятно, — задумчиво отреагировал Док, — такие состояния обычно проходят. Постепенно и он смирится с правдой. Конечно, никому не удавалось после подобного удара по психике вернуться к полному душевному равновесию. Но забвение всё же так или иначе наступает.

Поль не мог успокоиться:

— Что грозит ему остаться навсегда...

— Ты сам будущий медик, — доктор решил быть откровенным, — и мне нет смысла пудрить тебе мозги. Да, может быть и так, что он никогда не выкарабкается из этой ямы. Но я повторяю, всё же больше шансов за то, что рассудок к нему вернётся... если повезёт...

— Повезёт?! Да ему никогда не везёт!

— Всякое бывает. Послушай, Поль. Я назначу ему сейчас сильное снотворное. Через несколько минут он крепко уснёт. На какое-то время ты ему не будешь нужен. Пойди-ка домой и отоспись. Это приказ врача. А потом, либо попозже сегодня, либо завтра договорим. Я попробую доказать тебе, что необходимо вернуться в университет.

— Зачем? — горько усмехнулся Поль. — Чтобы научиться вот так стоять в коридоре с бедными родственниками и успокаивать их: «...это обычно проходит... если пове- зёт...»

Док улыбнулся:

— Твоя правда. Половина работы врача заключается в том, чтобы в совершенстве освоить искусство разгребания дерьма. Но такое умение необходимо практически в любой профессии. Уверяю тебя, если бы у отца не было этого затме- ния, он тоже настаивал бы, чтобы ты вернулся в Нью-Йорк. И мать — будь она жива. Они этого не могут сделать сами, по- тому я и говорю с тобой как бы по их поручению. А теперь пообещай мне, что не будешь сжигать мостов до тех пор, пока не выйдешь из нынешнего настроения.

Поль кивнул головой:

— О'кей.

Он посмотрел на дверь палаты, за которой лежал отец:

— Роликовые сани? Он не вспоминал об этой штуковине последние лет пятнадцать, пожалуй.

Когда Хэнк Валден вернулся из морга в свой офис, Клем сидел в вертящемся кресле шерифа и читал, положив ноги на стол. При появлении шефа он быстро выпрямился.

— Чёрт побери, ты смажешь когда-нибудь эти пружины? — издевательским тоном поинтересовался Хэнк.

— Простите, я всё время собираюсь сделать это, но что- нибудь постоянно отвлекает.

— Тогда приступай прямо сейчас.

— Хорошо, Хэнк, только сначала я хотел бы показать вам...

— Погоди.

— Как прикажете. — Клем встал, положив на стол то, что читал.

Пока он суетился в кладовке, Хэнк глянул на чтиво Клема и быстро пробежал глазами несколько строчек.

— Что за бред? — пробурчал шериф.

Это была рекламная брошюра, изданная на простой грубой бумаге. Название давало понять, что это некий каталог. Подзаголовок расшифровывал, что в брошюре помещены свежие эротические объявления.

— Это как раз то, что я хотел вам показать, — произнёс Клем, стоя на коленях у кресла и смазывая его пружины.

Хэнк начал просматривать страницу за страницей. На каждой рекламировались карты, картинки, фильмы, видеокассеты, представляющие любые варианты плотских утех — мыслимых и немыслимых. Предлагалась возможность досконально изучить и все изобретённые человечеством извращения.

На лице Хэнка возникло отвращение:

— Господи, Клем. Разве для того тебе округ платит зарплату, чтобы ты в служебном кабинете развлекался подобным образом?

— Э, Хэнк! Вы же прекрасно знаете, что эти штучки не для меня, — усмехнулся Клем. И самодовольно добавил: — Ну вот, больше не скрипят, проклятые.

— Давно пора было смазать, — квакнул Хэнк.

От следующего объявления у него в буквальном смысле отпала челюсть. Оно гласило: «Продаётся Ингрид. Скандинавская секс-кукла. Рост — пять футов. Кожа из винила, мягкая и нежная, практически не отличается от настоящей человеческой. У Ингрид имеется всё то, что возбуждает вас в женщине. Она отлично работает ртом. Надо только слегка нажать ей на затылок, и она начинает... Внизу тоже всё в порядке. Можно по принципу надавливания, но она работает и от батарейки. Включите Ингрид, и она вас сама распалит. Это великолепный подарок!»

Хэнк брезгливо бросил журнальчик в корзину для бумаг.

— Куда катится наш мир? — задал он риторический вопрос.

— Не надо выбрасывать, — заметил Клем, вынимая издание из мусорной корзины. — Посмотрите-ка лучше вот сюда.

На этой странице рекламировались искусственные мужские органы любых форм и размеров. Под каждым из них была пропечатана фирменная кличка. «Мистер Великолепный». «Король наслаждения». И, наконец, та, которая собственно и привлекла внимание Клема — «Джек-Потрошитель». Сопровождающий текст гласит: «Этот доконает любую. Так и надо тебе, не гонись за сверхвеличиной. С этой штуковиной вы позабавитесь, как никогда, и можете разодрать девицу, чтобы не выпендривалась». Указывались и размеры — они действительно могли убить любую!

— Понимаете, куда я мечу? — поинтересовался Клем.

— Понимать-то, понимаю. Но Док Дженкинс утверждает, что ни в одном случае это не было чем-то подобным. Ведь я первым делом спросил его о применении хитрого приспособления. Он категорически исключил такую возможность.

Клем выглядел совершенно убитым. Хэнк подсластил пилюлю:

— Хорошо, что ты постоянно думаешь о деле. Но откуда ты взял это дерьмо?

— Нашёл. На аллее, позади «Парадиза». И вот что странно — наклейка, по которой ориентировался почтальон, частично оторвана как раз там, где значился адресат. — Клем, помолчав, добавил: — А вообще-то было бы интересно узнать, кому предназначалось издание, кто тут у нас увлекается подобными делами.

— Это верно, — не мог не согласиться Хэнк.

Он не стал делиться с Клемом другой мыслью, которая только что пришла ему в голову. «А прав ли Док, утверждая, что при совершении всех преступлений не применялось ничего подобного».

После морга Джулиан отправился в редакцию «Сигнала». Ему хотелось повидать Лору.

Тим Галэн и Билл Картер были заняты работой, а Лоры на месте не было.

— Она дома, собирает вещи, — сказал Билл.

— Уезжает из города, — уточнил Тим.

Джулиан поспешил к дому Лоры. Когда она открыла дверь, первым, что бросилось ему в глаза, были упакованные сумки.

— Тим сказал, что ты уезжаешь?

Она пропустила его вопрос мимо ушей:

— Заходи, Джулиан.

Когда Джулиан сел в кресло, Лора объяснила, что пыталась поймать его по телефону, но в гостинице его не оказалось, и подтвердила, что уезжает.

— Я могу, конечно, понять тебя... — начал Джулиан, — но...

— Мы все дуры. — Лора прервала его почти зло. — Сидим здесь и безропотно ждём, пока нас изнасилуют и убьют. Это сумасшествие. Этот город... будь он проклят. Я уже получила предупреждение, больше испытывать судьбу не намерена. Не хочу задерживаться здесь ни на час. Я уезжаю. Всё! Любая женщина, у которой сохранился хоть грамм рассудка, должна сделать то же самое. Я всем им это советую в сегодняшнем номере. Билл как раз набирает его сейчас.

Джулиан, сжав её лицо ладонями, поцеловал в губы и попросил:

— Не печатай этого совета в газете.

— Почему?

— Потому что ты сделаешь всем ещё хуже.

— Что может быть хуже? Джулиан, на чьей ты стороне?

Джулиан отвёл глаза. На него накатила тревога, причины которой он мог постичь только частично. Но он осознал, что тайна становится глубже и его надежда понять логику поведения ИНКУБА улетучивается. Тем не менее уверенность, что это всё деяния именно этого создания, укреплялась.

Повернувшись к Лоре, он попытался убедить её:

— Дорогая, насильник столкнулся с трудностями в Галэне и сразу же сменил адрес, отправился за город. Он неминуемо будет расширять круг своих поисков. Ни одна женщина ни-

где не будет в безопасности, ибо обнаружить его на безразмерном пространстве практически невозможно. Пока он в Галэне, есть шанс схватить его. Но если все женщины покинут город, он последует за ними.

Лора медленно опустилась на диван:

— Может, ты и прав. Будь оно всё проклято!

— Я знаю, что прав, потому-то и рискую просить тебя не уезжать.

— Ладно, некогда мне с тобой вести дебаты, — заявила неожиданно весело Лора, — дай-ка мне побыстрее телефон.

Она позвонила в редакцию.

— Тим? Позови Билла.

Пока тот шёл, Лора начала фразу:

— Ты и твоя научная логика...

Но в это время Билл взял трубку на том конце.

— Билл, сними специальную передовую... Да, именно эту. Поставь вместо неё что-нибудь из моей папки. Скажем, статью о государственном законодательстве. Попозже увидимся. — Лора положила трубку. — Ладно, побег отменяется. Хочется верить, ты знаешь, что советуешь.

— Вдвоём легче, — заявил Джулиан.

Он не стал посвящать Лору в другие детали опасной ситуации. ИНКУБ не любил препятствий — это правда. Но он мог повелевать основными силами природы: огнём, водой, землёй и воздухом. Когда-то это раса была молода, а силы стихии только зарождались. Удобное время, чтобы научиться управлять ими. Если между ИНКУБОМ и предметом его вождения люди воздвигали преграду, он применял своё умение и ломал её. А разве не сотворили препятствие галэнцы, раздав оружие своим жительницам?

35

Когда Джулиан возвратился в гостиницу, Джед вручил ему письмо, сказав, что оно только что доставлено. Обратный адрес указывал: письмо от Стефаньски. Станным было то, что адрес не написан, как обычно, каракулями самого профессора, а напечатан. Джулиан вскрыл конверт и начал читать ещё на лестнице.

Дорогой мой Джулиан!

Ты сразу же догадаешься, что этот чёткий почерк принадлежит мисс Руден, которая по доброте душевной приводит в порядок мои бумаги. Она не в силах устоять против моего обаяния, привезённого из Европы, а также красивого профиля! Почему мне раньше не пришла мысль диктовать? Я с комфортом устроился на подушках в кровати, книги разложены рядом, и я со скоростью одна миля в час говорю в маленький микрофон, припиленный к вороту пижамы. Мои слова записываются на плёнку, и потом мисс Руден слушает запись с помощью наушников, похожих на подслушивающее устройство, и печатает. Таким образом, пока я ещё жив, надеюсь закончить одну важную работу.

Не хочу тебя пугать, сейчас я в полном порядке, но вообще-то нельзя не признать, что я старая развалина. И поэтому, когда меня навестит мой старый друг Ангел Смерти, я должен быть готов — всё, что я хотел изложить на бумаге, должно быть написано. Я много думал о том, что ты мне рассказал. Я осмысливал это со всех сторон. И пришёл к тому же выводу, что и ты. „Автором“ всего того, о чём ты говорил по телефону, может быть только тот, кого назовём в этом письме по первой букве — „И“. Всё указывает на это и подтверждает наш предыдущий опыт. Конечно, такие люди, как твой друг медик, могут считать всё невероятным, но не ты и я. Мы-то видели и не такое! При этом все уверяли, что этого просто не может быть. Не так ли?

И поэтому я повторяю тебе ещё раз, мой дорогой друг, ты ведь мне как сын, БУДЬ ОЧЕНЬ ОСТОРОЖЕН! Видишь, я даже попросил мисс Руден напечатать своё опасение большими буквами.

Ты противостоишь силе, с которой никто из ныне живущих пока не имел дела. Я могу рассказать тебе разные легенды, которые слышал в долинах, где за сотни лет не меняется ничего, легенды об этой таинственной силе. Поэтому ещё раз большими буквами: ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬ ОСТОРОЖЕН!

Меня ещё не осенило, как „И“ попал в общежитие. Это озадачивает. Но я тебе позвоню, если громы и молнии просвежат мою голову.

Да хранит тебя Бог!

Хэнрик

Подпись знакома, но накарябана она явно дрожащей рукой. Это означало одно — Стефаньски сильно болен.

Джо Прескотт, лёжа на спине, разглядывал на потолке включённую люстру. В какой-то момент она начала расплываться перед глазами. У него вырвались звуки, похожие на вопль дикаря. Это были какие-то разрозненные слова: «О, Господи, Господе Иисусе!»

Он перевёл дыхание и ласково погладил крашенные волосы Белинды Феллоуз.

— Ты для меня слишком хороша, Линда! — прошептал он. Она поцеловала рыжие волосы у него на груди, но не произнесла ни слова.

— Ты знаешь, — стал он размышлять вслух, зажигая сигарету, — я никогда не понимал, что женщина от этого получает. Всё удовольствие, похоже, достаётся мужчине. Не знаю, зачем ты, например, это делаешь?

— Но тебе же нравится, Джо?

— Да, я это просто обожаю.

— Ну вот ты и объяснил всё сам. Я люблю всё то, что любишь ты. Моё наслаждение в том, что я приношу наслаждение тебе. Что же здесь непонятного?

— И потом, я, старый мужик, тебе совсем не пара, в моём-то возрасте.

— Ничего, — перебила она. — У нас всегда есть завтра. К утру ты накопишь энергии.

Он с восхищением посмотрел на её крепкое тело. Она была похожа на возбуждающих воображение дам, изображённых на старинных полотнах, когда-то висевших в «Парадизе». Самсон и Далила, Ева и Змей, другие библейские сюжеты. У тех женщин всё было так похоже на прелести Белинды. Широ-

кие бёдра, округлые животы, глубокие пупки, груди, как восточные дыни... Можно было бы сравнивать её и с античными статуями. Но Белинда меньше всего походила на холодный мрамор — она была тёплая, мягкая и ароматная. Конечно, она далеко ушла от того времени, когда девушек ласково называют «мой цыплёнок». Но и он не был юным петушком. Да, она красила волосы. Но ему это даже нравилось. Его не смущало, что блондинка Белинда, какой её знали другие, мягко говоря, в постели не везде была блондинкой. И вообще она была чертовски хорошей женщиной!

— Когда ты разрешишь мне жениться на тебе?

— Ты опять за своё? — не чувствовалось, чтобы она особо сердилась.

— Ну что ты имеешь против женитьбы?

— Я уже была замужем два раза...

— Но ты сама мне сказала, что я не такой, как они. Нолан был бабником, а Феллоуз — пьяницей. Ни один из них не хотел и не мог работать. У меня хорошее место, есть деньги в банке, я не пью. В этом году люди избрали меня мэром. Что касается отношений с женщинами... признаюсь, после смерти жены пару раз ездил развлечься в Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Честно говоря, это бывало и при ней. Она меня категорически не удовлетворяла. Она была замечательным человеком. Но по-женски ей было очень далеко до тебя. Клянусь, что за все годы, что мы с тобой вместе, у меня никого не было. Да и быть не могло. Ты мне веришь?

Она нежно погладила его по животу:

— Верю. Если бы кто-то был, я бы это почувствовала.

— Так почему же ты не хочешь выйти за меня?

— Не знаю, — призналась Белинда, — наверное, просто не вижу смысла. Чарли мать уже не нужна. Он практически взрослый. Ну а мы с тобой и так неплохо проживаем. Ты же не скажешь, что хочешь ещё детей? Мы оба для этого уже староваты.

Джо загасил сигарету в пепельнице, которую Белинда предусмотрительно ставила всегда на пол рядом с кроватью. Она сама не курила, но пепельницу держала специально для него.

— О нас ведь знает весь город, — продолжал Джо.

— Было бы удивительно обратное.

— Тебя что, не трогают сплетни?

— А тебя?

— Мне не всё равно.

— А как к этому относится Чарли?

— Думаю, что двусмысленность ему вряд ли по душе.

Джо упорствовал:

— Я хочу совершить очень правильный поступок...

Она засмеялась:

— Очень правильный поступок ты совершаешь всякий раз, когда приходишь ко мне в постель.

— Чёрт! Это совсем не то, что я имел в виду!

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Джо. Ты хочешь сделать меня порядочной женщиной. Но я и так считаю себя порядочной. И не нуждаюсь, чтобы меня в этом звании утвердил священник. Я не шлюха. Я беру у тебя деньги, но я за них вкалываю в кассе, а не в койке. Работают же у тебя по найму и другие.

— Но, Линда, я же люблю тебя!

— О! Ну это всё меняет, — съехидничала она. — Почему же ты мне не сказал об этом раньше?

— Ты ещё надо мною издеваешься, — обиделся он.

— Немного не повредит, — пошла Линда на мировую. — Я ценю твоё предложение, Джо. Честное слово. И я тебя люблю, ты знаешь это. Но что касается свадебных колокольчиков... — Она засмеялась. — О, Боже мой...

Белинда осеклась.

— Что такое, — встревожился Джо.

— Ты, прикидывающийся старым козлом, посмотри на это... Ты опять готовенький...

Она привлекла его к себе. Страсть их была явно не по годам, но они не думали об этом. И ещё — они, занятые собой, не могли видеть, как два блестящих глаза наблюдали за их любовным поединком.

Чарли Прескотт продавал билеты в кассе «Парадиза». Он это делал, когда Белинда была выходная. Так получалось довольно часто. Несколько лет назад он ещё удивлялся, почему его отца никогда не бывает в кинотеатре в выходные дни кассирши. Потом он подрос и понял причину совпадений. Ему нравилось, что отец нашёл себе подругу. Хотя по простоте душевной он сомневался, что такие древние ископаемые, как Джо и Белинда, были способны на что-то, оказавшись вместе.

К кассе подошли Дженни и Тим.

— Как идёт бизнес? — поинтересовался Тим.

— Э, так себе, — отмахнулся Чарли.

— Люди не идут из-за того, что произошло с Прю? — предположила Дженни.

— Не знаю. Но в женский туалет не спускается никто, это уж как пить дать.

Снова заговорил Тим:

— Чарли, как у твоего отца хватает нахальства брать деньги за такое старьё?

— «Мальтийский сокол» хоть и старый, но классный фильм.

— Верно, неплохой, но его всё время крутят по телику...

— Крутить-то крутят, но весь разрезанный рекламой. А здесь его можно увидеть таким, каким создали авторы.

— Сдаюсь, — засмеялся Тим и выложил деньги за билеты. Держась за руки, Дженни и Тим вошли в кинотеатр.

Белинда Феллоуз жила в маленьком домике, окружённом высоким кустарником. Кустарник этот был предметом её гордости. Она сама регулярно подстригала его, щёлкая ножницами и напевая.

— Почему ты не даёшь этого сделать мне? — не раз спрашивал её Джо.

А она объясняла, что это хорошее упражнение для мышц груди:

— Ты же не хочешь, Джо, чтобы у меня отвисла грудь?

Но сейчас кустарник стал врагом. Он служил укрытием для того, кто, скрываясь, следил за тем, что происходило в доме Белинды. Занавеска на окне не доставала до низа всего

пару сантиметров, но именно через эту щель таинственный наблюдатель мог видеть все действия любовников. Джо нравилось, когда в спальне была включена маленькая лампа с мягким светом. Это позволяло ему любоваться рубенсовскими формами Белинды. А сейчас их видел и подсматривавший из кустов.

Когда любовники слились воедино, член неизвестного в кустах стал расти и набухать. Он гладил его, помогая превратиться органу из гибкой змеи в увесистую дубину.

Джо, желания которого были удовлетворены стараниями Белинды, мог посвятить теперь все остающиеся силы женщине. Наблюдатель в кустах дрожал от возбуждения.

Джо было лестно слышать стоны Белинды. Он гордился своей силой и возможностью вернуть ей полученное прежде, чувствовал, что доставляет ей удовольствие.

Вскрик Белинды привёл неизвестного к пику, он больше не мог сдерживаться, и возбуждённый орган задёргался в конвульсиях оргазма.

Это совпало и с реакцией самого Джо. Струя его жизненной энергии фонтаном излилась в недра Белинды.

Изо рта прятавшегося в кустах стекала густая слюна.

— Хочешь сигарету, — предложила Белинда приходящему в себя рядом с ней Джо.

— Это убьёт меня когда-нибудь, — хрипло сказал он.

— Курение?

— Какое курение? — хмыкнул Джо, — а то ты не понимаешь, что я имею в виду?

Через какое-то время он собрался и пошёл в кинотеатр сменить Чарли. Белинда, сладостно обессиленная, не стала подниматься. Абсолютно нагая она лежала на кровати в истоме.

Букет её ароматов привёл таившегося в кустах в подлинный экстаз. Не в силах бороться с взрывом нового вожделения, он протиснулся к окну и стал трясти раму.

Белинда немедленно повернулась на шум и увидела нечто пытающееся пролезть через окно. Она среагировала со скоростью, удивительной для такой полной женщины. Скатилась на пол, кровать оказалась между ней и нападавшим. В то

же мгновение женщина дотянулась до охотничьего ружья, выданного магазином Оскара Гаррета.

— Стой, буду стрелять! — раздался её предостерегающий крик.

Из-за хлопающей на сквозняке занавески была видна нижняя часть тела. Белинду поразило размер того, что открылось её взору, но это не помешало ей прижать приклад к плечу и ещё раз предупредить нападавшего о решимости выстрелить.

Он не остановился, и тогда женщина нажала на спусковой крючок. В крохотной спальне выстрел прозвучал, как взрыв тонны динамита. Её сильно ударило в плечо. Пуля выбила остатки стекла, и нападавший вылетел через оконный проём с криком звериной ярости.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, наступила реакция. Белинду трясло, её крупные формы содрогались. Отбросив ружьё, она рванулась к телефону, набрала коммутатор и рыдающим голосом потребовала, чтобы её соединили с шерифом.

36

Потерпев поражение в доме Белинды, насильник вовсе не собирался сдаваться. Он стремился к новой добыче.

Тем временем шериф примчался к дому Феллоуз. Когда он, постучав, вошёл внутрь, Белинда была уже одета и большими глотками пила бурбон... Она показала на разбитое окно и рассказала, что произошло.

— Вы целились слишком высоко, — констатировал шериф, разглядывая отверстие от пули, оставшееся в занавеске. — Скорее всего в него вы не попали.

— Чепуха. Слава Богу, что он смылся.

— Как правильно, что мы раздали всем женщинам оружие.

— Хотите выпить, Хэнк?

— Нет, спасибо. Но себе вы, пожалуй, налейте ещё. Вам это сейчас пойдёт на пользу.

— Наверняка, — согласилась она.

— Белинда, вы уверены, что не видели его лица? Может, хоть мельком?

Она отхлебнула большой глоток и покачала головой:

— Я же вам сказала, что мне помешала занавеска. Но зато я разглядела, что у него внизу. И если мне когда-нибудь ещё раз доведётся увидеть такую шишку, то не ошибусь. Но надеюсь, что больше это не повторится.

— А подробнее вы не могли бы рассказать?

— Видите ли, это вообще не тема для беседы приличной дамы с мужчиной.

— Вполне разделяю ваше смущение, но это очень важно для следствия. Вы единственная женщина, которая видела хоть что-то и осталась жива. Никто кроме вас ничего рассказать мне не может. Лора Кинсайд не разглядела его лица в темноте кабинета. Мэлани Сандерс была в шоке и только кричала, а потом... Вы же знаете. А другие...

Белинда кивнула и выпила ещё.

— Слушайте, Хэнк, у меня есть идея. Поговорите с Мартой Дженкинс. Когда мы были взаперти, она приводила нас в ужас разными подробностями об этом маньяке. Их рассказы вал ей доктор. О размерах тоже. Тогда мне это показалось сверхглупой фантазией. Я не поверила ни одному слову. А теперь можете передать Марте, что я верю всему, что она говорила. Скажите ей, что всё это правда. И пусть она перескажет вам то, что говорила нам тогда вечером в общежитии.

В тот самый момент, когда Белинда упоминала о Марте, жизнь той находилась в опасности. Субъект, который пытался влезть в окно Белинды, теперь намеревался, используя ветки перечного дерева, забраться в дом Дженкинсов. Инстинкт осторожности был подавлен неудовлетворённым желанием. Сначала он влез в комнату Дженни. Большую ветку, несмотря на предостережение Тима, так и не спилили, окно спальни прищелец легко разбил, почему-то совершенно не опасаясь шума. Увидев, что комната пуста — Дженни была с Тимом в кино, он решил переместиться через коридор к спальне родителей. Распахнул дверь. Никого. Было ещё не поздно, и Док наносил визиты своим пациентам.

Неожиданно голова незваного гостя вздёрнулась, ноздри раздулись. Он учуял аромат, который действовал на него опьяняюще. Запах женщины! Как намагниченная стрелка компаса, тень развернулась и заскользила бесшумно по ковровым дорожкам со второго этажа вниз в гостиную.

Ведомый запахом, пришелец направился к комнате. Ноздри раздулись пуще прежнего, огромный орган наслаждения продолжал расти. За дверью была женщина!

Марта из предосторожности заперла дверь. Рядом с креслом стояло помповое ружьё, хотя она не была уверена, что сумеет в случае необходимости управиться с ним. Марта ненавидела оружие. Она с увлечением смотрела телевизор. Кулинарные советы сыпались щедро. Как готовить, например, суфле.

Дверь затрещала. Марта обернулась и увидела, как кто-то с той стороны крутит ручку, пытаясь её выломать. Она выключила телевизор и встала.

— Сэм? — спросила на всякий случай.

Ответа не было, если не считать скрипа терзаемой двери.

— Дженни?

С той стороны кто-то с воплем бросился на неподатливую дверь. Марта поняла, кто это может быть. Она взяла на изготовку ружьё.

— Убирайся вон! — потребовала женщина решительно.

Дверь продолжала трещать. Было видно, что центральная панель вот-вот лопнет.

Сама мысль о том, что ей придётся стрелять во что-то живое, была для Марты непереносимой. Она направила ружьё на металлическую корзину для бумаг и нажала на спусковой крючок. Атака на дверь прекратилась, и Марта услышала быстро удаляющиеся шаги — преступник убежал.

Марта потянулась к телефону.

Ещё одна сорвавшаяся попытка привела насильника в ярость. Внутри у него клокотала лава неудовлетворённых страстей. Он метался по Галэну, пробирался невидимый по аллеям парка, где надо передвигаться на корточках. Он выиски-

вал след Женщины! Вожделение! Именно этот инстинкт подавлял все остальные. Еда, питьё, отдых — всё отступало на второй план. Его не волновали и телесные повреждения, если только они не могли помешать выполнению основной задачи. Внутри него хранился запас драгоценного семени, назначение которого — не дать погибнуть роду. Недопустимо, чтобы это семя исчезло из мира. Он знал это. Более того, это было единственное, что он точно знал!

Знание это было закодировано в его плоти, костях, крови, оно не требовало толкования, руководило им, направляло его действия.

В примитивном мозгу этого создания, как вспышки молнии на тёмном небе, мелькали отдельные сцены, не объединявшиеся в цельную картину: запахи, звуки, вкусовые ощущения. Его манила податливость женской кожи, его слепил и притягивал блеск промежности, оглушал треск, с которым она разрывалась, чтобы принять его детородный орган. Он помнил влажность влагалища, охватывающего его плоть, его возбуждали воспоминания о бурлящей симфонии неистового совокупления. Всё вместе это сливалось в один умопомрачительный букет — аромат Женщины!

Теперь он ощутил этот аромат у дома Гарретов. Передвигаясь ползком на животе вдоль фундамента дома, он наткнулся на окно в подвале. Тотчас же разбил его рукой, не обращая внимание на осколки, протиснул в раму своё мускулистое тело и спрыгнул на бетонный пол. Поднявшись в рост, стал осторожно пробираться к двери, ведущей вверх в жилые помещения.

Раздался металлический щелчок, и острая боль пронзила его колено. Безжалостные челюсти медвежьего капкана стальными зубами впились глубоко, до кости, в ногу. Оскар принёс из магазина несколько ловушек и расставил в разных местах дома. Пришелец резко и хрипло дышал, сдерживая крик. Попытался сбросить капкан, трясая ногой, но ничего не вышло. Встав на одно колено, стал руками разводить стальные челюсти. Пружина была очень мощной, но руки оказались сильнее. Через несколько секунд нога была свободной.

Он швырнул с яростью капкан в угол, наделав много шума.

— Эй! Кто там внизу? — крикнул Оскар через запертую дверь.

Услышав мужской голос, призрак ретировался к разбитому окну, вылез наружу и, хромя, побежал прочь от дома Гарретов.

Возле гостиницы запах достиг невероятной концентрации. Раненое колено горело и дёргалось. Но эта боль уступала внутреннему огню. В низ живота как будто был всажен нож.

Когда на луну набежала тень от облака, серая фигура воспользовалась затемнением и приникла к ближайшему окну гостиницы. Да, источник запаха был здесь — ресторан полон гостей. Официантка с криком уронила поднос, заметив за стеклом жуткое лицо. Нечеловеческое желание прочла в его глазах поражённая женщина, хотя видение длилось всего несколько мгновений.

Наверху распахнулось окно, и Руфь Парди с отчаянным криком выстрелила. Резкий звук ружья заставил существо быстро заковылять в тень.

— За ним, Джед! — скомандовала Руфь. Но когда хозяин добежал до выхода, сжимая рукоятку пистолета, за дверью уже никого не было.

Внутри убежавшего буйствовала ярость!

Джулиан быстро сбежал вниз, чтобы узнать, что происходит. Джед коротко изложил ему суть. Официантка, несмотря на все просьбы рассказать об увиденном лице подробнее, только дрожала и повторяла: «Его глаза!»

«Его глаза как открытая топка», — вспомнилась Джулиану строка из «Илиады». Он допытывался у официантки, не показалось ли ей лицо знакомым.

— Я никогда раньше не видела подобных глаз, — ответила девушка, — а само лицо исчезло слишком быстро. Я ничего не успела запомнить.

Вернувшись в номер, Джулиан стал перечитывать письмо Стефаньски. Он был так поглощён чтением, что не заметил, что его кровать стала почему-то тихо колебаться и

вздрагивать. Резко зазвонил телефон, Джулиан вздрогнул и бросился к аппарату.

— Алло!

— Мистер Траск? Это мисс...

Шелест перешёл в гул, трещали доски, с потолка посыпалась извёстка. Пол заходил ходуном, и Джулиан упал. Он увидел, как прямо над ним на потолке появилась трещина. Она расширялась, куски штукатурки сыпались как снег. С громовым ударом большой кусок потолка упал прямо на кровать. Дерево, кирпич и штукатурка расплющили матрац, пружины и каркас были сломаны и придавлены к полу.

Колебания прекратились внезапно. Так же внезапно наступила тишина. Её нарушали только гудки, раздававшиеся в телефонной трубке, которую Джулиан сжимал в руке. Положив трубку, Джулиан направился к Джеду. Он встретил его на лестнице.

— Вы в порядке, мистер Траск? — встревоженно спросил Джек.

— Вроде да, — ответил тот, стряхивая с головы и плечей штукатурку. — Кто-нибудь пострадал?

— Нет, просто перепугались. У нас часто бывают такие маленькие землетрясения. На кухне разбилась пара тарелок.

— В моей комнате повреждений гораздо больше. Идите посмотрите, — пригласил Джулиан.

Когда Джек увидел кусок потолка, который полностью накрыл и раздавил кровать Джулиана, он присвистнул от удивления.

— Да, в этой кровати уже никто не поспит! Если бы вы там лежали, то уже были бы... не с нами, — заметил Джек.

— Я и лежал на ней, но как раз перед тем, как потолок рухнул, зазвонил телефон, и я подошёл к нему.

— Можно сказать, этот звонок спас вас. Вы счастливчик! На всё, как говорится, воля Божья. Мне очень прискорбно, что это произошло в нашем отеле. — Джек опять удивлённо покачал головой. — Странно, но больше нигде нет разрушений. Сейчас мы переведём вас в другой номер.

— Спасибо. Я соберу вещи.

Когда Джед удалился, Джулиан задумался над его словами, касательно «воли Божьей». Так ли это? А может, это были как раз «злые и безбожные силы», о которых говорил Стефаньски? Его разгромленная комната единственная в гостинице. Простое совпадение? Огонь, вода, воздух, земля...

Тим Галэн столкнулся в своём доме со странным поведением огня. Теперь это странное сотрясение земли. Оно ниспослано как орудие наказания его, Джулиана? «Может быть, я становлюсь параноиком?» — спросил он сам себя.

Огонь. Потом Земля. Какая стихия будет следующей? Кто станет мишенью, где это произойдёт?

37

Следующей мишенью может стать Тим. Может, уже сейчас он лежит мёртвый под грудой обломков, — эта мысль вытолкнула Джулиана из комнаты.

Через несколько секунд он распахнул незапертую дверь Тима. Номер был пуст. На обратном пути к себе Джулиан столкнулся с Тимом. Тот возвращался с прогулки. Джулиан бросился к нему:

— Ты чувствовал это?

— Что «это»? — не понял Тим.

— Ну, это, как его называет Джед, землетрясение?

— Да, мы с Дженни что-то почувствовали, когда я провозжал её домой. Но мы подумали, что это самолёт прошёл звуковой барьер.

Джулиан пояснил:

— Почему-то удар был сконцентрирован на гостинице. Точнее на моей комнате. Пойдём, увидишь сам.

Джулиан привёл Тима в свой номер, показал ему кровать, погребённую под грудой обломков.

— Помнишь, я говорил тебе о том, что кое-кто может повелевать стихией?

— Да.

— Так вот, я абсолютно уверен, что это как раз тот случай. Кто-то управляет процессом, взбалтывает, размешивает и взбивает пену ярости против нас. Это существо взбесилось от

отчаяния. Мы поставили преграду на его пути, не даём исполнять предназначённую миссию. А это самая главная задача его жизни — так оно полагает. И вот удар за ударом.

Тим отпрянул от Джулиана. В голосе этого человека, в его глазах горела убеждённость в своей правоте.

— Ты, — сказал Джулиан, — ты сегодня, как говоришь, ничего особенного не почувствовал. Так, «что-то такое». Ну, а это, — он указал на раздавленную кровать, — это тоже по-твоему «что-то такое»?

— Нет.

— Меня сегодня чуть не убила гигантская конвульсия земли. А ты почти ничего не почувствовал. Как это может быть?

Тим всё не отваживался взглянуть Джулиану в глаза:

— Я не знаю...

— Что делает тебя неуязвимым? Что тебя защищает? Или это ты сам всё устраиваешь?

— Я? Нет! — Тим почти закричал.

Джулиан схватил Тима за плечи и придвинул к себе, он впился в него взглядом.

— Языческие глаза. Пана! Сатир, бог Эроса! Великий Пан умер, плакали поклонявшиеся ему. Но они ошибались, слишком рано стали оплакивать своего Бога. Бог Эроса, Бог Зари, ИНКУБ — он жив, здоров, процветает в Галэне. Насилует, убивает, пользуется помощью своих друзей — тёмных сил природы, которые он насылает на нас...

Джулиан отпустил Тима и прислонился к стене. Он постепенно успокаивался.

— Прости, я смертельно напуган — всё дело в этом.

— Ничего, — произнёс Тим, — мы все напуганы.

Зазвонил телефон.

— Мистер Траск?

— Да.

— Это мисс Руден. Нас разъединили.

— Да, мисс Руден. Я слушаю.

Тим, дружески помахав рукой, вышел из комнаты.

— Боюсь выговорить, у меня печальное известие...

Джулиан застонал — печальным известием могло быть только одно.

— Он умер?

— Да, сэр. Меньше часа назад. Я подумала, что должна вам это сообщить. — Горе ножом врезалось в сердце Джулиана. — Профессор и вы были очень близки...

— Он был мне как отец.

— И он думал о вас в последний момент. Он произносил ваше имя и шептал, что должен вам что-то сказать.

— Что именно, вы не запомнили?

— Он в последние минуты говорил не очень связно. Голос у него ослаб. Но он всё время повторял одно и то же имя...

— Вы хотите назвать моё имя?

— Да, и ваше тоже. Но было ещё одно... по-моему, Билл Уайер. Вы знаете кого-либо с таким именем. Билл Уайер?

Джулиан стал рыться в памяти.

— Уайер? Что-то не припоминаю...

— Конечно, я могла неправильно расслышать. И потом, профессор говорил с довольно сильным акцентом. Может, это было больше похоже на Уар. А такое имя вам что-то напоминает?

— Нет. И оно мне ничего не напоминает. Что он ещё просил передать, пожалуйста, вспомните.

— Нет, сэр, больше ничего. Ему так трудно было говорить, мне практически пришлось приложить ухо к его губам. Он несколько раз произнёс ваше имя. Потом попросил, пожалуйста, передайте Джулиану — Билл Уайр, Билл Уайр. По крайней мере я так услышала. Он повторил несколько раз, как будто это было очень важно. А потом отошёл в мир иной.

Повесив трубку, Джулиан с тупым выражением лица спустился в бар. За короткое время он пережил два потрясения — едва избежал смерти сам и потерял дорогого друга и коллегу. Ему надо было выпить.

— Мне водки. Чистой.

Это был любимый напиток Стефаньски. Иногда он позволял себе пропустить рюмочку.

«Русские говорят, что водку изобрели они, — не раз заявлял Стефаньски, но они врут. Водку изобрели в Полонии».

При этом он не произносил по-современному «Польша», а говорил так, как в средние века, — «Полония».

Когда перед Джулианом поставили порцию водки в бокале, он, как учил Стефаньски, осушил его одним глотком.

— Ещё, — потребовал он. Сидя в баре, Джулиан перебирал в памяти всех, чьё имя было Билл. Затем он стал вспоминать всех Биллов, кого лично не знал, но слышал о них как о специалистах в той сфере науки, которой занимался он и Стефаньски. Но ни у одного из них не было фамилии Уайер. Джулиан почему-то вспомнил, как в первый раз встретил Стефаньски. Он обратил внимание на гриву белоснежных волос — точно, как у льва. А за очками прятались старые, умные, живые глаза. Раньше он знал старика по его работам, потом рискнул написать и договориться о встрече в Бостоне. И вот они встретились.

— Вы слишком молоды, — так приветствовал его Стефаньски.

Джулиан опешил — ему было уже порядком за тридцать, и сам себя он считал человеком средних лет.

— Молодые все материалисты. Поэтому все революционеры молоды. Одни считают, что могут разрешить все мировые проблемы, наполнив желудки людей едой и переведя деньги с одного банковского счёта на другой. Другие надеются на секс, как будто в нём заключается волшебная формула счастья. Как правило, люди верят только в то, что могут увидеть сами и потрогать. Попробуйте обсудить с ними что-либо выходящее за пределы чувственных ощущений, что выше или ниже Природы, — они станут смеяться над вами.

Джулиан ответил высоким от волнения голосом:

— Я думаю, что ситуация меняется. Сегодня молодёжь уже не та. Она смотрит дальше пределов материального мира, пытается осмыслить понятия духовные, абстрактные.

Стефаньски тут же нашёлся:

— В таком случае ответьте мне на вопрос, что такое привидения?

— Не знаю, — признался Джулиан.

— Отлично. Я тоже не знаю, — последовал за ним Стефаньски.

Они рассмеялись, и Джулиану стало легче на душе. Но Стефаньски не уgomонился:

— Но вы в них хоть верите?

Джулиан задумался, прежде чем ответить.

— Я не отрицаю возможности их существования, — сказал он осторожно.

И с этого момента они быстро подружились. Джулиан вдруг подумал: «А может быть, Билли Уайер совсем не имя? Билл и это слово в английском языке имеет много значений. Клюв птицы, вексель кредитора, счёт, казначейский билет, плакат, афиша, меню, обвинительный акт, заявление о разводе, билль о правах. Биллем называли когда-то и особую разновидность меча с широким клинком. Этим словом обозначают также мыс. Глагольная форма может означать „приласкать“. Этот путь никуда не вёл...»

Джулиан выпил вторую порцию. Что же такое Билл Уайер? Не зря, умирая, при последнем вздохе, Стефаньски так отчаянно хотел донести эту информацию до Джулиана. Он заказал ещё водки.

... Вечер был влажным. Когда Дженни вернулась со свидания с Тимом, она была как из парной — мокрая, горячая. Быстро скинув одежду, она достала из бельевого шкафа махровое полотенце и отправилась в ванную, примыкавшую прямо к её спальне. Положив полотенце на металлическую табуретку, Дженни залезла в душ и закрыла толстую стеклянную дверь кабины. Она включила воду и стала регулировать температуру, прибавляя то горячую, то холодную. Наконец струя стала приятно тёплой. Девушка стояла, наслаждаясь бодрящими струями, а потом решила намылиться. Пена получилась пышная. Смыв её, Дженни стала заворачивать краны. Закрыла до упора, но вода продолжала литься как ни в чём не бывало. Девушка лихорадочно крутила винтами. Напор продолжал усиливаться. Струйка стала превращаться в целые потоки. Дженни посмотрела на кафельный пол душа. Слив как будто не работал. Вода не уходила и вскоре достигла лодыжек. Завинчивать краны было явно бессмысленно. Что-то звякнуло над головой. Оказалось, это под напором слетела сетка душа и

упала со звоном на пол ванной. Вода, уже не сдерживаемая сеткой, была со страшной силой. Недовольно вздохнув, Дженни сдалась, решила выйти из кабинки. Это ей не удалось. Дженни яростно толкала дверку, но та не поддавалась.

Девушка поняла, что попала в ловушку.

— Помогите! Эй, кто-нибудь помогите! — закричала она. Но тут же поняла, что и кричать бесполезно. От остальной части дома её отделяли три двери. Дверь душа, дверь ванны и дверь её спальни. Все они были плотно закрыты. К тому же вода сильно шумела. Она снова сделала попытку выйти из кабины, но опять тщетно. Дженни в отчаянии стала бить кулаками по толстому стеклу и звать на помощь.

Вода уже дошла до колен. Дженни закрыла рукой трубу душа, откуда летел безжалостный поток. На секунду ей показалось, что это помогло. Но вскоре вода пробилась сквозь пальцы. Она убрала руку, и сильная струя отбросила её к противоположной стенке кабины. Вода плескалась у паха. Вот уже поднялась выше талии. Она не сразу поняла, что поток стал гораздо теплее. Когда уровень достиг сосков, сомнений у неё не осталось. Вода не просто прибывала, с каждой секундой она становилась горячей. Горячее и выше, горячее и выше, горячее и выше...

Практически кипяток уже обжигал плечи, и Дженни осознала, что ей суждено свариться заживо. Точно как тем ведьмам, о которых ей рассказывал Тим. В смертельном страхе она закричала громче. Никто не услышал её. Вода продолжала прибывать.

38

...пей, пей сколько хочешь...

Тим резко пробудился от привычного сна и сел в кровати. Сердце его колотилось, тело покрылось испариной. Тим глотал воздух, как будто тонул. Что-то в его сне было не так. Но что? Он потёр глаза и постарался вспомнить. Что-то ускользало от него, и надо было поймать, пока оно не ушло окончательно. Сон раньше всегда был одним и тем же, как старый фильм, который крутят постоянно. Каждый кадр, каждый звук,

каждое лицо — всё точно такое же, как и в прежние ночи. Никогда сон не менялся даже в мельчайших деталях. Так было всегда. Но не сегодня. Сегодня что-то изменилось.

Он опять закрыл глаза и пытался определить, что стало другим. Темница была той же. Те же трое мужчин. Те же вопросы, те же крики и те же смердящие факелы на стенах. Дыба. Чаша с водой. Девушка глотающая и захлёбывающаяся... пей, пей...

До него дошло! Девушка была другой. Сегодня это не была огненно-рыжая колдунья. Сегодня в его сне была Дженни.

...пей, пей... Это Дженни захлёбывалась водой.

В испуге, проклиная себя, что, видимо, поступает глупо, Тим включил свет и потянулся к телефону.

Док внимательно изучал повреждённую взломщиком дверь, когда зазвонил телефон.

— Доктор Дженкинс! — довольно резко сказал Док.

Тим без церемоний спросил:

— Дженни дома?

— Конечно, где же ей быть в это время. Может быть, уже спит...

— Проверьте, пожалуйста, всё ли у неё в порядке. Я хотел бы в этом убедиться.

— Ты же сам проводил её до двери, Тим!

— Пожалуйста, побыстрее, прямо сейчас.

Беспокойство в голосе Тима передалось Доку.

— Хорошо, — сказал он. — Подожди. — Док поднялся в большую спальню, где Марта готовилась ко сну.

— Где Дженни? Мы же решили, что сегодня она спит у нас из-за разбитого окна в её спальне... ну и вообще.

— Не суетись, Сэм. Она просто принимает душ у себя в ванне.

— Тим звонит. Ему надо срочно переговорить с ней.

— Она уже, наверное, помылась, постучись к ней, — посоветовала Марта. Док подошёл к двери, постучал:

— Дженни!

Не получив ответа, он решил, что Дженни ещё в душе. Док приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Из ванной доносился звук льющейся воды. Док уже закрывал дверь, когда ему показалось, что он услышал приглушённый потоками воды голос, звавший на помощь.

Он бросился к ванной, рванул дверь. Наружу вырвались клубы пара, он стал кашлять и почти ослеп. Сквозь прозрачную стенку кабины виднелся розовый силуэт Дженни. Она звала на помощь, вода дошла уже до подбородка. Док потянул дверь душа, та ни с места. Не тратя ни секунды, он схватил металлический табурет и ударил по стенке кабины. Толстое стекло тут же разлетелось. Поток выплеснулся на него, сбил с ног, освобождая из своих смертельных объятий его перепуганную дочь.

Тим не стал ждать ответа доктора, поняв, что происходит что-то неладное. Но когда он появился, Марта уже успела перекрыть воду внизу. Док и Дженни были завернуты в тёплые халаты, а на мокрых полах лежали, впитывая влагу, толстые полотенца.

Дженни трясло от испуга, она слегка порезалась осколками стекла, но не обожглась. К счастью, в горячей воде она находилась недолго.

— Я всё ещё не могу понять, что произошло, — обратилась девушка к родителям дрожащим голосом.

Док кивнул головой:

— Я тоже. Похоже, испортились сразу и краны, и слив. И одновременно заклинило дверцу.

Тим уточнил:

— Всё это произошло одновременно?

И доктор, и Тим пришли к выводу, что такое совпадение было крайне странным. Взятые по отдельности поломки были обычным делом домашнего масштаба. Но всё вместе стало опасным стечением обстоятельств.

А Тим думал про себя: «Ну вот и третий элемент. Огонь у меня в доме. Землетрясение, повредившее потолок, в номере мистера Траска. А теперь вода у Дженни».

— Никогда в жизни больше не встану под душ, — тем временем заявила Дженни.

Марта согласилась:

— Выходит, ванна безопасней.

Никто из них не вспомнил в тревоге, что Мэри Лу погибла именно в ванной.

Было уже довольно поздно, и Док предложил отложить все заботы на утро.

— Дженни, ты иди в нашу спальню, будешь сегодня спать с мамой. А я завалюсь внизу на диване.

Тим только теперь заметил, что окно в спальне Дженни разбито. Спросил, что произошло. Док мрачным голосом рассказал, что вечером, незадолго до поломки душа, дом кто-то посетил, что Марте пришлось стрелять. И признал, что Тим был прав, когда настаивал спилить ветку.

— Завтра займись этим с утра, — заверил Док.

— Удивительная штука жизнь, — устало вымолвила Дженни.

Все в недоумении оглянулись на неё. Она продолжила:

— Я хочу сказать, что Прю пошла в кино и её там убили. А я пошла в кино, и это спасло мне жизнь.

— Хорошенькое спасение! Потом ты чуть не захлебнулась и не сварилась в кипятке в собственном душе, — в сердцах сказал Док.

— Но она жива, Сэм, и это главное, — заключила Марта. Доктор Дженкинс согласился и спросил Тима, как тот так быстро добрался к ним от гостиницы.

— Я всю дорогу бежал, — признался Тим.

— Пойдём, я отвезу тебя обратно, — предложил доктор.

В следующую минуту Дженни буквально потрясла родителей. Она быстро подошла к Тиму, прижалась к нему и попросила:

— Пожалуйста, не уходи! Обними меня крепче!

Тим оглянулся на Марту и Сэма:

— Может, я тоже прилягу внизу?

Док и Марта готовы были согласиться, но их опередила Дженни:

— Я не об этом. Я хочу, чтобы ты спал рядом со мной.

Такая откровенность в присутствии родителей явно смутила Тима. Он ответил обтекаемо:

— Я буду рядом, солнышко, под твоей крышей.

— Нет, нет! Не оставляй меня одну сегодня, — взмолилась Дженни.

После короткой внутренней борьбы Марта Дженкинс решила на важное заявление:

— Тим, ради Бога, забирай её с собой в гостиницу!

— Марта! — закричал Док в изумлении.

— Что Марта. Они любят друг друга, Сэм, и хотят быть вместе. В гостинице они не сделают ничего такого, что не проделывали уже не раз в нашем доме. И если ты не догадываешься об этом, то ты глупее, чем я думала.

Док не сдавался:

— Но она же совсем ребёнок!

— А ну-ка вспомни, сколько лет было мне, когда ты в первый раз предложил мне поиграть «в доктора»? Я была моложе!

— Как ты можешь всё это говорить при детях, Марта? — доктор был искренне поражён.

— Во-первых, они уже не дети. А во-вторых, — это правда!

— Но мы хоть знали, что поженимся, — не хотел отступать доктор.

— И они тоже знают!

Марта повернулась к парочке:

— И не вздумайте меня обмануть — вам придётся отвечать передо мной.

Тим посмотрел на Дженни, прильнувшую к нему. Он поцеловал её в лоб и подтвердил:

— Я с двенадцати лет знал, что женюсь на Дженни.

— Сэм, что бы ни происходило вокруг, они имеют право на своё счастье.

Док понял скрытый смысл слов жены. Но ему было трудно смириться с мыслью, что кто-то сейчас заберёт от него его маленькую дочурку. В конце концов он сдался:

— Если вас не волнует, что сплетники обломают языки от такой новости, то мне-то что? — И добавил строгим тоном:

— Но всё равно пешком в гостиницу в такое время, когда где-то рядом шляется этот насильник, вы не пойдёте. Вот!

Он вручил Тиму ключи:

— Возьми машину. Только обязательно верни её завтра утром.

Тим был тронут:

— Спасибо, доктор Дженкинс.

Док наградил его кривой ухмылкой:

— Можешь попробовать называть меня «папа».

Джулиан пил водку в баре гостиницы до самого закрытия.

Казалось, она его совершенно не брала... «Билл Уайер, Билл Уайер», — время от времени бормотал он в надежде на возникновение каких-то ассоциаций.

Когда попытался подняться, чтобы идти в свой номер, то понял, что свою выносливость на выпивку он сильно переоценил. Сохранять равновесие, поднимаясь по ступеням лестницы, для него стало задачей непростой. Но он преодолевал ступеньку за ступенькой и бормотал: «Билл Уайер, Уайер, Уайер».

Джулиан пробовал на слух и другие сочетания «Вилл Уайер, Билли Уайер, Вильгельм фон Уайер». Забава становилась глупой. «А что, если произносить не Уайер, а Вар?» Он вспомнил, что об этом говорила мисс Руден. Произнёс по-другому, но ничего не щёлкнуло внутри, вызывая поток ассоциаций. Он продолжал бормотать: «Уайер, Вар, Билли Вар...» И вдруг замкнуло: «БИЛЛ ВАР, ну конечно же...»

Оставшееся до номера расстояние он пробежал за несколько секунд.

Тим и Дженни ехали с опущенным тентом машины — было влажно и жарко, а так хоть обдавало ветерком. Она держала его за руку.

— Давай поедем через парк, — предложил он, — сэкономим пару километров. — И он повернул на дорогу, идущую через заповедник.

— Какая жуткая погода, просто дышать нечем. Тебе не кажется, Тим, что будет гроза?

Явно думая о чём-то другом, он рассеянно сказал, что гроза вполне может разразиться. Дженни, не догадываясь, о чём он думает, обиженно поинтересовалась, где витают его мысли.

— Вы, женщины... — начал он. Но она тут же перебила:

— Что мы, женщины?

— А ничего. Очень ловко вы женщины, ты и твоя мать, заставили меня пообещать жениться на тебе!

— Что?!

— Спокойно. Я не хочу сказать, что вы заранее всё спланировали... Просто сработал извечный женский инстинкт. Сначала ты откровенно заявляешь, что хочешь провести со мной ночь — заявляешь прямо перед родителями. Это был твой первый шаг. Затем твоя мать разрешает тебя забрать и даже уламывает отца. Это твой второй шаг. А вскоре они оба нас уже благословляют. Чётко, очень чётко.

— Ты можешь отвалить в любой момент, — Дженни была обижена не на шутку.

— Ну да, и предстать потом перед твоей матушкой, вооружённой помповым ружьём, из которого она привыкла палить по разным насильникам?

Он не мог остановиться в своём ёрничанье:

— Расскажи-ка мне, как проходят эти свадьбы под дулом пистолета?

Дженни вся напряглась и отодвинулась от него.

— Перестань, я же шучу, — он понял, что зашёл слишком далеко.

— Откуда ты узнал о насильнике и ружье, — голос Дженни не предвещал ничего хорошего.

Тим затормозил:

— Что узнал?

— Тим, скажи мне откуда?

Он выключил зажигание. Машина остановилась примерно на середине парка. Они чувствовали движение воздуха, но это не приносило облегчения. Воздух даже здесь был влажным и горячим.

— Хорошо, я скажу тебе. Только сначала признайся, что ты маленькая дурочка. Ты что же не помнишь, что всего несколько минут назад твой отец, в твоей спальне рассказал в твоём присутствии о том, что к вам кто-то лез и мать спугнула его выстрелом.

Она закрыла лицо руками:

— Прости меня. Я так напугана, что начинаю подозревать всех, даже тебя.

Он взял руки, протянутые к нему, и поцеловал:

— Разрешаю повторить тебе этот вопрос лет через сорок—пятьдесят!

Что-то за его спиной привлекло её внимание. Он оглянулся, чтобы ответить на вопрос Дженни:

— Что это?

Ветер начал собирать листья в некое подобие маленького смерча.

— Тим, посмотри!

Листьев становилось всё больше. Воронка смерча, засасывая новые листья и песок, шипя и посвистывая, приближалась к машине.

— Пожалуй, ты была права. Быть грозе. Пока она не началась, надо постараться попасть в гостиницу.

Свист маленького торнадо усиливался по мере приближения к автомобилю. Тим повернул ключ зажигания. Мотор астматически всхлипнул, но не завёлся. Безуспешной была и вторая попытка.

Они распахнули двери и выскочили из машины.

— Бежим под деревья, — крикнул Тим. — Сюда, скорее!

Схватив Дженни за руку, Тим потащил её в глубь рощи. Дженни оглянулась на бегу. Столб был уже высотой во много метров.

— О, боже! — закричала девушка. — Он гонится за нами!

39

Когда Джулиан расшифровал тайну предсмертных слов Стефаньски, его охватило смешанное чувство гордости за че-

ловеческий ум и страха перед таинственными силами, управлять которыми ещё не научился никто. Причин для страха теперь было ещё больше. Версии старика расширили круг подозреваемых, хотя и дали верный ключ к раскрытию тайны.

Один, в своём новом номере, Джулиан, уже протрезвевший, начал сплетать в логическую цепочку происшествия, начиная со смерти Гвен Моррисей и кончая гибелью Кэрри Хант. Он пока не знал о попытках напасть на Белинду Феллоуз, Марту Дженкинс и Мону Гаррет. И это выпало из его построений. Чем дальше он строил свой аналитический мост, тем страшнее становилось ему. В конце концов его охватил леденящий ужас. Джулиан сорвал трубку телефона и набрал домашний номер Лоры Кинсайд. Никто не отвечал. Он перезвонил в «Сигнал» — результат был тот же. Джулиан выбежал из комнаты. Одна мысль сверлила его мозг: «Пока не поздно, надо найти Лору!»

Тим и Дженни бежали под деревьями. На них сыпались листья и сломанные ветки. Смерч преследовал их, продираясь сквозь деревья. Свист стал больше похож на крик.

Теперь Тим уже не сомневался в гипотезах и выводах мистера Траска. Возникший из ничего смерч гнался за ними, как дикий зверь, от этого можно было сойти с ума, хотя Тим знал, что происходит. Четвёртое проявление сил природы направлено против него. Кто мстит ему и чем он вызвал эту ярость?

Тим и Дженни бежали, взявшись за руки, падали, поднимались и вновь убегали от хватавшего их за пятки смерча. Дженни начала задыхаться.

— Я... не могу... больше... — с трудом произнесла она.

— Надо! Соберись с силами! — Тим грубо тащил её всё глубже и глубже в заросли. Спасение могло быть только там.

Дженни покидали силы, сердце пронзила боль, как будто там застряла стрела. Она опустилась на землю:

— Подожди... послушай...

Он прислушался. Неожиданно стало тихо. Ветер прекратился, как будто его и не было. Тим в изнеможении присел рядом с Дженни. Они долго не могли вымолвить ни одного слова. Наконец их дыхание выровнялось.

— Я думал, что мы уже покойники, — неуклюже пошутил Тим.

Дженни шутливого тона не приняла и тревожно спросила:

— Так что же это было?

Он не счёл нужным посвящать её в тайну. Это ещё больше взволновало бы её хрупкую душу.

— Странный ветер, вот и всё. Наверное, то, что называют «пыльный дьявол».

— Но он преследовал именно нас, — упорствовала Дженни.

— Тебе это показалось, — пытался успокоить девушку Тим, сам не веря в то, что говорил ей.

— Тим, но я же отлично видела, что ему были нужны только мы и...

— Тсс, — зашипел он, прикрывая ей рукой рот. — Тихо, здесь кто-то есть!

Из-за деревьев показалась тёмная фигура. Дженни закричала. Тим насторожился. Тот шёл прямо, как положено человеку. Более подробно разглядеть его было трудно. Лунный свет не проникал сквозь толщу деревьев.

— Эй! Кто там! — окликнул Тим.

Кто-то приближался шаг за шагом.

— Убирайся, — грозно произнёс Тим, и почти одновременно закричала от ужаса Дженни.

К ней неотвратимо тянулась сильная рука.

— Беги, Дженни! Беги быстрее! — доносился отчаянный голос Тима.

Но было уже поздно.

С проворством футбольного защитника преследователь налетел на девушку, словно она была мячом. Схватил её за талию и швырнул на землю. Дженни изворачивалась, сопротивляясь. Но силы были явно неравны. Его стальные руки сорвали остатки платья. Нагая, лицом вниз она лежала на ковре из опавших листьев. Руки были прижаты к земле руками напавшего. И в этом странном положении он пытался овладеть ею.

— Тим! Помоги мне... помоги мне... — пронзительно закричала она, ощутив, как твёрдая плоть ищет желанную цель.

Тим набросился на него, вцепился сзади в плечи, пытаясь оторвать от Дженни.

— Прекрати! Оставь её, — неистово вопил Тим.

Под его руками напряглись стальные мышцы, но тем не менее отчаянные попытки юноши были небезуспешными. Насильник отвлёкся от главного, чтобы освободиться от назойливой помехи.

Одной рукой схватив Тима за горло, он приподнял его, секунду подержал в воздухе и брезгливо отшвырнул, примерно так, как человек бросает за хвост полудохлую крысу. Тим упал в нескольких метрах и не шевелился: была сломана шея.

Дженни вскочила и опять побежала, абсолютно голая, дрожащая, прямо в темноту. Через несколько секунд преследователь почти настиг жертву.

Из гостиницы Джулиан поехал к дому Лоры. Он звонил, стучал и громко звал:

— Лора! Лора! Ты здесь?

Джулиан сломал замок и распахнул дверь. Включив свет, он быстро обежал маленький домик, заглядывая в каждую комнату. Не найдя Лоры, схватил телефон и позвонил Хэнку Валдену.

— Нет времени объяснять, но мы должны во что бы то ни стало отыскать Лору Кинсайд. Дома её нет. Я звоню отсюда. Сейчас лечу в редакцию. Ищите её где угодно, Хэнк, но найдите, умоляю!

Дженни остановилась, потеряв ориентир во времени. Сколько секунд или минут прошло, она не знала. Сердце бешено колотилось, обнажённая грудь вздымалась и опадала. Она напрягла слух — шагов не было слышно. Где же тот, кто гнался за ней? Неужели ей удалось оторваться от него?

Девушке стало тревожно за Тима. Что с ним? Отдышавшись, Дженни отпрыгнула от дерева, на которое опиралась. Кажалось, силы полностью покинули её. Попыталась шагнуть. Ноги как свинцовые. Но идти надо. Она шла и шла, никак не могла выбраться за черту леса. Дженни охватил страх, она поняла, что ходит кругами. Это подтвердилось, когда она наткнулась на лежащего без движения человека. Это был Тим!

Опустившись рядом на колени, Дженни позвала его по имени. Он не отвечал и вообще не проявлял признаков жизни. Дженни была дочерью врача и знала, где у человека на шее можно прощупать пульс. Он еле пробивался. Тим был жив, но почти смертельно искалечен.

— Тим, Тим... — нежно повторяла Дженни, но он молчал. Забыв об опасности, грозящей неизвестно откуда, Дженни закричала во весь голос:

— Помогите! Помогите кто-нибудь!

Она ощутила возвращение насильника, прежде чем увидела или услышала его. Вокруг разлилась стихия похоти. Объяснить словами это ощущение было невозможно. Дженни подняла глаза и увидела, что над ней висит монументальный мужской орган, принадлежащий тому, кто гнался за ней и кто смертельно ранил Тима. Это орудие насилия было размером в вытянутую руку.

Непонятное чувство охватило Дженни. Стоя на коленях со сложенными молитвенно руками, она как бы присутствовала на каком-то странном богослужении. В эту минуту она стала служительницей некоего культа, при этом Создатель рождался у неё на глазах и она почтительно склонилась перед Символом Жизни, став смиренной и благоговеющей перед его неудержимой силой.

«Это сон, — прошептала она про себя, — кошмарный сон. Ничего подобного в реальности не происходило и не происходит. Скоро я проснусь в своей постели, в родительском доме, и страх уйдёт. Ужас, убивший других женщин, тоже минует, потому что всё это происходит во сне».

Но протянувшаяся к её волосам рука вернула Дженни к действительности. Стоявший над ней резко дёрнул назад её голову. Защищаясь, она инстинктивно вытянула вперёд руки и

схватила за то, что торчало перед её лицом. Это было мерзкое ощущение — жаркий с прожилками камень! Дженни затошнило.

Он бросил её на спину. Перешагнув через бездыханного Тима, насильник стал прилаживаться, готовясь навалиться на Дженни.

Она отчаянно отбивалась, дралась, извивалась и кричала. Руками отталкивая ещё больше разбухший орган, Дженни изо всех сил сжала колени, но нападавший легко развёл их. Она взмолилась:

— Тим! Помоги мне... помоги мне...

Надежда покинула её, когда Дженни поняла, что началось то, что убило уже многих женщин. Огромная скользкая луковица, венчавшая член, не уступала по величине грейпфруту. Дженни закрыла глаза и закричала на сей раз от боли и ярости, когда огромная шишка начала раздвигать нежные лепестки её тела.

Внезапно нападавший отпрянул. Она всё ещё была прижата к земле тяжестью его тела, но атака была прервана. Дженни открыла глаза. Она увидела Тима. Тот стоял с неестественно сдвинутой в сторону головой, но удерживался на ногах. Раз за разом он методично всаживал в спину насильника маленький изогнутый нож.

Звероподобный поднялся и пошёл в сторону Тима. Дженни заметила потоки крови, льющиеся по спине насильника. Сильный удар пришёлся по голове Тима. Но тот снова устоял на ногах. Вновь блеснул нож. На сей раз он вошёл в живот нападавшего. Разъярённое существо снова сильно пнуло Тима, голова которого дёрнулась, и сломанная шея уже не смогла её удержать. Тим взвыл от боли, но опять устоял. Теперь в атаку пошёл он. Нож вошёл глубоко в грудь преступника. Тот отступил. Нож остался в его теле. Секунду он стоял недвижимо, как статуя. Потом упал лицом вперёд, и нож от тяжести тела прошёл прямо в сердце.

Тут бездыханно упал и Тим. А Дженни, измотанная душевными и физическими пытками, погрузилась в спасительное беспамятство.

Когда Джулиан нашёл в зарослях этот трагический пятчок, его глазам открылась странная картина. Без сознания, но живая и невредимая на спине лежала нагая девушка. Рядом с ней в неестественной позе юноша. Шея его была переломлена, тело ещё не остыло, но он был мёртв. А чуть поодаль, лицом в листья, громоздилась чья-то туша. Джулиан ногой перевернул её. Наконец он увидел тот легендарный орган, который натворил столько бед. Теперь этот инструмент уже обвис, но тем не менее даже сейчас производил ужасное впечатление. Джулиан видел сплетение мышц, с помощью которых этот детородный орган приобретал при жизни нечеловеческую силу. А с рукоятки ножа ещё стекала тёмная густая кровь, и торчала эта рукоятка между двух округлых и мягких женских грудей!

Наконец Джулиан набрался смелости посмотреть на лицо ИНКУБА. Из самых глубин его вырвался жуткий вопль. И было в нём отчаяние, превосходившее возраст цивилизации: так кричать умели только дикари! Сейчас Джулиан и был таким первобытным человеком, не отягощённым грузом науки или религии. В душе у него была пустыня, в ней не было места его безнадежной, потерянной навсегда любви. Случилось то, чего Джулиан боялся больше всего. Луна светила теперь прямо в лицо ИНКУБА, лицо, перекошенное яростью и болью. Лунный свет отражался и в незакрытых глазах. Глаза эти были нечеловеческими, похожими на глаза ящерицы. И тем не менее всё вместе это составляло такое знакомое ему, Джулиану, лицо. Лицо Лоры Кинсайд!

40

Утро было прекрасным. Но Джулиану было не до прелестей природы. Он уже упаковал свой большой чемодан и засунул его в багажник машины. В чемодане находились оба экземпляра таинственной книги — его и Тима. Пусть принадлежащий погибшему парню том был не полным, но даже в таком виде не стоило оставлять его в посторонних руках. Теоретически книга Тима должна перейти к его единственной родственнице Агате. Но Джулиан не чувствовал угрызений совести от того, что не вернул наследнице её законную собственность.

Он торопился покинуть Галэн. Но обещал позавтракать с доктором Дженкинсом. Док задерживался. Подошёл Джек и сообщил, что доктор звонил, просил извинить его. Он опаздывает из-за внеочередного вызова. Будет с минуты на минуту.

— Ещё кофе, — предложил Джек.

— Да, спасибо. Пожалуй!

— Сейчас подошлю официантку.

Джулиан был подавлен. События последних недель, ужасная правда о Лоре и, наконец, её гибель, глубоко потрясли его. Да ещё смерть обожаемого учителя и коллеги Стефаньски!

Джулиан бичевал себя за то, что не смог сделать ничего полезного для Галэна. В душе он считал, что больше навредил городу. Дженни спасли отец и Тим, который отдал за любимую собственную жизнь.

Джулиан чувствовал себя виновным в смерти Элен Китон, помешательстве её мужа. Если бы не его, Джулиана, предложение собрать всех женщин города в общежитии, возможно, Элен избежала бы своей участи. На сей раз Джулиана бесила его обычная позиция стороннего наблюдателя, летописца, беспристрастного учёного, книжного червя. Он выдвинул всего одну практически осуществимую идею, и та привела к гибели хорошего человека. Джулиан продолжал самобичевание. Он прочёл массу книг, накопил столько знаний, и всё же любая уборщица на практике приносила больше пользы, чем он! Да, именно он, Джулиан, вычислил, что в Галэне действует ИНКУБ. Ну и что это дало? «Ничего!» — убеждал он самого себя.

В ту страшную ночь, когда он обнаружил в парке мёртвые тела Лоры и Тима (кстати, с того времени прошла лишь неделя, а ему казалось, что целый год), Хэнк Валден шёл за ним следом. И там же на месте они порешили, что во всём городе только ещё один человек будет знать правду — Док Дженкинс. Хэнк попросил его найти, обратившись по служебной связи к своему помощнику. Через несколько минут доктор ждал их на опушке рощи.

Прежде всего он удостоверился, что с Дженни всё в порядке. Джулиан прикрыл девушку своим пиджаком. Затем Док повернулся к телу Лоры. Когда он увидел её лицо, то с него моментально слетела обычная маска циника.

— Боже мой! Этого не может быть. Это неправда! В это я не могу поверить! — закричал Док.

Повернувшись к Джулиану, он поглядел на него, как бы прося подаяния. Глаза Дока умоляли: «Ну скажите же, что я введён в заблуждение. Ведь это всё невозможно!»

Времени на длинные объяснения не было, да и Док вряд ли был сейчас в состоянии что-нибудь понять. «Нет, нет!» — продолжал время от времени восклицать доктор, как будто это могло испепелить распостёртое тело Лоры.

В считанные минуты вся жизненная философия Дока рассыпалась в труху. Его вера в науку, в рационализм, в логику и незыблемую реальность материального мира были поколеблены. Теперь он оказался обнажённым и беспомощным перед хаотичной и сумасшедшей вселенской Злобой! Далеко не юный врач, повидавший на своём веку самые страшные вещи — пожирающий человеческую плоть рак, тела, расчленённые различными катастрофами, и другие ужасы, — шатаясь, пошёл за дерево. Там его выворотило. Затем трясущийся, бледный Док, от которого вдобавок скверно пахло, присоединился к Джулиану и шерифу.

Втроём мужчины придумали для города легенду, в которой была и доля правды. Неизвестный напал на Лору в парке и убил её. Он пытался изнасиловать и Дженни, но Тим ножом нанёс преступнику серьёзные раны — ведь на земле была кровь, не принадлежавшая ни Тиму, ни Дженни. Тим был зверски убит насильником. Дженни, придя в сознание, не могла вспомнить лица нападавшего.

Док с помощью пластической операции изменил останки Лоры, и это тело было похоронено возле могилы родителей Кинсайд на Галэнском кладбище. Тима положили рядом с его матерью в семейном склепе Галэнов.

Доктор Дженкинс как официальное лицо, представляющее интересы прокуратуры, заявил, что, исходя из количества крови, потерянной преступником, он вскоре умрёт, куда бы ни скрылся.

Все мужчины Галэна были в наличии, что подтверждало версию Дока о том, что насильник в городе не жил.

Док наконец прибыл и присоединился к Джулиану. Поблагодарив его за долготерпение, он сделал невероятно большой заказ официантке. У той даже округлились глаза от удивления.

— Надо поддержать силы, — как бы извиняясь перед всеми, пробормотал Док.

— А что вам, мистер Траск? — девушка была готова записать и второй заказ.

— Мне хватит кофе, — тихо сказал Джулиан.

Дока, как обычно, потянуло пофилософствовать:

— Вы знаете, я спас и продлил немало жизней, как это и должен делать лекарь. Но признаюсь, что никогда не испытывал благоговения перед тем, что называется жизнью. Я никогда не преклонялся перед утверждениями, что каждая жизнь священна и её надо сохранять любой ценой. «Святость жизни», — говорят они, имея в виду жизнь человека и животного, птиц, жуков и пауков — всё это штучки в духе Альберта Швейцера. Я всегда думал, что такие бредни лишь для богомольных старушек. Сама Природа или, если желаете, Бог, не испытывает никакого благоговения перед жизнью человеческой или какой-нибудь другой. Чума, голод и наводнения уничтожают больше мужчин, женщин и детей, чем все вместе взятые войны и преступники. А какова цена жизни в мире насекомых, в подводном мире? А как человечество расходует свой репродуктивный фонд? Женщины спускают в туалет столь необходимые яйцеклетки. Миллионы и миллионы мужских сперматозоидов гибнут в угоду одному-единственному оргазму. О, нет! Природа не учит нас благоговеть перед жизнью. Наоборот — урок заключается в том, что жизнь не стоит ничего.

Доку подали кофе, и он отвлёкся. Хлебнув из чашки, продолжал:

— После всего, что стряслось у нас в городе, я пересмотрел многое. Все эти ужасные смерти. Погибли молодые, у кого вся жизнь была впереди. Безвременно ушли такие милые люди, как Элен Китон и Анита Грант. Убиты! Или, как часто говорят по телевидению, «загублены». Это хорошее слово «загублены». Сейчас я не в состоянии созерцать ещё хоть одну смерть. Хотя в будущем из-за моей профессии мне не удастся

избежать этого. Утром на стене ванной я увидел паука, одного из тех жёлтых, что водятся здесь. Раньше я, бывало, давил их без жалости. Но этим утром я оставил его в живых. Видно, к старости слабеет воля...

Официантка принесла огромный заказ Дока, и он принялся за еду.

— Траск, вы не правы. На одном кофе вы долго не протянете. А ведь впереди длинная дорога. Съешьте что-нибудь.

— Спасибо. — Джулиан взял кусочек хрустящего тоста и стал медленно жевать.

— Да, — сказал он задумчиво, — смертей было много. Вместе с Тимом и Лорой — девять.

— Десять, — уточнил доктор, расправляясь с жареной картошкой. — Умерла Агата Галэн. Обширный инфаркт. Вот почему я опоздал на завтрак. Последняя из Галэнов. По крайней мере в этом городе. Может, в других штатах ещё несколько найдётся. Думаю, что насильник косвенно виновен и в этой смерти. Гибель Тима была для неё слишком тяжёлым ударом... Хотите гренки?

— Нет, спасибо, — отказался Джулиан. — Как Дженни?

— Как? Она любила этого парня. Но думаю, что поправится. Все люди со временем приходят в себя. По крайней мере, я уверяю в этом сына Бена Китона.

— Была и ещё одна смерть — одиннадцатая, — продолжил тему Джулиан. — Умер прекрасный старик, он мне был как второй отец. Он сильно переволновался из-за всех этих дел. Я звонил ему, консультировался. Перед самой смертью он дал мне ключ к решению загадки.

И Джулиан рассказал Доку всё о Стефаньски и его предсмертных словах.

— Так кем же оказался этот Билл Уайер или Вар? — доктор был заинтересован.

— Я долго бился над этим, пока до меня не дошло, что Стефаньски имел в виду Биллуарта.

Док пожал плечами и отправил в рот кусок сосиски:

— Никогда о нём не слышал.

— Не совсем так. Я однажды зачитывал вам цитату из его трактата. Её мне продиктовал Стефаньски по телефону. Шарль

Рене Биллуарт. Смешно, но описанная им ситуация развивалась у нас на глазах. Вот что он предполагал: «Один и тот же злой дух может быть как СУКУБОМ для мужчин, так и ИНКУБОМ для женщин».

Джулиан отложил блокнот в сторону и отщипнул ещё кусочек тоста.

— Когда я наконец понял, что Стефаньски имел в виду Биллуарта, схватил эти записки и начал читать. И тогда список подозреваемых вырос вдвое. В него надо было включить и всё женское население Галэна. Так что моя прекрасная идея с общежитием была роковой. Мы сами заперли насильника вместе с женщинами. Я начал перебирать мысленно всех жительниц города, исключая Лору. Конечно, потому что она чуть было не стала очередной жертвой преступника. Но затем пришлось задать себе вопрос, обоснованно ли я снял с Лоры подозрение? Она была соседкой Элен Китон по общежитию, у неё не было алиби на то время, когда погибли две других женщины. Мы ведь поверили ей на слово, что на неё кто-то напал.

Док кивнул. Он вытащил из кармана какое-то устройство.

— Хэнк показал мне это вчера вечером. Нашёл в ящике стола Лоры в редакции. Это простой инструмент с ручкой и короткими металлическими когтями.

— Какое-то садовое приспособление?

— Верно, — подтвердил Док, — это культиватор. На зубах Хэнк обнаружил следы крови и человеческой кожи. Лора сама себя поранила, когда имитировала нападение. Но это даёт повод для законного вопроса — знала ли она правду о себе? В конце концов имитировать нападение на себя — это акт спланированный и осознанный...

— А может быть, — продолжил мысль Джулиан, — это был единственный момент, когда оба её начала — человеческое и нечеловеческое — переплелись? Возможно, интеллект и инстинкт самосохранения сработали параллельно? Потом она и сама могла не помнить об обмане. Мне кажется, что личность преступника была для неё такой же загадкой, как и для остальных. По крайней мере, мне хочется в это верить.

— Мне тоже, — согласился Док.

Он отодвинул пустую тарелку и налил ещё кофе.

— Как бы там ни было, но мне её будет не хватать. В ней было что-то...

— Аура, — заметил Джулиан. — Она была воплощением сексуальности. Я почувствовал это много лет назад, когда она была моей студенткой. Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы не дотронуться до неё.

— Согласен с вами. Аура... — Док промолчал и признался. — Я тоже ощущал это.

И он вспомнил о том утре в её спальне, когда осматривал Лору, спящую после снотворного.

— Даже Элен Китон уловила это.

Теперь Джулиан не считал нужным сохранять в тайне рассказ Лоры. Он поведал Доку о случае в душевой общежития.

— Исходивший от неё зов плоти был бисексуальным, действовал и на мужчин и на женщин. Как будто она была создана из Первичной Материи — помните, Док, греческий миф — основы творения, из которой возникла собственно жизнь. Той материи, которая первично насаждает плодородие, входит в сущность мужского и женского... Пожалуй, это всё звучит слишком уж заумно.

— После событий нынешнего лета для меня уже не существует заумного, — отреагировал мгновенно Док. — Теперь я могу поверить во что угодно.

Мужчины помолчали. Док стал прощаться, он проводил Джулиана до машины и поинтересовался, куда тот едет.

— В Бостон, по крайней мере через некоторое время, — ответил Джулиан. — По завещанию Стефаньски я должен заняться его научным наследием. Надо будет всё собрать и перевезти в Сан-Диего ещё до начала занятий. А до этого хочу отправиться в Мексику. Там живёт один очень интересный старый индеец, куррандеро-знахарь. Вам бы он понравился. Думаю, он ещё многому может меня научить.

— Только будьте осторожны с едой. Помните о ваших камнях....

Джулиан находился в дороге уже больше часа. Галэн остался далеко позади. Преодолевая головокружные повороты, машина приближалась к Тихому океану. Джулиан наслаждался теперь солёным морским ветром. Он включил радио. При первых звуках музыки он усмехнулся над круговоротом жизни: звучала та же симфония Малера, которую он слушал по дороге в Галэн. Сейчас ему хотелось, чтобы хорошенькая девочка подняла на обочине руку, останавливая машину. Он глянул бы на её соблазнительные формы, обтянутые джинсами, на капризно надутые губки и обязательно затормозил бы!

Джулиана охватило странное ощущение. Ему показалось, что рядом с ним в машине кто-то есть. Он точно знал, что нет никого. Но почти наяву услышал, как призрачный пассажир отвечал Доку Дженкинсу:

— Чудо заключается в том, дорогой Сэм, — это был знакомый голос со славянским акцентом, — что существо, которое рождается в таких нехороших условиях, которые вы отметили, тем не менее умеет измерить расстояние до звёзд, построить Сикстинскую капеллу, написать «Гамлета», сочинить мессы и симфонии. Или лечить себе подобных и даже отдать свою жизнь за другого, как сделал мальчик Тим. Вот в этом, дорогой мой друг, и заключается достоинство Человека.

Ощущения присутствия кого-то в машине больше не было. Симфония Малера стала раздражать напыщенным напряжением. Это явно не то, что ему требовалось сейчас. Он переключился на другую станцию, там передавали прогноз погоды. Это тоже не для него. Джулиан знал, что погода есть и будет великолепной. Он наконец мог позволить себе не думать ни о чём. И он стал наслаждаться возникшим состоянием. Это было именно то, чего ему не хватало так долго. Он напевал вслед за радио, мчась на Юг, подальше от смерти, слёз и разрушенных жизней. Он возвращался в Разумный мир.

Солнце полыхало синим огнём на плоском вечном сапфире океана.

41

«Я родился сегодня ночью. Я думаю, что я родился и раньше в другом месте или местах, и умирал, и родился снова. Но всё это не имеет для меня значения.

Я знаю лишь, что родился сегодня ночью и что есть цель, для достижения которой я был рождён.

И я выполню своё предназначение...»

Incibus, 1976

Перевод: Д. Берёзкин

КЛЕТКА

— В замке говорят, — молодая графиня с безразличным видом ласкала красивую брошь на ленточке, обвивавшей её нежну шейку, — что он воплощённый дьявол.

Её муж презрительно усмехнулся:

— Кто это говорит? Глупцы и сплетницы. Он прекрасный управляющий и хорошо справляется с делами. Быть может, он немного суров? Холоден? Однако этого мало для воплощения Сатаны.

— Суров — задумчиво проговорила графиня, глядя на удаляющуюся фигуру в чёрном. — Наверное, да. Но холоден? Говорят, он пользуется успехом у женщин.

— Опять «говорят»! Сплетни. Но если и так, разве может демон Люцифер спать с земной женщиной? — довольный своей логикой, граф снова презрительно усмехнулся.

— Наверное, может, — ответила жена. — Чтобы явиться на Землю, он должен принять человеческий облик. Разве не примет он и желания человека вместе с его оболочкой?

— Уверен, что этого не знает никто. Столь тонкие вопросы теологии, я думаю, вам лучше обсуждать со святыми отцами, моя дорогая.

Графиня улыбнулась:

— О чём он говорил с вами?

— Ни о чём серьёзном. Так, некоторые дела. Мы идём обедать?

— Конечно.

Граф подал жене руку, и они медленно двинулись вдоль украшенных гобеленами покоев замка.

— Мне показалось, что он на чём-то настаивал, — после недолгой паузы проговорила графиня.

— О ком вы?

— О вашем управляющем.

— Он требовал более сурово наказывать крестьян. Снисходительность развращает их. Он напомнил мне о камере пыток во времена моего отца. Одна мысль о ней удерживала людей в повиновении.

— Во времена вашего отца? Он знал его?

— Жестокость моих предков, дорогая, навеки останется позорным пятном на нашем фамильном гербе. Из-за неё у нас так много врагов. Я стараюсь воздерживаться от наказаний, потому что мне не хотелось бы, чтобы история назвала наш род тираническим.

— Всё равно он дьявол.

— Вы упрямы, как молодая гусыня, — граф рассмеялся.

— Прекрасная, но капризная молодая гусыня.

— В таком случае вы гусак, мой лорд.

— Старый гусак...

Супруги сели за стол.

— Мой лорд, — начала графиня.

— Я слушаю вас, мой друг.

— Эта старая камера пыток... Странно, что я не видела её до сих пор.

— За три месяца вы были просто не в состоянии осмотреть весь замок, сказал граф. — К тому же в эту камеру ведёт потайная лестница. Дверь тоже с секретом. Если вам угодно, мы можем спуститься туда после обеда, хотя там нет ничего, что могло бы заинтересовать прелестную молодую гусыню.

— Три месяца... — едва слышно произнесла графиня, снова касаясь броши на шее.

— Они кажутся вам долгими с тех пор, как мы поженились? — спросил граф.

— Долгими? — Графиня ослепительно улыбнулась. — Мой лорд, всё было как будто вчера.

* * *

— Слуги считают, что вы воплощённый дьявол. — Стоя перед зеркалом, графиня расчёсывала волосы.

— Вас это пугает?

— С какой стати? Ведь вы пришли сюда не затем, чтобы унести меня в преисподнюю?

— Кто знает?

— Вы говорите загадками.

— Как и полагается дьяволу.

— И, как он, вы дурно себя ведёте.

— Почему? Разве мои манеры стали хуже оттого, что я здесь, в вашей спальне?

— Пожалуй, нет. Но вы советовали моему мужу уподобиться тирану, стать таким же, как и его отец.

— Он вам сказал об этом?

— Да. И сегодня он показывал мне камеру пыток, которую вы советовали открыть снова. Какая жестокость! Там так мрачно и сыро. А глубина? Несчастный узник разорвёт лёгкие от крика, но его всё равно никто не услышит.

— Ваши глаза блестят. Мне кажется, эта камера очаровала вас.

— Очаровала? Нет же! Она отвратительна. Эта жуткая дыба... О! Только представьте себе вывернутые суставы, рвущиеся сухожилия!

— Ваш голос дрожит от возбуждения. Всё это в вас.

— Какое страшное колесо там, внизу. И железные сапоги... У меня красивые ноги, не правда ли?

— Они безукоризненны.

— Высокий подъём и носок небольшой и ровный. Ненавижу большие ступни. У вас ведь они не большие?

— Вы забываете: у меня нет ступнёй. Только копыта.

— Однако вы забывчивы. Может быть, я и поверю вам. Но где же ваши рога?

— Они невидимы. Как и те, что очень скоро украсят голову вашего супруга.

— Ну, полно. Вы слишком высоко оцениваете свои чары.

— Как и вы свои...

— Знаете, что мне показалось самым страшным?

— Страшным? Где?

— В камере пыток, разумеется.

— О! И что же вам показалось самым страшным?

— Там была клетка. Маленькая клетка. В ней с трудом уместилась бы собака, так она была мала. И знаете, кого в ней держали?

— Кого же?

— Людей!

— Не может быть!

— В ней держали людей, — повторила графиня. — Несчастливые не могли ни выпрямиться, ни лечь. Они даже сесть не могли в этой клетке, потому что вместо дна там были шипы! Их держали взаперти по несколько дней. Иногда недель. Пока они не сходили с ума от мучений. Я предпочла бы дыбу такой смерти...

— Или «испанские сапоги» для ваших прелестных ножек?

— Нет. Перестаньте, сейчас же. Это щекотно.

— У вас нежная кожа...

— Немедленно уходите. Граф может войти в любую минуту.

— Мы расстаёмся до завтра, моя госпожа...

* * *

В одиночестве, улыбаясь собственным мыслям, графиня задумчиво поглаживала свои маленькие ступни там, где он целовал их. Она и раньше слышала о поцелуях, которые обжигают — их часто воспевают плохие трубадуры, — однако до сегодняшнего вечера она думала, что это всего лишь поэтическое преувеличение. Он желал её, о, как он желал! И он добьётся её в конце концов, но не сейчас. Пусть возгорится. Пусть насладится ею издали и её прелести покорят его. Она позволит ему целовать себя такими же жгучими поцелуями. О нет. Это будут не губы. Пока ещё нет... может быть, ноги, кончики пальцев, лоб. Пусть он умоляет и стонет. Пусть страдает.

Она счастливо вздохнула, подходя к постели. Восхитительное чувство — быть женщиной, и к тому же прекрасной; рассыпать, словно крохи, благоволение и смотреть, как мужчины сражаются за них; слушать, как они тяжело дышат и просят ещё, но только смеяться и оставлять их умирать в муках голода. Этот уже тяжело дышит — скоро он будет умолять её. И будет страдать от голода — долго-долго. Потом, в одну из ночей, она решит, что он страдал достаточно, и позволит ему утолить голод. Какой же будет его жадность! Он поспешит вернуть утраченное за недели голода; он будет пировать и насыщаться, но скоро всё кончится, и она снова заставит его

ощутить голод — столь сильный, что он поглотит самого себя. Это будет восхитительно...

* * *

— Если вы действительно верите, что я дьявол, тогда почему я не покорю вас с помощью inferнальных чар? Почему я пресмыкаюсь у ваших ног, больной от любви к вам?

— Вероятно, вам нравится эта игра, мой Чёрный Принц. Можете поцеловать меня сюда.

— Нет, нет. Мне нужны ваши губы.

— О, вы становитесь несносны! Пожалуй, вам лучше уйти.

— Нет... нет...

— Так лучше. Я даже могу обещать вам моё расположение.

— Ах! Моя любовь!

— Нет, сядьте. Это совсем не то, что вы называете благосклонностью. Всего лишь немного расположения. Хотя я не знаю, заслуживаете ли вы его. Вы желаете получить всё, но взамен не обещаете ничего.

— Всё, что угодно госпоже. Всё...

— Какие громкие слова! Но, может быть, вы и в самом деле подарите мне что-нибудь...

— Всё.

— Говорят, что вы требуете взамен страшные вещи. Я буду страдать в невообразимых муках целую вечность... Ах, я вижу, вы этого не отрицаете. Мой Принц, я действительно верю, что вы воплощённый дьявол.

— Клянусь, я отдам вам всё, чего бы вы ни пожелали. Только скажите слово!

— Я молода. Мужчины восхищаются мной, моим телом. У меня красивые руки, стройные ноги... Вы хотите обладать ими?

— Да! Да!

— Тогда сделайте так, чтобы моя красота никогда не угасла. Сделайте так, чтобы отныне ни время, ни грубая сила

не могли изменить меня. Я хочу, чтобы моя молодость длилась вечно.

— Вечно...

— Ха-ха-ха! Я обманула вас? Если я не умру, то где же вечные муки? Ну, вы оказываете мне это снисхождение, господин Дьявол?

— О, я не властен это сделать.

— Чудесно! О, что за актёр! Я начинаю восхищаться вами. Другие мужчины, надев личину Врага, обязательно ответили бы «да». Но вы... вы так честны.

— Я не властен исполнить ваше желание.

— Ну полно, или я умру от смеха! Эта игра так забавна. Сколько огня в этом куске льда! Прекрасно, я сыграю свою роль до конца. Ответь мне, Сатана, исполнишь ли ты желание, если... если взамен я отдам тебе всю себя?

— Мучительница!

— Всю! С головы и до кончиков пальцев, мой демон! За одно лишь желание.

— Силы Тьмы будут клокотать и кипеть, но... да! Да! Всё, что угодно!

— Ага! Наконец-то ты разоблачил себя, мой плутишка. Иди же, бери эти губы, я принимаю твоё обещание.

* * *

— Вы называли его воплощением дьявола, и теперь я склонен поверить вам! — вскричал граф. — Вероломная тварь! Обесчестить мою жену в моём собственном доме!

— Мой лорд, как вы можете думать...

— Молчите! Глупая гусыня, вы всё ещё надеетесь утаить измену? Он ушёл без единого слова; бежал под покровом ночи. Почему? А ваша брошь — брошь моей матери! — её нашли в его спальне. В вашем будуаре лежала одна из его перчаток. Изменница!

— Но я лишь слабая женщина.

— Слезы вам не помогут. Отныне вам следует смириться со своей судьбой. Благодарите Бога, что перед вами не мой отец. Он заключил бы вас голой в эту клетку и держал бы в ней

до тех пор, пока вам не отказал бы рассудок, а ваше тело не истлело бы. Но я не тиран. Вы проведёте внизу только ночь, дрожа от страха и холода, в раскаянии, и только утром я освобожу вас. Надеюсь, этот урок вы запомните на всю жизнь. Я уйду. Вероятно, вы станете кричать. Бессмысленно, поберегите себя. Никто не услышит вас. Думайте о своих прегрешениях! Кайтесь!

* * *

— Не знаю, что привело этого человека ко мне. — Герцог Альба в сопровождении адъютанта обходил поле сражения. — В замке все убеждены, что он дьявол. Странное суеверие. Он был управляющим у старого графа, и надо сказать, его сведения пришлись очень кстати. С его помощью я узнал всё, что было необходимо для штурма; он показал мне тайные ходы и слабые участки стен, начертил расположение помещений замка, даже назвал точное число охраны и расписание её страж... Всё, что мне требовалось для штурма. Мои войска уже несколько месяцев стояли в ожидании наступления. Я поднял их через час, и благодаря моему информанту сражение закончилось задолго до рассвета.

— Вас можно поздравить, мой герцог. Но где этот странный человек сейчас?

— Скрылся. Я щедро заплатил ему, и, только между нами, барон, я думал убить его, как он исчез. Подобные люди слишком опасны, чтобы оставлять им жизнь. Однако подлец оказался ловок: он скрылся сразу после моей победы.

— Зато у вас в руках старый граф. На крепостной стене тесно от отрубленных голов; не его ли бороду треплет ветер?

— Да, и такая участь ожидает всех недругов моего рода.

— Виват, мой герцог! А где же жена этого старого болвана?

— Графиня? Увы... Это единственное, что омрачает мою победу. Я с удовольствием полонил бы её прекрасное тело, прежде чем отсечь его от прелестной головы. Должно быть, кто-то предупредил её. Мои солдаты перевернули весь замок, но безуспешно. Графиня сбежала. Всё же... где бы она ни была,

надеюсь, до неё долетят вести о том, что я намерен сделать с её замком.

— Вы решили уничтожить его?

— До основания! Останется лишь место, где он стоял. На руинах вознесутся новые стены из прочного камня: мой замок будет памятником падению графа и моей победе. Навеки!

— Виват... Но где же скрывается молодая графиня?

— Об этом ведаёт лишь дьявол. Желая ей выплакать глаза в муках вечности.

The Cage, 1959

Перевод: А. Бутузов

АКТЁР

Директор театра беспокойно ходил по сцене.

— Не пойдёт, — сказал он.

— Пойдёт, — ответил режиссёр.

— Такого ещё никогда не было, — возразил директор.

— Вы говорите это уже в пятый раз.

— Скажу и в шестой — такого никогда не было.

— Хорошо, — воскликнул режиссёр, — тем больше у нас оснований поступить именно так!

Директор, потеряв лысую голову, продолжал гнуть свою линию.

— Разрешите вам напомнить, — с ехидцей начал он, — мы занимаемся одним делом, и наша цель — заполнить театр.

— Это и заполнит театр, я вам обещаю, они будут в вос-
торге.

— Они будут плеваться!

— Вы мне верите?

— Я верю тебе, я верю в тебя. Ты художник и ты знаешь, чего хочет публика. Да разве я найду другого такого режиссёра, даже обшарив весь город, всю страну?

— Благодарю вас!

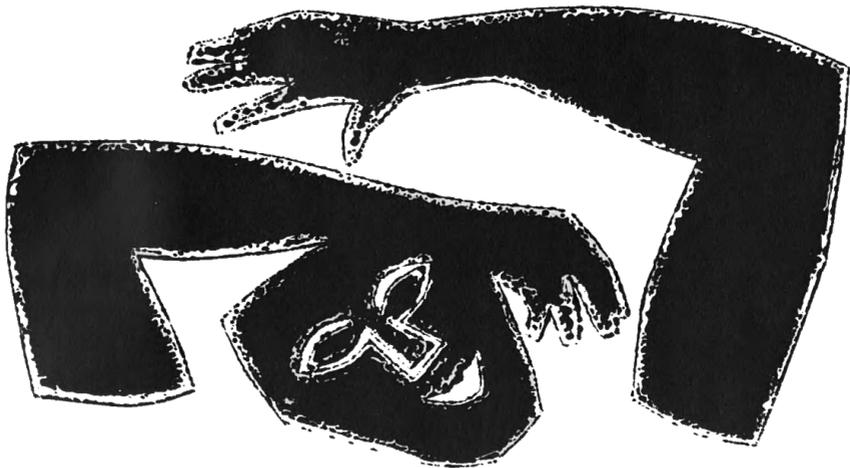
— Не стоит. Ведь потому я и директор...

— А...

— И к тому же я постарше тебя, — посмеиваясь продолжал он, — видел, как ставились и снимались пьесы, как валила и исчезала публика, я видел, как появлялись и исчезали режиссёры.

— Это что, угроза? — резко спросил режиссёр, сощуриив глаза.

— Угроза? — директор, казалось, был огорошен. — Могу ли я угрожать великому мастеру и другу, который был гостем в моём доме, обедал со мной несчётное количество раз? Да как я могу? — Разведя руки в стороны он закатил глаза, как бы спрашивая божьей помощи.

— Мальчик мой, — нежно проворковал он дальше, — публика капризна, жажда нового у неё сочетается с жаждой привычного лишь чуть-чуть разбавленного новизной.

— Именно это я и собираюсь ей подать, — нетерпеливо перебил режиссёр. — Сценарий останется без изменений, не будет выкинуто ни одно слово...

— Ты решил погубить меня? Ты готов сделать это? — директор отрёпённо махнул рукой.

— Вот увидите, они будут в восторге! — заверил его режиссёр.

— Один-единственный человек ведёт диалог с хором! Перебрасывается с ним словами, как в настоящем разговоре! Да из меня сделают посмешище! — чуть не плачет несчастный директор театра.

— Не горюйте! Может с этого и начнётся новая профессия — декламатор, чтец или актёр! — И подмигнув вконец расстроенному директору театра, Феспид¹ вышел на залитую ярким солнцем сцену афинского театра.

The Actor, 1960

Перевод: Геннадий Башков

---

¹ Феспид — греческий поэт (VI век до н. э.), считается основателем греческой трагедии (534 г.).

КОМНАТА

Крейн проснулся от того, что мозг его, казалось, насквозь пронзил рекламный мотив «Пенящаяся зубная паста „Тингл“». Он догадался, что фирма «Тингл», должно быть, перекупила у фирмы «Слипку» время ночных передач. Взглянув на репродуктор «Слипку», встроенный в стену рядом с его подушкой, Крейн нахмурился. Потом бросил взгляд на потолок: на нём пока ничего не было. Должно быть, ещё довольно рано, объяснил он сам себе. Когда же наконец на потолке словно нехотя замерцала реклама фирмы «Коффиц», он опустил глаза и выбрался из постели. Он старался не глядеть на рекламу, напечатанную на простынях, наволочках, одеялах, на его халате и стельках его тапочек. Как только ноги Крейна коснулись пола — включился телевизор. Выключался он сам, автоматически, в десять вечера. Крейн мог по своему желанию свободно переключать программы, однако он не видел в этом никакого смысла.

Он зажёл свет в ванной — и телепередача мгновенно переместилась туда. Он погасил свет и совершил свой первый утренний ритуал в потёмках. Но для того чтобы побриться, ему требовалось электричество, и, как только он включил свет, телепередача в ванной возобновилась. Едва он начал бриться, как зеркало принялось мерцать каждые три секунды. Это не могло помешать ему бриться, однако Крейн поймал себя на том, что размышляет о разрекламированных добродетелях фирмы «Титанг», с которой конкурировала «Коффиц». Несколько мгновений спустя он уже читал на листках туалетной бумаги объявления дня: о безотказном слабительном, действующем исключительно мягко, а также о болеутоляющем средстве «Стоп», имевшем привкус кукурузного виски.

Крейн одевался, когда зазвонил телефон. Пусть себе звонит. Он знал, что стоит ему взять трубку, как он услышит: «Доброе утро! Вы уже ели „Краккеруни“? В них — множество протеина и...» Или как вариант: «Зачем ждать, когда пришлют призывную повестку? Поступайте на службу сейчас же, по своему усмотрению, и воспользуйтесь следующими льготами

для добровольцев...» Или: «Погода действует на ваше самочувствие? Болезни коронарных сосудов сердца убивают четырёх человек из пяти! Ранние симптомы болезни следующие...»

И в то же время Крейну могли звонить по неотложному личному делу. Он поднял трубку и сказал:

— Алло.

— Привет, — ответил вкрадчивый, с хрипотцой женский голос. — Боб?

— Да.

— Боб Крейн?

— Да. Кто говорит?

— Меня зовут Джуди. Я знаю вас, но вы меня не знаете. Появлялось ли у вас в последнее время ощущение какой-то тупости, словно вы не в своей тарелке?

Он положил трубку. Этот звонок заставил его принять решение. Он достал скомканную бумажку из ящика письменного стола. На узкой полоске был записан адрес. До сих пор Крейн колебался, следовало ли ему добиваться осуществления задуманного. Но теперь он почувствовал себя уверенно. Он вышел из дома и остановил такси.

В спинке переднего сиденья тотчас вспыхнул экран, и Крейн поймал себя на том, что смотрит передачу «Сок „О-Вестен“ на завтрак». Он развернул газету, оставленную предыдущим пассажиром. Крейн не стал задерживать взгляд на напечатанной в четыре краски рекламе фирмы «Глиттеринк» с её двусмысленными гомосексуалистскими, садистскими, мазохистскими, кровосмесительными и эротическими символами, но попытался сконцентрировать внимание на колонке новостей о начале новой правительственной программы жилищного строительства, однако его попытки игнорировать рекламу «Бриз-Деодоранта», напечатанную жёлтым шрифтом по белому полю, оказались безуспешными. Тем временем такси достигло места назначения. Крейн расплатился с шофёром, сунув ему банкнот, на одной стороне которого был изображён Авраам Линкольн, а на другой — нагая купающаяся женщина с куском мыла «Смути».

Крейн вошёл в каркасный дом, выглядевший довольно убого, отыскал нужную дверь и нажал на кнопку звонка. Было

слышно, как в квартире задребезжал старомодный электрический звонок, а не модный колокольчик, отзванивающий мотивчики вроде «Иит-Миит», «Джетфлай» или «Криспи-кола».

Дверь открыла неряшливого вида женщина, которая подозрительно оглядела посетителя и спросила:

— Ну?

— Я... хм... миссис Ферман? Ваш адрес дал мне мой друг Билл Сиверс. Насколько мне известно, — понизил он голос, — вы сдаёте комнаты.

— Убирайтесь вон! Хотите, чтобы у меня были неприятности? Я порядочная гражданка...

— Я заплачу, заплачу. У меня хорошая работа. Я...

— Сколько?

— Двести долларов. Это вдвое больше того, что я плачу за квартиру в новом доме.

— Входите.

Женщина закрыла за ним дверь на замок, потом на засов и цепочку.

— Сдаётся только комната, — сказала хозяйка. — Туалет и душ — в том конце прихожей, помимо вас ими будут пользоваться ещё двое жильцов. Мусор выносите сами. Зимой обогревайтесь как знаете. Если нужна горячая вода, гоните ещё полсотни. В комнатах готовить не разрешается. Никаких гостей. Плата за три месяца вперёд, наличными.

— Я согласен, — торопливо сказал Крейн, потом спросил: — Телевизор выключается?

— Здесь нет телевизоров. И телефона тоже.

— И нет репродуктора фирмы «Слипку», встроенного в стену, который всю ночь мешает спать? Зеркала не мерцают? И проекторы не укрыты в потолке и стенах?

— Ничего такого здесь нет.

Крейн заулыбался. Он отсчитал за квартплату прямо в грязную ладонь женщины.

— Когда я могу въехать?

Она пожала плечами.

— В любой момент. Вот ваш ключ. Четвёртый этаж с фасада. Лифта нет.

Крейн ушёл, продолжая улыбаться.

Миссис Ферман сняла трубку и набрала номер.

— Алло? — сказала она. — Докладывает Ферман. У нас новый жилец, мужчина лет тридцати.

— Прекрасно, благодарю, — ответил голос. — Начните лечение немедленно, доктор Ферман.

The Room, 1961

Перевод: А. Мельников

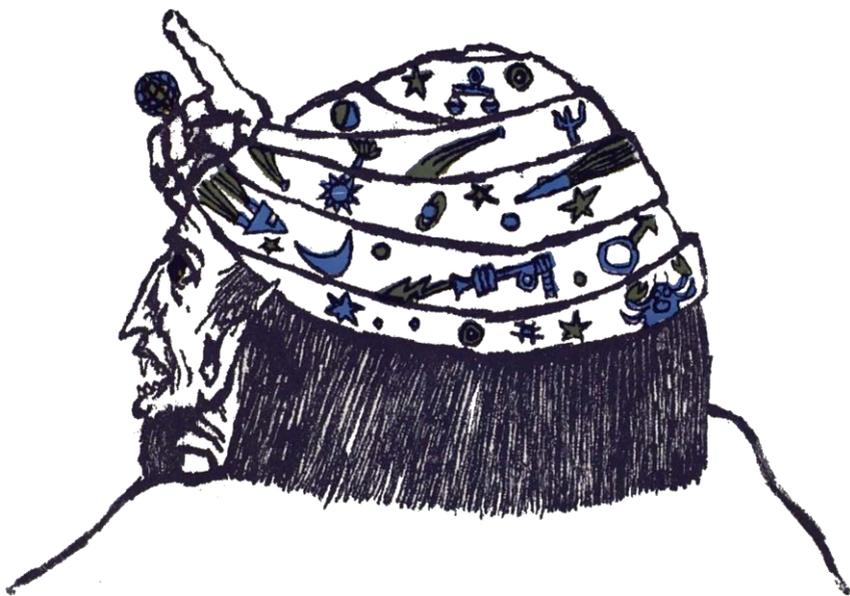

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

Нью-Йорк,
главному редактору
«Ивнингпост интерпланетар»

Уважаемый сэр! Позвольте выразить глубокую благодарность за Ваше письмо, хоть мне и жаль, что «Мегера с Венеры» не подошла. «Слишком мелодраматично, — указываете Вы. — У сегодняшнего читателя нет склонности к мелодраме». Но, дорогой сэр, жизнь сама по себе вопиюще мелодраматична!

Впрочем, не важно. Цель моего настоящего письма — обрисовать вкратце одну вещицу, которую я бы с удовольствием для Вас сделал. Это практически документальная повесть, хотя, боюсь, Вам она может показаться несколько экстравагантной. Все действующие лица: отъявленный негодяй, несчастная девушка, её мудрый отец — как будто вышли из-под пера Вашего замечательного Виктора Гюго.

Предлагаемое произведение (можно назвать его «Звезда Орима») касается ряда примечательных событий, которые имели место в моей родной Галактике 75-890 (надеюсь, в Вашем издании нет табу на иностранный колорит). Мы начнём описание с великолепного дворца гнусного завоевателя саргианца Зунбараларрио Фенга, где томится прекрасная юная девушка, которая ненавидит Фенга (лучше сразу внести здесь ясность). Дабы осветить характер их отношений, покажем их выходящими из спальни. Фенг — мужчина очень крупного сложения, тяжёлый и сильный, чернобородый и черноволосый; его глаза горят недобрым огнём, а гордый нос придаёт мрачное благородство монетам с его, Фенга, изображением. В чёрной тунике, красной мантии и высоких сапогах из блестящего кзылка он поистине представляет собой внушительную фигуру. Девушка — полная его противоположность. Она изящная и лёгкая, с атласной кожей и волосами цвета заходящего солнца (мне очень жаль, но среди оримийцев такой цвет действительно распространён). Её стройное юное тело едва скрыто нежно-розовой газовой накидкой. Маленькие ножки грациозно скользят по мраморному полу.

Фенг в хорошем настроении, его зычный голос полон довольства.

— Результаты завоевания вашей планеты превзошли самые смелые ожидания. Я не только захватил гениального учёного, но и обнаружил, что у него чрезвычайно красивая дочь. Двойной приз!

(Этот монолог, если он покажется Вам излишне грубым, мы можем изменить.)

При входе в лабораторию их приветствуют два офицера в обтягивающей чёрной форме личной охраны Фенга. Один из них распахивает дверь. Фенг и девушка вступают в колоссальное помещение, в центре которого полыхает маленький горн, кипят и бурлят жидкости в армаде колб и реторт. В конце

длинного прохода на высоком стуле сидит седовласый мужчина. Он смотрит на сияющую металлическую звезду у себя в руке.

Чернобородый завоеватель подходит и снисходительно обращается к учёному:

— Доброе утро, Торак. Что это у тебя?

Старик не обращает на Фенга внимания.

— Вола, — шепчет он нежно. — Вола, дитя моё.

Голос девушки дрожит от нахлынувших чувств.

— Ты плохо выглядишь, папа. Тебе нельзя работать так много.

— Ты, главное, ты...

Она опускает глаза:

— У меня всё в порядке. Не беспокойся обо мне.

Фенг смеётся:

— Это верно. О ней беспокоиться не надо. Она в надёжных руках!

(Не теряет ли Торак Ваши симпатии, дорогой сэръ, отдавая на поругание честь дочери? Спешу довести до Вашего сведения, что его заставили просмотреть десятичасовой общеобразовательный фильм (цветной, объёмный, стереозвученный) о легендарных Шести Сотнях Священных Пыток Сарга, где снимались не профессиональные актрисы, но очаровательные, юные, обнажённые, девственные дочери учёных с других планет. Удивительно ли теперь, что Торак позволяет Фенгу эксплуатировать тело дочери и свой собственный блестящий ум?)

Завоеватель переходит прямо к делу.

— Ну, Торак, — ревёт он, — я требую ответа! Когда будет завершён проект?

— Проект завершён, мой господин, — безжизненным голосом отвечает Торак и поднимает металлическую звезду с четырьмя лучами.

— Это... новый металл?

— Непобедимый металл. Да, это он.

Фенг недобро смеётся.

— Я вижу, ты вылил его в форме Звезды Орима, символа твоего народа. Но твоя бунтарская пропаганда дальше меня не уйдёт. Дай сюда! — он вырывает звезду из руки Торака. — Я сейчас же собираю всех своих учёных. Испытания начнутся немедленно.

— Испытания?

— Разумеется. Не думаешь же ты, что я поверю тебе на слово? Эта блестящая побрякушка вполне может сломаться в кулачке младенца. Ты ведь был бы рад? — Фенг снова смеётся. — Нет, мой друг, я не такой глупец. Не для того я покорию почти всю Галактику, чтобы попасть в ловушку хитроумного учёного. Заверяю тебя, этот металл будет тщательно проверен. — Глаза Фенга вдруг ярко запылали. — Если твои слова верны, тогда предо мной падёт последний оплот Галактики — планета Клор!

Где-то примерно в этом месте надо рассказать, что долгие годы Фенг мечтал завладеть всей Галактикой. Планета за планетой переходили к нему, но Клор упорно сопротивлялся. Необходимо упомянуть мимоходом, что Клор — мир, почти целиком находящийся под водой, и жители его похожи на глубоководных рыб. Инженеры Фенга никак не могли построить корабли, способные стартовать с родной планеты Сарг, преодолеть бездну пространства и нырнуть в глубины Клора. Такие корабли должны быть сделаны из материала лёгкого, как космические сплавы, и выдерживающего давления, которым подвергаются батисферы. Более того, он должен идеально выдерживать жар, холод и радиацию. Но вернёмся к сцене в лаборатории.

Завоеватель в пурпурной тоге сжимает металлическую звезду и повторяет:

— Да, испытания начнутся немедленно.

Он поворачивается и стремительно выходит из помещения.

Когда дверь закрывается, Вола падает отцу на грудь и разражается безудержными рыданиями.

— О, отец! Это было так ужасно! Он не человек — изверг, мерзкое чудовище!

Руки Торака судорожно сжимаются от отцовского негодования.

— Вола, крепись.

(Как Вы любезно указывали относительно «Мегеры с Венеры», диалог не относится к моим сильным сторонам. Следуя Вашим пожеланиям, я продолжаю описание в документальной манере.)

Люди в защитных очках отпрянули от ужасающего жара: в затемнённой лаборатории летают искры — металлическую звезду бомбардирует сверхмощный луч.

— Смотрите, повелитель! Сверху металл раскалился добела, в то время как снизу...

— Ну? — шипит Фенг.

— А нижняя часть холодная на ощупь! Невероятно! Ваш пленный учёный добился идеальной изоляции! — говорящий выключает луч, и все снимают очки. — Это завершает серию испытаний, мой господин. Металл был подвержен воздействию кислот, радиации, колоссального давления, испепеляющего жара — ничто не оставило следов. Он воистину неуязвим.

Фенг улыбается и поворачивается к Тораку:

— Поздравляю. Ты не подвёл меня и займёшь почётное место в научной иерархии моей империи. — Он резко поворачивается к своему главному инженеру: — Немедленно начать производство этого металла и постройку кораблей. С завтрашнего дня вы работаете с Тораком. И запомните, господа: покорить Клор — значит покорить Галактику!

Он выходит; учёные и генералы кланяются. У двери Фенг обращается к фигуре в тени:

— Идём, Вола.

(Здесь, если пожелаете, можно вставить сцену с элементами секса.)

В течение следующих дней Торака заставляет себя не обращать внимания на слёзы дочери. Пока она изнывает и сохнет

в объятиях Фенга, молча покоряясь легендарным Шести Сотням Священных Пыток Сарга, старый учёный следит, как чудовищные печи изрыгают расплавленный металл. Рабы со всех концов Галактики работают день и ночь, без сна и отдыха, пока не падают замертво. Мёртвых замещают другие. И часто можно увидеть рядом с Тораком ликующего Фенга. Через несколько месяцев (*здесь и далее я употребляю земное время*) новый флот готов к вылету. Сверкая на солнце, стоит армада кораблей-истребителей.

Фенг и высшие офицеры на огромной платформе совершают ритуал, имеющий место перед завоеванием каждой новой планеты. Фаланга сияющих труб гремит бравурной военной музыкой. Народ Орима приветствует — с саргианскими винтовками за спиной — Фенга, произносящего ритуальную речь. (*Заверенную копию речи прилагаю.*) Его грубый голос разносят сотни громкоговорителей. Речь полна эмоций, но слаба логикой. Часто упоминаются «слава Сарга» и «величие нашей священной галактической империи». Фенг подчёркивает важность покорения Клора — последней планеты, которая всё ещё борется «в варварской тьме, не освещённой саргианской славой». Он объясняет, почему приказал не только генералам, но и старейшим управителям сопровождать его на флагманском корабле: «Вожди Саргианской империи должны присутствовать при знаменательном событии».

Речь заканчивается призывом:

— На Клор!

На трапе Фенг останавливается и поворачивается к Тораку:

— Ты будешь награждён за услуги Саргу. А ты, Вола, — он улыбается бледной девушке, — приготовься к ночи празднования моего возвращения. Победные битвы всегда горячат мою кровь, и хотя водянушки Клора могут оказаться очаровательными, — подмигивает генералам, — боюсь, что у русалок есть определённые недостатки, не правда ли?

Он смеётся над своей шуткой (*не слишком ли грубой для Ваших читателей?*) и входит в корабль. За ним следует вся его свита.

На протяжении месяцев полёта чёрное вино Сарга рекой льётся на флагманском корабле. Фенг пьёт за свою империю, за своих генералов и за самого себя. Он пьёт за каждую планету и за каждую звезду, которую они пролетают. Он пьёт за Торака, он пьёт за Волу, он пьёт за почти забытых женщин своей юности. *(Всё это свободно может занять несколько страниц.)*

Наконец армада приближается к Клору. Когда флагманский корабль зависает над водной поверхностью планеты, Фенг обнажает разукрашенный драгоценными камнями церемониальный меч и драматическим жестом указывает на цель. Его голос гремит в аппаратах связи всех кораблей:

— В атаку!

Флот Фенга разрывает поверхность воды и погружается на дно. Через прозрачный корпус корабля Фенг смотрит на экзотические растения. Триумф кипит в венах завоевателя.

Затем внезапно ушей его достигают ошеломлённые крики. Он поворачивается, орлиные глаза выпучиваются...

(Если печатать с продолжением, лучше места для обрыва не найти. Впрочем, решение за Вами, разумеется. А теперь позвольте несколькими штрихами обрисовать финальную сцену на Ориме.)

Торак бросает металлическую звезду в стакан с водой и поворачивается к дочери.

— Тебя что-то беспокоит, моя любовь? — ласково спрашивает он.

В её глазах стоят слёзы.

— Я думаю о народе Клора.

Торак улыбается — впервые за долгое-долгое время.

— Я не стал бы его оплакивать. И вообще, плакать нет нужды.

— Отец, как ты можешь говорить такое!

— Фенг никогда больше не унижит тебя, — мрачно проносит Торак.

— Что ты имеешь в виду?

— Армада, должно быть, уже достигла Клора. — Учёный бросает взгляд на календарь. — Фенг мёртв.

Вола пугается за разум отца. Она молча слушает его слова.

— Да, мёртв. Утонул в водах Клора со своими генералами, министрами и кораблями. — Он поднимает глаза и видит страх на её лице. — Нет, моя дорогая, я не сумасшедший. Понимаешь, я создал удивительный металл. Фенг подверг его всем мыслимым испытаниям, кроме одного. Это никому даже в голову не пришло. И вот он построил флот и ринулся в океанские пучины Клора, не догадываясь, что...

Торак поворачивается к стакану: Звезды Орима нет.

— Не догадываясь, — продолжает он, — что этот замечательный металл растворяется в воде.

Согласитесь, сэр: эффектно!

Но это ещё не всё. Представьте, что мы скажем или по крайней мере намекнём, что тиран и убийца Фенг, бич Галактики 75-890, человек, который никогда никому не доверял, на всякий случай под церемониальные доспехи надел глубоководный костюм (просто потому, что подозрительность свойственна его натуре). Другими словами, Фенг остался в живых.

Уместно даже подумать о названии типа «Фенг ещё жив!» или «Жив ли Фенг?» — проверенный временем надёжный способ привлечь внимание. Мы можем дать понять, что неуязвимый Зунбараларрио добрался до клочка суши — скажем, до полярной шапки Фазкен — и сейчас вынашивает новые коварные планы. Вы, вероятно, скажете, что никто не поверит такому утверждению, и я склонен согласиться с Вами. Но какое это имеет значение, пока Ваш журнал раскупают? Кстати, говоря об этом, не могу не упомянуть про плату. В связи с крайне стеснённым положением я испытываю острую нужду в крупной сумме денег и рассчитываю на высочайшие расценки. Прошу известить меня немедленно.

Искренне Ваш З. Гнеф.

П. я. 900053, 75-890.

Space Opera, 1961

Перевод: Н. Трезубенко

Иллюстрации: А. Кривенко

ЧЁРНЫЙ ЭЛИКСИР

— Я назвал его «Чёрным эликсиром», — сказал учёный.
— Это яд, сохраняющий жизнь.

— Парадокс, не так ли? — улыбнулся молодой Арго III, Император Астероидов.

— Война, мой повелитель, даже война в Тридцатом веке, по-прежнему зависит от жизни и смерти. Если гибнут солдаты — на поле боя или внутри космических кораблей, — войны они не выиграют. Солдат, получивший инъекцию Чёрного Эликсира, умрёт ровно через семь дней. Но в течение этих семи дней ничто не может его убить.

— Любопытно, — согласился Арго III. — Но несколько непрактично, согласны?

— О нет, сир. Иначе бы я его не создавал. Солдат с Чёрным Эликсиром, в венах, может быть застрелен, обожжён тепловыми лучами, задыхаться от ядовитых газов, у них могут быть взрывом оторваны конечности, их животы вспороты, а внутренности вываливаться на землю, но они всё равно будут наступать на врага, неумолимо, неотвратимо, их разум под гипнотическом управлением останется здоровым, а тела не смогут умереть в течение семи дней — достаточного времени для выполнения боевой задачи. По истечении этого времени становится ненужным их лечить, кормить, одевать, давать кров и, в конечном счёте, демобилизовывать. Весьма экономно. И поскольку Рабовладельческие Миры могут поставлять нам солдат в неограниченных количествах, смерть одного-другого миллиона значения не имеет — пока они выполняют приказы. На разработку Эликсира у меня ушло пятнадцать лет и тысячи рабов. Я проделал эту работу по просьбе вашего покойного отца, Арго II.

— Солдаты будут чувствовать боль?

— Да, но введение обезболивающего несколько снижает эффективность Эликсира. Ваш уважаемый отец считал это неважным. Сир, я могу ожидать награды за свою работу?

— Разумеется. Причём незамедлительно.

Учёного вывели из тронного зала. К сожалению, пятнадцать лет добровольной изоляции в лаборатории не позволили узнать о гуманитарных склонностях нового императора. Юный Арго войну ненавидел. Вследствие чего, награда учёному приняла форму ослепления, порки, снятия кожи, мучения, дробления, пронзания, потрошения, сожжения и обезглавливания (после чего, наконец, его голова наблюдала за дальнейшими действиями, совершаемыми с телом, выгодно расположившись на блюде неподалёку, не переставая безмолвно кричать, в то время как тело не переставало дёргаться и биться). Всё это, конечно, осуществлялось после обильной инъекции Чёрного Эликсира. До нас не дошли комментарии учёного, так как он, казалось, интересовался только вариантами крикоиспускания, но предполагаем, что он гордился своим изобретением, потому что действительно умер точно на седьмой день

The Black Elixir, 1961

Перевод: А. Ланудев

ДОЛГАЯ НОЧЬ

Арго III, некогда молодой, а теперь обезображенный возрастом и невоздержанностью, скрывался. После многих лет кошмарных злодеяний, совершённых им исключительно во имя Человеколюбия, Свободы, Соблюдения Законности, Воли Большинства, Нашего Образа Жизни, Сохранения Цивилизации В Привычном для Нас Виде, невесть откуда взявшиеся простолюдины, возглавляемые его сыном, Арго IV, устроили на него охоту. Он перемахивал с астероида на астероид, но враги наступали на пятки. Он маскировался, он воспользовался пластической хирургией, но агенты его сына, вооружённые инфракрасными, ультрафиолетовыми, ультракрасными контактными линзами, искажающими пространство, видели сквозь любую внешнюю мишуру. Он настолько устал, что однажды чуть было не сдался, но тут же поблелел при одной мысли о том, что узаконил, и что теперь стало священным способом казни: о семидневной кончине во власти Чёрного Эликсира.

А теперь его корабль потерпел крушение, и он полз во мраке по промёрзшим серым пескам астероида Зеро — названного им так потому, что был тот необитаем, лишён драгоценных металлов и даже растительности и неизменно пребывал в вечной тени Юпитера. Арго полз, и целью его была пещера Последнего Колдуна. Все остальные колдуны были вырезаны, когда Арго провозгласил Священный Поход Против Волшебства, но ходили слухи, что одному чародею удалось скрыться на Зеро. Арго молился про себя, чтобы слух этот оказался правдой, а Последний Колдун до сих пор был жив.

И он отыскался: омерзительно старый, больной, голый и грязный, державшийся только на магии — но живой.

— Ага, вот и ты, — такими словами приветствовал он Арго. — тебе нужна моя помощь, верно?

— Да, да! — прохрипел Арго. — Заколдуй меня так, чтобы они меня не узнали! Я умоляю, я заклинаю тебя!

— Ну и каким же должно быть это обличье? — хихикнул Последний Колдун.

— Я знаю, точно знаю, — проговорил Арго, — потому что колдуны признавались под пыткой, что все люди ОБОРОТНИ, что любого человека с помощью нужного заклинания можно превратить... в волка, собаку, птицу, в какое угодно существо, лишь бы это позволяла его клеточная структура. А в таком облике я смогу скрыться неопознанным!

— Сущая правда, — согласился Последний Колдун. — Но представь, что ты стал жуком, которого можно раздавить ногой? Или рыбой, которая будет биться в предсмертных муках на полу этой пещеры?

Арго содрогнулся:

— Даже такая смерть будет предпочтительнее официального умерщвления.

— Твоё дело, — пожал плечами Последний Колдун. Он театрально взмахнул рукой и произнёс роковые слова.

Случилось это в июле 2904 года. Сто лет спустя в июле 3004 года Арго всё ещё жил на Зеро. Но честно говоря, его трудно было бы назвать счастливым. Более того, он — в тоске и безнадёжно мечтает о том, как приятно было бы умереть от Чёрного Эликсира. Арго превратился в редкостное существо, вампира-оборотня. Вампиры кормятся исключительно кровью, и когда вены Последнего Колдуна опустели, пропитанию пришёл конец. Голод и жажда изводили Арго. Изводят они его и сейчас, но в миллион раз сильнее, потому что вампиры бессмертны. Их можно убить, пронзив сердце деревянным колом, но Зеро лишён растительности и здесь нет деревьев. Их можно убить серебряной пулей, но Зеро славится отсутствием драгоценных металлов. Их можно убить солнечными лучами, но, пребывая в тени Юпитера, Зеро никогда их не видит. И, вдобавок ко всему, ещё одно досадное обстоятельство не даёт Зеро покоя: вампиры спят только днём, но на Зеро не бывает дней.

The Long Night, 1961
Перевод: О. Звонова

Сонни Грей застонал, скрипя зубами, пронзительно завизжал... и проснулся. Несколько минут он неподвижно лежал, тяжело дыша и пытаясь вспомнить, что за чертовщина приснилась ему на этот раз, но вскоре сдался. Наверное, опять кошмары. Точнее, кошмар — тот же самый, что в последнее время с удивительным постоянством преследует его каждую ночь.

Ладно, сказал себе Сонни, проехали. В конце концов, это всего лишь сон.

Он улыбнулся, и его лицо, маленькое и невыразительное — из тех, которые даже при большом желании нельзя назвать привлекательными, — сразу преобразилось. Это была улыбка человека, знающего некую тайну, улыбка кота, только что слопавшего пяток толстых и сочных канареек.

Сонни сел на постели и, протерев глаза, посмотрел в окно. Дом находился на Сент-Айвз-драйв, чуть повыше Сансет-стрит, и из спальни открывался великолепный вид на Лос-Анджелес. Утро было ясное, и город лежал перед ним как на ладони. Вон Голливуд, кичливый и вульгарный, а дальше

начинается Беверли-Хиллз, застроенный роскошными виллами. Сонни потянулся и подумал, что жизнь прекрасна.

Впрочем, так было не всегда. Спустившись на кухню, он принялся готовить завтрак, вспоминая своё недавнее прошлое. Ужасное время! Время одиночества и ненависти к самому себе. Дни, наполненные тоской и отчаянием, ночи беспробудного питья и горьких слёз, постоянные мысли о самоубийстве... всё это осталось позади, растаяло, как дым.

Покончив с яичницей с ветчиной, тостами с маслом и кофе, Сонни промокнул губы салфеткой и удовлетворённо вздохнул. Под душем он не удержался и запел «Травиату», а приступив к бритью, посмотрел на себя в зеркало, рассмеялся и умилённо сказал своему отражению:

— Ах, ты, обезьянка! Маленькая противная обезьянка.

Сонни и в самом деле был похож на обезьянку. Раньше это некрасивое лицо, маленький рост, а затем и наметившаяся лысина вгоняли его в меланхолию, однако теперь внешность не имела для него ни малейшего значения.

Надев свежую пижаму и облачившись в халат, Сонни поднялся в кабинет, отпер ящик стола и достал записную книжку в кожаном переплёте цвета слоновой кости. Поглаживая мягкую кожу кончиками пальцев, он начал листать страницы, по давней холостяцкой привычке бормоча себе под нос:

— Так... суббота... Полная программа.

Сонни прошествовал в гостиную, посмотрел на часы над камином — было без пяти десять, и, опустившись в глубокое кресло, принялся терпеливо ждать. Ровно в десять он услышал, как у дома, скрипнув тормозами, остановилась машина, и в дверь тихо постучали.

— Минута в минуту, — с довольной улыбкой заметил Сонни и пошёл открывать.

День начался точно по расписанию.

В половине первого зазвонил телефон.

— Алло? — спросил Сонни.

— Это Милли Ван Бюстенхальтер. Сейчас у меня в гостях подруга, Сандра Шарно... Она хотела бы с вами поговорить.

— Отлично. Передайте ей трубочку.

— Алло? — после короткой паузы произнёс приятный девичий голос. — Мистер... э...

— Насколько я понял, вас зовут Сандра Шарно? Надо полагать, у вас какая-то проблема, и вам требуется моя помощь?

— Да, Милли говорит, что вы добиваетесь поистине поразительных результатов, а я просто в отчаянии...

— Вот что, мисс Шарно. На углу Сансет-стрип и Догени есть кафетерий. Вы сможете быть там... скажем, через час?

— Угол Сансет и Догени? — нерешительно переспросила девушка.

— Да, маленький такой кафетерий. Я буду сидеть за столиком со стаканом молока. На мне будет тёмный костюм, красный галстук, в петлице — белая гвоздика.

— Даже не знаю...

— Решайте сами. Я буду там в любом случае. Придёте — отлично, нет — дело ваше. Тёмный костюм, красный галстук, белая гвоздика.

— Хорошо. Ой, простите, а как вас...

— До встречи.

Положив трубку, Сонни быстро переоделся в тёмный костюм и повязал ярко-красный шёлковый галстук с гранатовой заколкой. Вспомнив, что вчера у цветочника гвоздики кончились, и тот прислал вместо них розы, он пожал плечами, взял одну из букета, стоявшего в вазе на пианино, и аккуратно вставил её в петлицу. Сойдёт и так.

Он уже допивал молоко, когда в кафетерий вошла стройная длинноногая девушка. Нервно оглядевшись по сторонам и заметив Сонни, она направилась к его столику, цокая каблучками и покачивая маленькой сумочкой из крокодиловой кожи. Её лицо было напряжено, под глазами темнели чёрные круги — скорее всего, от бессонницы. Косметикой она не пользовалась, но такой красавице этого и не требовалось.

— Мисс Шарно? — вежливо улыбнулся Сонни.

— Да.

— Я Халстед Грей. Садитесь, пожалуйста. Чашечку кофе? Нет? Ещё что-нибудь? Что ж... Давайте сразу проясним две вещи. Во-первых, я не врач и не выдаю себя за такового.

Во-вторых, я не беру денег. Я всего лишь оказываю любезности моим друзьям, таким, как Милли. Или друзьям моих друзей, в данном случае вам. Понимаете?

— Да, мистер Грей, — смущённо кивнула Сандра Шарно. — Это очень великодушно с вашей...

— Вот и славно. Тогда пойдёмте. — Сонни залпом допил молоко и поднялся. — Это ваша машина снаружи?

Своего адреса он называть не стал, и девушка вела машину, следуя его указаниям.

— Мистер Грей, если вы не берёте денег, как же вы зарабатываете на жизнь? — немного погодя спросила она.

— Никак, — усмехнулся тот. — Однако это вовсе не означает, что я бездельник, ведь благотворительность — занятие непростое. Мой отец, Халстед Грей-старший, оставил мне небольшое состояние. Довольно скромное, но оно позволяет мне не думать о деньгах. — Это был отрепетированный монолог, и Сонни знал его наизусть, тем более, что это было чистой правдой.

Когда они вошли в гостиную, он усадил Сандру в удобное кресло и поставил пластинку Делиуса.

— Почему бы вам не снять туфли? Пусть ноги отдыхают... Итак, в чём заключается ваша проблема?

Сандра прижала ладони к вискам.

— У меня жуткие мигрени, такие, что голова просто раскалывается. Вот и сейчас тоже. А завтра у меня просмотр. И каждый раз перед просмотром...

— Вы актриса?

— Танцовщица. У меня появилась возможность попасть в популярнейшую телепрограмму, а тут...

— Всё ясно, — кивнул Сонни. — Что ж, попробуем. Кстати, сколько вам лет?

— Двадцать.

— Что вам известно о моём методе?

— Ничего. Милли сказала только, что вы великий...

— Это гипноз, и не более того, — пояснил он. — Я сниму вам головную боль, и на завтрашнем просмотре вы будете чувствовать себя отлично, но предупреждаю сразу — рано или поздно ваши мигрени вернуться. Я могу воздействовать лишь

на следствие, но не на причину. Как видите, я с вами абсолютно откровенен.

Сандра молча кивнула.

— Мне потребуется ваше полное содействие. Не сопротивляйтесь. Вам удобно? Хорошо, приступим... Расслабьтесь и прислушайтесь к музыке... Она очень успокаивает... такая нежная, приятная мелодия, так и кажется, что вас подхватывает мягкая волна... Видите заколку на моём галстуке? Этот камень называется гранат... прекрасный гранат... как же приятно на него смотреть, он притягивает ваш взгляд... завораживает... вы в нём тонете... всё глубже... глубже... Смотрите на него... внимательно... внимательно... и пока вы на него смотрите, вы погружаетесь в сон... глубокий... глубокий сон... Ваше тело расслабляется... полностью расслаблено... Ноги становятся тяжёлыми... очень, очень тяжёлыми... руки тоже тяжелеют... тяжелеют... веки опускаются... глаза устали... вот они начинают закрываться... закрываются... закрываются... закрылись... Вы спите.

Дыхание девушки стало медленным и ровным. Убедившись, что гипноз подействовал, Сонни на цыпочках вышел в кабинет и через минуту вернулся с записной книжкой и карандашом.

— Как вас зовут? — спросил он, листая страницы.

— Сандра... Сартелли...

— Сколько вам лет?

— Двадцать... два...

— Умница, Сандра, вы всегда должны говорить мне правду. Запомните хорошенько. Правду, и ничего, кроме правды. Вы замужем?

— Нет...

— Бываете ли вы свободны... так... днём по четвергам?

— Нет...

— Почему?

— Уроки танцев...

— Ага! В таком случае, свободны ли вы между десятью и одиннадцатью по пятницам?

— Да...

Сонни сделал пометку в записной книжке.

— Слушайте внимательно. В следующую пятницу вы сделаете всё от вас зависящее, чтобы оказаться в этом доме к десяти утра. В разумных пределах, разумеется. Это значит, что вы постараетесь — и хорошенько! — сделать так, чтобы утро каждой пятницы всегда было у вас свободным. Однако если у вас возникнут препятствия, вы почувствуете, что приезжать не стоит, и перенесёте свой визит на следующую пятницу, на десять утра. А теперь повторите.

— В следующую пятницу...

Слушая Сандру, Сонни в который раз похвалил себя за предусмотрительность. Если субъекту дать установку на выполнение непосильной задачи, это может привести к опасным последствиям. Что, если в этот момент она будет лежать в больнице на операции? Или окажется в другом городе, например, на гастролях? Невозможность приехать к Сонни вызовет у неё тяжелейшую истерику.

— ...перенесу визит на следующую пятницу, на десять утра.

Что ж, в следующую пятницу надо будет провести ещё один сеанс внушения, а сейчас пора завершать «инструктаж».

— Когда вы уйдёте отсюда, — медленно и внятно заговорил Сонни, — то поедете прямо домой. На первом зелёном светофоре вы забудете мой адрес. На втором зелёном светофоре вы забудете мой телефон. На третьем — моё имя. Когда вы ляжете спать, вы напрочь забудете, как выгляжу я, как выглядит этот дом, и что вы вообще были здесь. Повторите... — Теперь даже если они случайно столкнутся на улице, она ни почём его не узнает. — Утром в пятницу вы неожиданно вспомните, где находится этот дом, и легко его найдёте, хотя не будете знать ни адреса, ни номера телефона, ни моего имени. Повторите... Если кто-нибудь спросит, куда вы направляетесь, вы ничего не скажете, потому что сами не будете знать. Вместо этого вы придумаете отговорку, причём самую что ни есть правдоподобную. Повторите... — Через пару месяцев Сонни поменяет день и час её еженедельных визитов, чтобы её постоянное отсутствие в одно и то же время не привлекало внимания. — Запомните слово — «Ксанаду». Если вы

его где-нибудь услышите или прочтёте, то никак не отреагируете. Но услышав его от меня, немедленно погрузитесь в глубокий транс — такой, в каком вы пребываете сейчас. Когда я, и только я, скажу — «Ксанаду». Повторите... А теперь встаньте, Сандра. — Девушка повиновалась, и Сонни взял её за руку. Пойдёмте со мной. — Поднявшись в спальню, он усадил её на кровать и сел рядом. — Сандра, вы должны быть со мной предельно откровенны и честно отвечать на мои вопросы. Крайне важно, чтобы вы были абсолютно честны сами с собой, а значит, и со мной... Я хочу, чтобы вы вспомнили всех мужчин, с которыми были знакомы... скажем, за последние шесть лет. Точнее, только тех из них, кто для вас что-то значил... о ком вы много думали, мечтали, даже если не встречались с ними лично. Поройтесь в своей памяти, Сандра. Вспоминайте, одного за другим.

Пока девушка вспоминала, Сонни встал и, закурив сигарету, подумал, как же всё-таки ему повезло. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что этого могло и не произойти, и чувствовал себя в вечном долгу перед судьбой. Его Величество случай... Если бы полгода назад, когда он сидел дома, изнывая от скуки перед телевизором, ему не позвонил знакомый писатель Клейтон Хорн с приглашением на вечеринку! Если бы Хори не поддался на уговоры гостей продемонстрировать свои способности к гипнозу! Однако, подумал Сонни, с улыбкой наблюдая за плавающими в воздухе кольцами дыма, всё произошло именно так, как произошло.

— Ну ладно, ладно, уговорили, — согласился тогда Хорн. — Только попрошу уважаемую публику воздержаться от шуточек. И ещё — я не волшебник и ничего не обещаю. Иногда получается, иногда — нет. Ничего сверхъестественного — обычная научная техника.

— Спорю на двадцатку, что у вас ничего не выйдет, — хитро прищурился Сонни.

— Никаких пари. Я спорю, только когда уверен в успехе, а тут... сами понимаете. Итак, есть желающие? Может быть, вы, Сонни?

— Нет уж, я лучше посмотрю.

Хорн повернулся к высокой брюнетке с фигурой манекенщицы.

— Мэвис, а ты что скажешь? По ряду причин девушки легче поддаются гипнозу.

— Дорогая, не соглашайся! — в шутовском ужасе воскликнул её приятель Руди. — Стоит тебе оказаться в его власти, как он заставит тебя вытворять всё, что ему вздумается.

— А вот и нет! — засмеялась Мэвис. — Я где-то читала, что гипнотизёр не может заставить человека пойти против его моральных принципов. Ведь верно. Клей?

Хорн улыбнулся.

— Вообще-то, существуют способы, позволяющие обойти...

— А кроме того, старушка, — перебил его Руди, — тогда мы узнаем о твоих моральных принципах всё!

Все рассмеялись — наверное, громче, чем следовало, потому что Мэвис, смутившись, покачала головой. Хорн повернулся к тихой, ничем не примечательной девушке, за весь вечер не сказавшей почти ни слова.

— А вы, Дорис? Давайте, смелее.

Та явно колебалась.

— Я не против, но мне давно пора домой. У меня ужасно болит зуб.

— Отлично! Доктор Хорн мигом его вылечит. Садитесь и снимайте туфли. Вот так. Удобно? Нет-нет, ноги не скрещивайте — это затрудняет кровообращение, и вы можете проснуться в самый неподходящий момент. Я уже проделывал это раньше, и довольно успешно. Впрочем, раз на раз не приходится. Однако самое смешное заключается в том, что никто никого не гипнотизирует — на самом деле люди гипнотизируют сами себя. А так называемый гипнотизёр им лишь помогает. Дорогая, у меня ничего не получится, если вы сами этого не захотите, понимаете? Если вы боитесь...

— Ничего я не боюсь! — мотнула головой Дорис. — Просто мне это кажется немного глупым.

— Вот и замечательно. Я вовсе не против, чтобы вы считали это глупым. Вполне естественная реакция. Даже нормаль-

ная, если уж на то пошло. Заодно это поможет вам расслабиться. Читайте, что мы просто валяем дурака, а вы только мне подыгрываете, чтобы не огорчать, договорились?

Сонни с изумлением наблюдал, как Дорис закрыла глаза, всё глубже погружаясь в транс. Хорн делал с ней, что хотел: заставлял мяукать как кошка, хохотать, бегать по комнате, плакать. Затем, подмигнув её кавалеру — молодому человеку по имени Джо, он сказал ей, что в комнате становится всё жарче — двадцать пять градусов... тридцать... тридцать пять... и Дорис начала расстёгивать блузку.

— Минутку, Клей! — забеспокоился Джо.

Хорн засмеялся и повернулся к Дорис.

— Температура снижается. Тридцать градусов... двадцать пять... двадцать...

Дорис застегнулась, и Хорн указал на неё Мэвис.

— Теперь понимаешь, что я имел в виду, говоря о моральных принципах? Если бы я её не остановил, она бы сняла с себя всё. Но прикажи я ей просто раздеться, она бы не подчинилась. — Он вновь повернулся к Дорис. — Когда я вас разбужу, вы не будете ничего помнить из того, что сейчас произошло. Ваша зубная боль полностью исчезнет. Вскоре после того, как вы проснётесь, Джо предложит вам сигарету. Доставая её из пачки, вы запоёте припев из «Звёздно-полосатого знамени». Я сосчитаю до пяти. На счёт «пять» вы проснётесь. Один... два... три... четыре... пять!

Первое, на что она обратила внимание, — зубная боль прошла. Хорн подробно объяснил ей, что он устранил лишь следствие, но не причину, и взял с неё слово, что завтра утром она первым делом отправится к дантисту.

Сонни глазам своим не мог поверить. Выбрав подходящий момент, он отвёл Хорна в сторону, чтобы выразить своё восхищение его магическими чарами.

— Магия, шмагия, — проворчал тот. — Я ведь не шутил, когда сказал, что самое потрясающее в гипнозе именно то, что это невероятно легко. Несколько фраз и жестов, которые ничего не стоит заучить, определённая сила убеждения, сотрудничество со стороны субъекта, и пожалуйста — вы уже гипно-

тизёр. Вспомните, в детстве вам наверняка попадались брошюры по десять центов с названиями типа «Как стать гипнотизёром»? Мы ведь всегда считали, что это псевдонаучная чушь. Так вот — ничуть не бывало. Вы и в самом деле можете научиться гипнозу по десятицентовой книжке. Любой может. В том числе и вы.

«В том числе и вы». Сказав это, Хорн, сам того не зная, изменил всю жизнь Сонни. Несколько дней тот усердно изучал основы, а неделю спустя уже демонстрировал свои первые успехи на очередной вечеринке у Хорна. Затем последовало несколько неудач, которые многому его научили, — например, как расположить к себе субъекта. А затем Сонни осенило — ведь этот новый талант можно использовать не только для развлечения гостей на вечеринках...

Затушив сигарету в пепельнице, Сонни подошёл к Сандре и сел рядом с ней.

— Итак, дорогая моя, надеюсь, вы никого не пропустили? — покровительственным тоном поинтересовался он. — А теперь скажите, с кем из всех этих мужчин вам больше всего хотелось бы заняться любовью?

— С Бобом... — после секундной паузы ответила девушка.

— Кто такой Боб?

— Боб... Ричи...

— И кто же такой этот самый Боб Ричи?

— Чемпион... по баскетболу... в нашей школе...

Сонни печально покачал головой. Никто. Пустое место. Вот и пойми этих женщин. Ну почему объектом их фантазий чаще всего оказываются здоровенные бугаи с горой мышц и минимумом мозгов, а не куда более достойные люди вроде Рока Хадсона, Джона Гленна или, скажем, Роберта Кеннеди? Что ж, ладно, Боб Ричи, так Боб Ричи.

— Вы давно с ним не виделись?

— Со школы...

— По-видимому, Боб был очень симпатичным молодым человеком, популярным среди одноклассников?

— Да...

- Вы с ним встречались?
- Несколько раз...
- А когда-нибудь занимались с ним любовью?
- Не... совсем...
- Но хотели бы?
- Да...
- Значит, вы любите Боба всем сердцем?
- Да...
- И вы сделаете для него всё, выполните любое его желание, потому что любите его и хотите, чтобы он был счастлив?
- Да...
- У него было для вас какое-нибудь ласковое прозвище?
- Шоколадка...
- Из-за цвета ваших глаз?
- Да...

Сонни медленно выдохнул, встал и неторопливо разделся. Затем снова сел рядом с Сандрой и, нежно обняв её за талию, вкрадчиво заговорил:

— Привет, Шоколадка, это я, Боб...

Лёжа в темноте рядом с Сандрой, Сонни размышлял о том, что только что произошло между ними. Да, многие сочли бы его негодяем — ведь он обманом соблазнял этих доверчивых дамочек, делал их беспомощными с помощью «злой чёрной магии» и безжалостно отбирал у них «самое святое».

Что ж, если зло волшебным образом изменило его жизнь, если он из одинокого, усталого и отчаявшегося человека превратился в бодрячка, распевающего по утрам под душем «Травиату», пусть его считают негодяем.

Сонни посмотрел на Сандру. Девушка крепко спала с умиротворённой улыбкой на лице. Ещё бы — ведь она столько лет хранила в душе любовь к Бобу Ричи, и сегодня её самое заветное желание наконец исполнилось. Благодаря ему! Если это грех, подумал он, то пусть его считают грешником.

К тому же он не делал с ней ничего такого — никаких извращений, садизма и прочих мерзостей. Что же, в таком случае, тут плохого? Кто от этого пострадал? Сандра? Боб Ричи?

Он сам? Никто не пострадал, мало того, двое даже испытали огромное наслаждение.

Конечно, будь у него побольше гордости (Сонни поморщился) и не проживи он столько лет брошенным всеми изгоем (Сонни вздохнул), наверное, сейчас ему было бы стыдно за то, что его любили не таким, «какой есть», а лишь за маску Боба Ричи. Впрочем, что толку привередничать и забивать себе голову всякими психологическими штучками-дрючками? Нищие лишены права выбора. И что значит — любить его «какой есть»? Что в первую очередь привлекает женщин в мужчинах? Внешность, шарм, деньги, власть — всё то, чем обделила Сонни судьба. А раз так, пусть его любят хотя бы за то, что он по своему желанию может превратиться в того же Боба Ричи.

Он включил лампу, медленно стянул с девушки простыню и, прислушиваясь к её мерному дыханию, несколько минут восхищённо рассматривал её обнажённое тело. Лёгкий румянец на щеках, все эти бугорки и впадинки, плавно перетекающие друг в друга, прохладная шелковистая кожа... Настоящий шедевр, как всегда в таких случаях, он почувствовал горячую благодарность к девушке, и у него перехватило горло от избытка чувств.

Сонни встал, оделся и, по-прежнему оставаясь для Сандры «Бобом», сказал, что им пора собираться, а затем, с нежностью наблюдая за ней, добавил:

— Шоколадка, очень скоро мы с тобой увидимся вновь, но сейчас мне надо отвезти тебя к мистеру Грею.

Взяв девушку под руку, он отвёл её в гостиную и усадил в кресло, возле которого стояли её туфли.

— Достаньте из сумочки расчёску и причешитесь... Сядьте... Вы помните мои указания насчёт адреса и номера телефона? Повторите...

— Когда я отсюда уйду... то поеду прямо домой. На первом зелёном светофоре... я забуду ваш адрес. На втором зелёном светофоре... я забуду ваш номер телефона.

— Замечательно. Теперь слушайте внимательно. При определённых обстоятельствах вы должны вспомнить номер моего телефона— СР 2-3041. Повторите.

— С... Р... два... три ноль четыре один...

— А вспомните вы его в том случае, когда кто-нибудь из ваших подруг пожалуется на плохое самочувствие. Головные боли, бессонница, депрессия, беспричинное беспокойство, захотелось бросить курить. Узнав об этом, вы расскажете им о своём знакомом, который может им помочь. Вы не назовёте им ни моего имени, ни адреса, ни телефона, поскольку сами не будете их помнить, но едва снимете телефонную трубку, мой номер возникнет у вас перед глазами. Если вы услышите сигнал «занято», то перезвоните ровно через пять минут. Если ответа по-прежнему не будет, вы положите трубку и позвоните в другой раз. Если же я отвечу, вы скажете: «Это Сандра Шарно. У меня сейчас подруга, которая хотела бы с вами поговорить», а затем передадите трубку ей. Как только вы это сделаете, тут же забудете мой номер. Повторите. Умница! А теперь, Сандра, слушайте очень внимательно. Ваши подруги, которых вы будете направлять ко мне, должны быть не замужем. — Говоря это, Сонни вовсе не испытывал гордости по поводу своей нравственности. Просто у замужних женщин куда меньше свободного времени, не говоря уже о том, что муж может чертовски осложнить ему жизнь. — Незамужние женщины, — повторил он, — молодые и симпатичные, с приятной внешностью и фигурой, такой же, как у вас. Никаких других. Повторите.

Выслушав Сандру до конца и убедившись, что её одежда в полном порядке, Сонни сказал:

— Сейчас я сосчитаю до пяти. По счёту «пять» вы проснётесь и не будете помнить ничего из того, что произошло, пока вы спали. Ваша головная боль полностью исчезнет, и завтра во время просмотра вы будете чувствовать себя свежей и отдохнувшей. Один... два... три... четыре... пять!

— О! — произнесла Сандра, открыв глаза. — Всё прошло. Как же мне хорошо!

Сонни скромно улыбнулся.

— Рад, что сумел вам помочь.

— Мистер Грей, это просто потрясающе! — Сандра проворно натянула туфли и вскочила с кресла. — Даже не знаю, как мне вас благодарить!

— И не стоит, — заверил её Сонни. — А сейчас, если позволите, у меня ещё куча дел. — Он галантно подвёл её к двери.

Заметив телефон на столике в прихожей, Сандра резко остановилась и положила руку на застёжку сумочки.

— Не возражаете, если я запишу ваш номер?

— Я сам вам запишу, — быстро сказал Сонни, доставая блокнот и ручку. Он сделал вид, будто что-то записал, вырвал листок и, сложив его вчетверо, засунул поглубже в сумку. — Пожалуйста.

У двери Сандра обернулась.

— Ещё раз огромное вам спасибо, мистер Грей.

— Это вам спасибо, — невозмутимо ответил Сонни.

Вот и славно, подумал он, запирая за ней дверь. Ещё одна охотница, которая активно займётся поисками первоклассного пополнения для его конюшни, которая будет не только исправно посещать его в назначенное время, но и, в свою очередь, подбирать ему новые кадры. А если получится перебор (записная книжка быстро заполнялась именами), можно прополоть «грядку» до разумного количества, стерев из памяти некоторых девушек команду вернуться на следующей неделе. Наконец-то его самая сокровенная мечта сбылась — они приходили к нему сами, готовые выполнять любые его желания, и при этом не требуя взамен абсолютно ничего. Да, со счастливым вздохом подумал Сонни, поднимаясь наверх, всё-таки самое замечательное во всём этом плане — его простота.

Он подошёл к окну. На улице начало смеркаться, и город был похож на клубок сверкающих ожерелий на чёрном бархатном фоне. Все они где-то там — маленькие марионетки, послушные его невидимым нитям. И число их растёт в геометрической прогрессии — так, кажется, говорят математики. Сонни тихо засмеялся. Невероятно! Они принадлежали ему, некрасивому Сонни Грею! Ведь город, на сколько хватало глаз, был его тайным гаремом, которому позавидовал бы любой! Танцовщицы, актрисы, фотомодели — тонны упругой юной плоти, легионы красавиц, его империя, его Ксанаду!!!

И никто ничего не заподозрит. Даже его марионетки. Ни одна душа на свете.

Что-то он сегодня устал. А ведь завтра предстоит ещё один напряжённый день. Сонни зевнул, разделся, лёг в постель

и уже начал засыпать, но не тут-то было — в прихожей раздался звонок. Недовольно ворча, он встал, сунул ноги в шлёпанцы и, натягивая халат, спустился вниз. Звонки продолжались с интервалами в несколько секунд. Сонни посмотрел на часы — без двадцати час.

— Кто там?

— Полиция Лос-Анджелеса. Откройте, мистер Грей.

Сердце Сонни подпрыгнуло, пропустив такт. Дрожащей рукой повернув ключ в замке, он приоткрыл дверь, и на душе у него сразу полегчало — на крыльце стоял вульгарного вида тип в потрёпанном дешёвом костюме, с рябой физиономией и неровно подстриженными усами.

— Вы не из полиции, — сказал он.

— Нет, мистер Грей, — нахально ухмыльнулся незванный гость. — Однако мне кажется, нам всё же стоит поговорить.

— Убейтесь, или я вызову полицию.

— Не вызовите.

— Что вы себе возомнили, чёрт побери?! Кто вы такой?

— Допустим, меня зовут мистер Ксанаду, — осклабился тот, показывая жёлтые прокуренные зубы. — Как вам такое начало?

На секунду Сонни показалось, что земля уплывает у него из-под ног. Но только на секунду.

— Что вам угодно?

— Поговорить, не более того. Не бойтесь, я не кусаюсь.

Сонни нехотя приоткрыл дверь пошире. Кто он такой — чей-то муж, любовник, отец? Как он узнал? Высокий и мускулистый — такой справится с ним одной левой. Нет, так нельзя, надо взять себя в руки. Может быть, это вообще не имеет никакого отношения к его девушкам. Но если так, то тогда что?..

Незнакомец окинул взглядом гостиную, одобрительно кивнул, без приглашения уселся в кресло и, достав из кармана пакетик жевательной резинки, протянул его Сонни. Когда тот отрицательно мотнул головой, незнакомец развернул две пластинки, сунул их в рот и, методично чавкая, промычал:

— Бросаю курить.

Выждав несколько томительных секунд, Сонни спросил:

— О чём вы хотели поговорить, мистер...

— Мистер Икс вполне сойдёт. Перейду прямо к делу. Я частный детектив, специализируюсь на разводах... не пугайтесь, мне никто не поручал за вами следить. Пару недель назад я взял один заказ. От бывшего мужа, очень ревнивого и малость тронутого, который до сих пор сохнет по своей жёнушке-блондинке и хочет знать, куда это она ездит каждый вторник к трём тридцати, с кем встречается и чем занимается. Бетти Сандерсон, помните такую? Надо думать, помните. Что ж, плёвое дело — засунуть ей в сумочку «жучка» и проследить за ней. И что вы думаете? Она приезжает сюда, по этому самому адресу. Я ставлю машину напротив, в нескольких домах отсюда, и слушаю — это очень мощный «жучок», передаёт сигнал почти на полмили. Сижу, настраиваю приёмник и вдруг слышу мужской голос. Как и предполагалось. Но что он говорит? Не обычную ерунду типа «Крошка, как насчёт бокала шампанского?», нет. Ксанаду, Ксанаду, Ксанаду! Что за чертовщина такая, спрашиваю я себя? И скоро всё становится ясно. Что ж, своему клиенту я сказал, что по вторникам она ездит к парикмахерше. Но насчёт вас у меня возникли кое-какие мыслишки, и как-то вечером, когда вас не было, я присобачил к вашей двери «жучка». Не люблю такие микрофоны, они улавливают много постороннего шума, но порой весьма полезны. И на следующий день я записал такую плёночку, что закачаешься! А потом ещё одну. И ещё одну...

Мистер Икс перевёл дыхание, и на секунду Сонни показалось, что это всё дурной сон, что такого просто не может быть.

— Того, что я услышал, хватило с лихвой, — продолжал мистер Икс, — чтобы получить полное представление о том, что здесь происходит. Перед тем, как заключить сделку, я люблю знать всё до последней мелочи.

— Сделку, — повторил Сонни.

— Совершенно верно, мистер Грей, сделку.

— Понятно. Послушайте, у вас почему-то сложилось впечатление, что я богатый человек. Вы ошибаетесь. Я живу на скромную ренту, которая меня вполне устраивает. На жизнь хватает, но богачом меня уж точно не назовёшь.

— Разве я просил у вас денег?

— Давайте не будем тянуть кота за хвост. Вы же не будете отрицать, что собираетесь меня шантажировать? И пожалуйста, давайте без ханжества, мол, шантаж — это слишком грубое слово. По вашему виду и так всё ясно.

Мистер Икс рассмеялся.

— Ясное дело, я собираюсь вас шантажировать. Но бывает разный шантаж.

Сонни вздохнул.

— Двадцать минут назад вы обещали, что перейдёте прямо к делу. Пока что я не вижу...

— Оставьте ваши деньги себе, — отмахнулся Икс. — Я хочу свою долю.

— То есть?

— Свой кусок пирога. Что ни говори, а пироги у вас что надо — настоящие сдобные булочки: Бетти Сандерсон, Сандра Шарно, Милли ван Бюстенхальтер и так далее. И я хочу, чтобы вы немного поделились ими со мной, только и всего.

— Вы предлагаете...

— Мистер Грей, вы прекрасно понимаете, что я предлагаю. — Икс встал. — Извините, что поднял вас с постели. Я пойду, уже поздно. Но позвоню вам завтра, и мы обговорим первый кусочек. — Гадко ухмыльнувшись, он направился к двери. — Помните ту, что ходит к вам по понедельникам, вечерами? Ну та, рыженькая, Кэролайн? Я очень на неё западаю, мистер Грей. Знаете, что я собираюсь с ней сделать? Сначала...

Когда Икс наконец замолчал, у Сонни мелькнула мысль, что ужасы, запечатлённые на полотнах Иеронима Босха, — это, пожалуй, ещё не самое страшное.

— Какая же вы мразь! — выкрикнул он дрожащим от ярости голосом. — Гнусная свинья! Вон отсюда! Если вы серьёз думаете, что я буду участвовать...

— Будете, и ещё как! Иначе вашим играм конец. Вы же не хотите, чтобы я вам всё испортил, и чтобы кое-кто узнал, что вы тут вытворяете? Неужели вы пойдёте на то, чтобы я вас заложил и спокойно наблюдал, как вы идёте ко дну? Нет, мистер Грей, не думаю. Будете участвовать как миленький. Вам это вряд ли понравится, но тут уж ничего не попишешь.

Он прав, подумал Сонни, после того как Икс ушёл, и медленно, словно постарев на десять лет, начал подниматься в спальню. Придётся подчиниться.

Остановившись на лестнице, он вспомнил свой сон. Обычно он забывал его сразу после пробуждения, но сейчас вспомнил с ужасающей отчётливостью. Будто бы он голый, и хотя находится у себя дома, в своём дворце удовольствий, все стены — стеклянные, а вокруг толпы людей, которые, указывая на него пальцами, издевательски хохочут над ним, над его наготой. Они радуются его унижению и страданиям, его тайну знает весь мир. А потом стекло покрывается трещинами и разлетается на сотни сверкающих острых осколков, и вот уже стены его Ксанату рушатся с оглушительным грохотом...

Совсем как сейчас.

Нет, нет! Сонни даже застонал. Он заслужил свою долю маленьких удовольствий, заплатив за неё сорока тремя годами одиночества. Он не может позволить этому случиться — ни с ним, ни с этими красивыми беспомощными девушками. Неужели он это допустит?! Должен же быть какой-то выход!!!

— Ну, и где эта девка? — спросил мистер Икс, закуривая.

— Кэролайн? Скоро приедет.

— Это в ваших же интересах. Знаете, я вот тут подумал... Где-нибудь на этой недельке надо будет устроить так, чтобы приехали две или три сразу. Вы меня понимаете? Будет очень интересно!

Сонни смущённо улыбнулся.

— Вы не поверите, но... подобная мысль никогда не приходила мне в голову.

— Это не беда. У меня таких идей полным-полно.

— Буду с вами совершенно откровенен. Вначале ваше предложение меня возмутило. Но сейчас я вынужден признать, что оно представляет определённый интерес. — Сонни подался к Иксу, возбуждённо блестя глазами. — Видите ли, я всегда чувствовал, что мне кое-чего не хватает. И знаете, чего? Поделиться этим с другими. Мне приходилось держать это в тайне, но постепенно я понял, что если не открою кому-нибудь свой секрет, меня просто разорвёт на части. Меня даже начали

одолевать кошмары! Но теперь всё изменится, уверяю вас. Теперь мы с вами... так сказать, партнёры.

— Точно. Настоящие компаньоны.

— Мы можем потом обсуждать наши приключения, строить совместные планы. Я по характеру человек консервативный и никогда бы не додумался пригласить сразу нескольких девушек, зато у вас очень живое воображение.

— Что есть, то есть.

— Так что, в каком-то смысле вы открыли для меня новые горизонты, точно так же, как и я для вас. У каждого из нас есть чем поделиться. Это будет взаимовыгодное сотрудничество.

— Вот-вот.

— Кстати, по-моему, вы говорили, что бросаете курить.

— Что? — Икс посмотрел на свою сигарету. — Чёрт возьми! Проклятая привычка. Сам не заметили, как закурил. Похоже, от неё уже не избавишься.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Сонни. — Когда-то у меня была точно такая же проблема. Выкуривал по две пачки в день.

— И просто так взяли да бросили? Вот так просто?

— Представьте себе, без труда. Самогипноз. Точно таким же способом я избавляю девушек от их мигреней и прочих недугов. Кстати, раз уж мы вспомнили о девушках... я давно хотел попробовать одну позицию, но всё как-то не решался. Кладёте её...

— Пойдите-ка! — перебил его Икс. — Вы говорите, что бросили курить. То есть, это можно сделать с помощью гипноза?

Сонни скромно пожал плечами.

— Можно и так сказать. Но вообще-то это до смешного просто. Гипнотизёр внушает курильщику, что у табачного дыма крайне неприятный и даже тошнотворный запах. Вот, собственно, и всё. Зато какие перспективы! Например, половой акт под самогипнозом — это же просто фантастика! Правильно внушённая мысль способна... э... как бы это сказать... в значительной степени продлить удовольствие, понимаете?

Мистер Икс понял его очень хорошо.

— Слушайте, Сонни... Ничего, что я называю вас Сонни? Насчёт сигарет... вы можете то же самое проделать со мной?

— Трудно сказать. Если вы восприимчивый, думаю, что смогу. Но если вы будете сопротивляться, хотя бы чуть-чуть, если у вас нет страстного желания, ничего не выйдет.

— Ну да, ну да.

— Вы помогаете гипнотизёру, он помогает вам.

— Как вы это сделаете?

— Не я, а мы. Мы же партнёры. Для начала я попрошу вас посмотреть на мою заколку для галстука. Этот камень называется гранат... прекрасный гранат... как приятно на него смотреть... он притягивает ваш взгляд... завораживает... вы в нём тонете... всё глубже... глубже...

Сонни проводил мистера Икса до двери всего за несколько минут до приезда рыжеволосой Кэролайн. Помахав ему на прощание, он постоял на крыльце, наблюдая, как тот садится в машину и исчезает за поворотом.

Мистер Икс поехал прямо домой. На первом зелёном светофоре он забыл адрес Сонни. На втором — номер его телефона. На третьем — его имя. Остановившись на красный свет. Икс увидел, как прямо перед его машиной улицу переходит девушка. Это была стройная блондинка не старше двадцати, с тонким изящным лицом, высокой грудью и длинными ногами, затянутыми в чёрные колготки.

От её вида мистера Икса чуть не стошнило.

Naked in Canada, 1964

Перевод: Д. Павленко

Иллюстрация: А. Остроменцкий

КТО ЛУЧШЕ?

Она была привлекательна, грациозна и уверена в себе. Впрочем, если бы она не обладала этими качествами, ничего бы не изменилось. Главное было в том, что она была женщиной. Решающим же явилось то, что, по имевшимся сведениям, она была последней женщиной.

Поэтому она была надеждой Земли и наградой, которую следовало добыть в поединке. Два её поклонника — последние представители мужского пола — готовились драться насмерть. Победитель должен был стать новым Адамом и начать новую жизнь в раю, покрытом руинами и пеплом.

— Отбросьте оружие, — сказала женщина. — Мёртвых было более чем достаточно. Давайте разумно решим, кто из нас лучше.

Один из мужчин — лысый и хромой — сказал:

— Меня зовут Джон, и именно я лучший представитель мужского пола. Правда, я, как говорится, не мальчик и выгляжу не столь привлекательно, как хотелось бы, да и на одно ухо плохо слышу. К тому же привязался ко мне этот кашель... И зубы у меня вставные. Я точно не знаю, кроме того, до какой степени мои гены поражены воздействием радиации. Но я образован, владею многими профессиями и, надеюсь, достаточно умён, принимая во внимание опыт моих лет.

— Спасибо, Джон, — сказала женщина сладким голосом. — А вы, молодой человек?

— Меня зовут Девятым, — сказал второй претендент — высокий и привлекательный, — но я вовсе не человек. Моё полное имя Девять Четыре Шесть Три Семь, запятая, Ноль Ноль Пять Два Восемь. Я андроид. Но я самый лучший мужчина.

Джон расхохотался.

— Лучший мужчина! Манекен с пластиковыми костями, химическим раствором вместо крови и искусственными мускулами! Смешно!

— Почему, Девятым, вам кажется, что вы лучший мужчина? — спросила женщина.

Девятый откашлялся.

— Не стану утомлять вас рассказом об истории роботов и андроидов, — начал он.

— Избавь нас, пожалуйста, от этого! — вмешался Джон.

— Но я уверен, что оба вы знаете, — продолжал Девятый, — о тех усовершенствованиях, которые имели место на протяжении нескольких последних столетий в технологии производства андроидов.

— У них появились глаза, которые функционируют, как нормальные глаза, а не объективы телевизионных камер... — небрежно сказал Джон.

— У них растут ногти и волосы, — вспомнила женщина.

— Они избавляются от съеденного и выпитого точно так же, как мы, — буркнул Джон и галантно добавил: — Извините, мисс.

— Они могут смеяться, плакать, — добавила женщина и улыбнулась.

— Совершенно верно, — согласился Девятый и тоже улыбнулся. — Мы стали намного более совершенными и поэтому, естественно, обладаем более ярко выраженными человеческими чертами. Ведь до сих пор человеческое тело и мозг являются машинами с наивысшим коэффициентом полезного действия. С некоторой натяжкой можно утверждать, что, по мере того как вы, люди, всё больше и больше теряли человеческий облик — у вас появились искусственные зубы, носы, пластиковые суставы и грудная клетка, не говоря уже о патологических изменениях под воздействием радиации, — мы антроиды, всё больше и больше становились похожими на людей. Ирония судьбы...

— Да, — сказал Джон, зевая от скуки.

— Послушай, Джон, — обратился к нему Девятый, — дело в том, что ты становишься старым и слабым, в то время как моё тело — хотя оно и искусственное — просуществует, при должном уходе, ещё сотню лет. Кроме того, я сильнее тебя, лучше тебя вижу и слышу, у меня более быстрая реакция. Всё это очень важно для построения нового мира. Так что, — развёл руками Девятый, — о чём тут спорить?

— Но ты забываешь об одном... — с достоинством произнёс Джон.

— Нисколько! — возразил Девятый. — Было время, когда нас, андроидов, собирали в лабораториях и на конвейерах, но, уверяю тебя, от этого отказались. Слишком дорого. Пока об этом знают немногие, но уже в течение некоторого времени более простым и дешёвым оказался способ конструирования андроидов таким образом, что они могут сами себя воспроизводить. Во время некоторых сверхсекретных экспериментов в лабораториях было реально доказано, что, по меньшей мере теоретически, мы можем даже... э-э-э... вступать в брак с женщинами.

— Ты хочешь сказать... — заикаясь и брызгая слюной, выдавил из себя Джон, — хочешь сказать, что вы способны с ними... совокупляться? Неслыханно! Мерзко... Давать потомство? Потомство человека и андроида? Это абсурд!

— Ты так думаешь? — улыбнулся Девятый. — Но это правда.

Красотка долго разглядывала приятного на вид, мускулистого Девятого, затем обернулась к хилому, кашляющему Джону.

— Боюсь, Джон, что Девятый прав, — сказала она с оттенком грусти. — Он лучший... мужчина.

В ответ Джон вздохнул, но ничего не ответил. Он медленно пополз в кружевную тень кустарника. Несколько мгновений спустя раздался одиночный выстрел и звук падающего на землю тела.

— Бедняга Джон, — сказала женщина. — Мне было его так жалко...

— Мне тоже, — подтвердил Девятый, — но такова жизнь.

Он отвёл свою невесту в хижину, которая теперь должна была стать их домом.

— Знаешь, — признался он, — я очень опасался, — что образованность Джона, его практичность и ум — что всё это может склонить чашу весов в его пользу...

— Так едва не случилось.

— Да, я знаю. Именно потому я придумал эту невинную выдумку — будто я андроид. Меня зовут не Девятый, а Билл. И я человек — на все сто процентов!

— Так я и думал! — торжествующе закричал Джон, появляясь из-за кустов. — Ты не только обманщик, по и дурак! Поверил, будто я застрелился...

Джон обернулся к красотке.

— Дорогая, неужели ты такое заслужила? Это же беспринципный человек! Олух с красивым телом... морально нечистоплотный и умственно неполноценный! И он лучший мужчина?

Женщина заколебалась, но это длилось только мгновение.

— Нет, Джон. Отцом новой расы должен стать человек умный и благородный. Ты лучший мужчина.

— Принимая во внимание то обстоятельство, что здесь нет судей и жюри присяжных, — заявил Джон, — я беру на себя ответственность за вынесение приговора Биллу за его лживость, ловкачество и преступления перед будущим человечеством. Приговор короткий — смерть!

Джон прострелил Биллу голову, и молодой поклонник упал бездыханным.

— А теперь, жёнушка, — сказал Джон, молодо поблёскивая глазами, — не будем терять драгоценного времени. Нужно дать начало новой расе людей. Я, признаться, не так молод и не столь привлекателен, как покойный Билл, но, думаю, ты скоро убедишься, что и в моём возрасте можно быть в хорошей форме.

— Ты, случайно, не андроид? — поинтересовалась женщина.

— Билл, между прочим, был абсолютно прав в том, что касается... э-э-э... совместимости человека и андроида, — заметил Джон. — Я затеял всю эту перепалку только потому, что мне не хотелось тебя терять. Таким образом, в действительности не было бы никакой разницы, если бы я был андроидом. Тем не менее, заверяю тебя, что я полноценный человек, если это имеет значение.

Женщина мило улыбнулась ему и взяла его за руку.

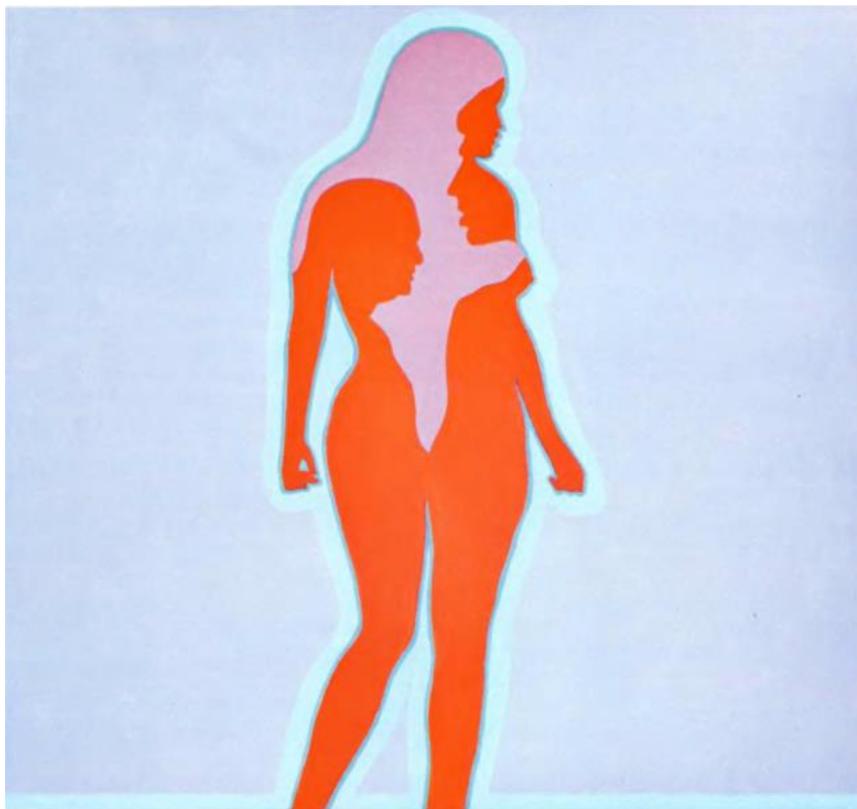
— Очень приятно, — сказала она. — Если это не имеет значения, то я не человек.

И чтобы сгладить впечатление, она наградила мужа великолепным натуральным поцелуем.

The Better Man, 1966

Перевод: А. Мельников

Иллюстрация: М. Хоффман

ОШИБКА ПРОФЕССОРА ФЭЙРБЕНКА

Первым пришёл Хаскелл, филолог, специализировавшийся по английской литературе елизаветинского периода. Профессором он стал всего месяц назад, но уже отращивал волосы, курил трубку, носил костюм из твида и принимал рассеянный вид, как полагалось по роли. Трубка постоянно гасла. Раскуривая её с громким чмоканьем и сипением, он сказал:

— Хэлло, Фэйрбенк, я не рано?

— Как раз вовремя, — ответил хозяин. — Остальные что-то запаздывают, но, наверное, сейчас придут.

Помогая Хаскеллу снять пальто, он спросил:

— Что будешь пить?

— Ирландскую, пожалуйста. Разбавьте чуть-чуть, но без льда, — ответил тот, неумело пыхтя трубкой.

Заслуженному профессору Маркусу Фэйрбенку, вдовцу, давно уже отошедшему от дел, минуло семьдесят, он был на добрых тридцать лет старше Хаскелла и поэтому не обращал внимания на его причуды.

— Присаживайся, я приготовлю питьё.

Вскоре собрались почти все. Вейсс, композитор, живший неподалёку, Грейнер, историк, и Темпл, художник, который был глух как пень. Все они занимались преподавательской деятельностью, но ни на ком, кроме Хаскелла, не лежал такой налёт академизма. Темпл скорее походил на мясника, и это сходство ещё больше усиливалось из-за пальцев, испачканных чем-то красным. Вейсс был похож на стареющего актёра — любимца публики, а Грейнер выглядел вечно недовольным брюзгой, каким он и был на самом деле. Все они в минувшем году присутствовали на похоронах жены Фэйрбенка.

— Будет кто-нибудь ещё? — спросил Темпл, наливая себе пива.

— Только Мак, — ответил Фэйрбенк.

— Билл Макдермот?! — воскликнул Вейсс. — Я его не видел целую вечность. Он задолжал мне пятёрку. Я, пожалуй, выпью виски, Маркус.

Преподобный Уильям Макдермот появился две минуты спустя, чопорно извинившись, сказал, что выпьет джина, и с мрачным видом отсчитал пять бумажек в протянутую руку весело ухмылявшегося Вейсса.

— Ты выиграл пари, старый пират. «Богему» действительно написал Леонкавалло. Я проверил. Получи свои презренные деньги, но я ещё подловлю тебя, помяни моё слово.

Повернувшись к Фэйрбенку, священник спросил:

— В чём дело, Маркус? Какого чёрта ты нас всех тут собрал?

— Я собрал вас для того, чтоб вы были свидетелями, — ответил Фэйрбенк. — Вы будете присутствовать при историческом событии. Вот твой мартини, Мак. А теперь, друзья, не пройдёте ли вы со мной?

С напитками в руках гости Фэйрбенка гуськом последовали за хозяином по узкой лестнице, ведущей в подвал, оборудованный под мастерскую. Фэйрбенк щёлкнул выключателем. Перед большим, накрытым не то чехлом, не то покрывалом предметом полукругом стояло несколько стульев. Преподобный Мак спросил:

— Что это за штука? Гроб?

— Или пианино? — добавил Вейсс.

Фэйрбенк улыбнулся композитору.

— Ты почти угадал. Садитесь.

Рассаживаясь, они обратили внимание на стену позади накрытого покрывалом предмета. В неё с большим искусством был вделан экран, напоминавший телевизионный.

Грейнер пробурчал:

— Надеюсь, ты притащил нас сюда не для того, чтобы смотреть телевизор?

— Это не телевизор, — успокоил его Фэйрбенк. — Я использовал принцип катода, но на этом сходство кончается.

— Я сгораю от нетерпения, — сказал Хаскелл.

Фэйрбенк встал перед экраном и по многолетней привычке лекторским тоном начал:

— Дорогие друзья! То, что вы сейчас увидите, — он обернулся к экрану, — есть результат адского десятилетнего труда...

— Прости, Маркус, — прервал его Темпл, — я не понял последней фразы, ты повернулся ко мне спиной.

Фэйрбенк встал к нему лицом и, чётко выговаривая слова, чтобы глухой художник мог читать по губам, повторил:

— Я сказал, что перед вами результат адского десятилетнего труда. Адского не только потому, что много времени я шёл по ложному пути — а это означает прекрасные идеи, рухнувшие под напором упрямых фактов, исследования, то и дело прерывавшиеся из-за недостатка средств, неудачи, следовавшие одна за другой, — но и потому, что сейчас здесь нет Телмы, делившей со мной горести и радости этого изнурительного труда, его... жертвы, которая по заслугам должна была бы разделить этот триумф.

Он на минуту запнулся, охваченный воспоминаниями, затем, взявшись за угол покрывала, окутывавшего загадочный предмет, сказал:

— Вы первые, кто видит, — и, рывком сдёрнув покрывало, закончил: — световой орган Фэйрбенка!

Взорам гостей предстал любопытный инструмент. На первый взгляд он ничем не отличался от обычного электрического концертного органа — орех под красное дерево, — который можно свободно купить в любом магазине музыкальных инструментов. Но при более пристальном рассмотрении можно было заметить в нём некоторые отличия от обыкновенного органа. У основания извивались толстые чёрные проводазмеи. Педали были сняты. Один из регистров целиком заменён множеством выключателей и всевозможных транзисторов. Надписи над клапанами и рычагами исчезли. На рычагах — переключателях гармоник — виднелись обозначения тысяч, миллионов и миллиардов, «медленная вибрация» и «частая вибрация» были заменены на «медленная смена изображения» и «быстрая смена изображения», «басы низкие» превратились в «общий план», а «флейты» в «крупный план», «арфы» стали «остановкой изображения». Вместо «банджо», «маримба»,

«гитара» и других стояли какие-то колючие закорючки, а магическое сокращение «беск» — бесконечность — было коряво нацарапано над тем, что когда-то было «переключателем диапазонов». И наконец, ко всему этому был присоединён экран.

— Чёрт побери! — пробурчал Вейсс. — Ты что, хочешь сказать, что ещё раз изобрёл световой орган? На экран во время исполнения музыкального произведения проецируют разные цвета? Скрябин говорил об этом много лет назад, но даже у него ничего не вышло.

Фэйрбенк покачал головой.

— Ничего подобного. Хотя за основу взят действительно подержанный электроорган. Но это лишь потому, что конструкция его как нельзя лучше удовлетворяет нашей цели. Скамья для сидения, обширное место для приборной панели, переключатели в удобных местах и легко переделываются. Но этот орган не играет, он молчит.

Профессор щёлкнул выключателем слева от клавиатуры. Под ногами гостей зазвучал басовитый гул и слегка завибрировал пол.

— Я бы этого не сказал, — заметил Грейнер.

— Это домашний генератор, — пояснил Фэйрбенк.

— Но как вы можете... — начал Хаскелл.

— Смотрите, — прервал его хозяин. — Смотрите на экран.

Он нажал несколько кнопок, покрутил один из дисков, затем взял молчаливый «аккорд» из трёх чёрных клавиш. Экран запульсировал. Сначала чисто белым цветом, затем огненно-красным, тёмно-синим, золотисто-жёлтым, и наконец всё смешалось в пляске.

— Абстрактное искусство? — спросил Темпл.

Цвета разделились, снова смешались, и неожиданно появилась картинка. Это было очень размытое движущееся изображение самого Фэйрбенка и его пяти друзей. С напитками в руках они сидели перед органом. Профессор тронул диск, и изображение стало чётким.

— Домашнее телевидение, — хмыкнул Грейнер, оглядываясь в поисках скрытой телекамеры.

— Подождите, — сказал преподобный Мак. — Это мы, верно, и комната эта, но не сейчас. Смотрите, орган ещё закрыт покрывалом. Это то, что происходило здесь пять минут назад!

На экране Фэйрбенк, произнося неслышные слова, срывал с органа покрывало.

— Ну и что? — возразил Грейнер. — Видеомагнитофон. Прокручивается сделанная запись.

— Нет, — ответил Фэйрбенк. — Повторяю, я пригласил вас сюда не для того, чтобы смотреть телевизор, пусть домашний, видеозапись или ещё что-нибудь в этом роде. Пожалуйста, прошу внимания.

Он нажал другой клапан и осторожно потянул один из рычагов. Изображение мигнуло, исчезло и вновь появилось. На этот раз на экране была белая дверь.

— Так это же входная дверь вашего дома, — сказал Хаскелл.

Грейнер вздохнул:

— Я всё же не вижу...

Фэйрбенк щёлкнул выключателем «общий план». Изображение двери отодвинулось, на экране появился дом целиком. Он стоял один, вокруг были пустые участки.

— Да это шесть-семь лет назад! — воскликнул Вейсс. — Тогда ещё здесь никто не построился!

— Верно, — кивнул преподобный Мак. — Маркус первым во всём квартале построил свой дом.

— Кино, — буркнул Грейнер. — Любительское кино.

Фэйрбенк улыбнулся.

— Именно зная твой скепсис, я и позвал тебя, Грейнер. Хаскелл, Вейсс, Темпл и Мак — романтики. Они захотят поверить. Их легко облапошить, но если мне удастся убедить тебя, если я не оставлю у тебя никаких сомнений, тогда я буду знать, что световой орган можно показывать всему миру.

Он устроился поудобнее на скамье, и его руки забегали по клавишам и кнопкам. На экране поплыли непонятные абстрактные изображения.

— Проблема управления ещё полностью не решена, — заметил Фэйрбенк. — Почти половина изображений — случайные, наудачу, и только вторая половина — то, что я хочу получить. Но я надеюсь, что решу эту задачу, если доживу.

На экране постепенно возникла другая картина.

— Ага, — сказал Фэйрбенк. — То, что надо.

Зрители увидели толпу. Мелькали солдаты в синих мундирах. Все слушали человека, стоящего на заднем плане — долгового, с бородкой, в высокой, похожей на печную трубу шляпе.

— Ну, как, Грейнер, — спросил Фэйрбенк, — во время Гражданской войны было кино? Да ещё цветное? А?

— Очень занятно, — ответил Грейнер. — Кусок из какого-нибудь голливудского исторического фильма Рэймонда Масси, Генри Фонда или ещё кого-нибудь.

— Да? Но ведь этот период истории — твоя специальность. Ты — эксперт, признанный авторитет. Стены твоего кабинета увешаны фотографиями, сделанными Мэтью Брэди. Из всех нас именно ты, и никто другой, можешь отличить загримированного актёра от...

Он дотронулся до кнопки «крупный план». Экран заполнило печальное, бородатое лицо. Грейнер медленно приподнялся и едва слышно произнёс:

— Господи боже, Фэйрбенк! Это не актёр, не подделка. Это же... Он что-то говорит! Звук, дай же звук, чёрт побери!

Темпл впился глазами в губы человека на экране и как бы прочёл: «Сорок семь лет назад...»

Фэйрбенк щёлкнул выключателем. Изображение исчезло.

— Постой! — крикнул Грейнер. — Я хочу ещё посмотреть!

— Ты увидишь всё это, — сказал Фэйрбенк. — Столько раз, сколько захочешь. Общий план, крупный план, ускоренная или замедленная съёмка и даже стоп-кадр. Жаль, конечно, что нет звука, но это уже следующий этап. Пока достаточно и того, что удалось решить проблему света.

Фэйрбенк теперь повернулся ко всем.

— Что такое свет? Волны различной длины, перемещающиеся с огромной скоростью — сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду. Это знает любой школьник. Но что же происходит со светом? Куда он девается? Исчезает как дым? Превращается во что-то иное? Или же просто... продолжает перемещаться? Да, именно так.

— Элементарно, дорогой Ватсон, — ухмыльнулся преподабный Мак.

— Не сомневаюсь. Но позвольте мне остановиться кое на чём, не таком уж элементарном, чего не знает любой школьник, чего не знал и о чём не подозревал никто до тех пор, пока мы с Телмой не сделали этого открытия.

Там, высоко вверху, за тысячи миль от поверхности земли существует странное явление, о котором вы, наверно, слышали, даже не будучи физиками, как я. Пояса Ван Аллена. Их природа, их свойства и качества — об этом мы имеем туманное представление. Но одно из свойств мне известно, — это ловушка, ловушка света. Свет, ушедший с нашей планеты, а значит и изображение всего на ней происходящего, схвачен там лишь на мгновение, перед тем как уйти и кануть в глубины космоса. И именно в этот момент свет, изображения как бы навсегда записываются или копируются заряженными радиоактивными частицами поясов Ван Аллена. Учтите, джентльмены, записано всё, что когда-то было видимым.

— Вот ключ, — кивнул он в сторону органа, — который открывает сокровищницу поясов Ван Аллена. Орган, который доносит до вас не музыку, а... историю... предысторию, играет величественную и безграничную симфонию прошлого.

В подвале воцарилась тишина, нарушаемая только гудением генератора. Наконец преподабный Мак спросил:

— Как далеко в прошлое ты можешь заглянуть?

— В те времена, когда уже были пояса. В сущности, можно увидеть самое начало. Вот например...

Он повозился с переключателями и кнопками. На экране появились все, кто был сейчас в подвале, но одетые в чёрное. Они находились в комнате наверху.

— Так это же день похорон Телмы! — воскликнул преподабный Мак.

Фэйрбенк кивнул.

— Но это не то, что я хотел вам показать. Аппарат явно стремится воспроизводить события, имевшие место здесь в недавнем прошлом. Именно в этом доме. Чтобы это преодолеть, нужно больше работать с машиной, особенно если хочешь увидеть очень далёкое прошлое. Ага! Смотрите!

На экране проплывали влажные непроходимые джунгли, поднимались густые испарения, кое-где даже били струйки пара. Среди зарослей показалась огромная голова, похожая на голову ящерицы, за ней длинная змеиная шея, позволявшая животному легко доставать высокие зелёные побеги деревьев. Голова и шея принадлежали гигантскому туловищу на слоновьих ногах, заканчивавшемуся длинным хвостом, который тянулся по земле.

— У бронтозавра на завтрак салат, — улыбнулся Фэйрбенк.

Изображение заколебалось, затуманилось и исчезло.

— Ещё одна проблема — устойчивость, — пробормотал учёный. — Изображение может произвольно появляться и исчезать.

— Фэйрбенк, как вы думаете, Шекспира можно увидеть? Например, его репетиции в «Глобусе»?

— Я его видел, — ответил профессор. — Увидишь и ты. Ты, Вейсс, увидишь Баха, а ты, Темпл, — Микеланджело, расписывающего Сикстинскую капеллу. Не какого-нибудь модерниста, а Микеланджело. Но не сегодня. Прибор быстро перегревается, и его придётся выключить. Завтра...

— Маркус, подожди, — преподобный Мак умоляюще взглянул на Фэйрбенка. — Пока ты ещё не выключил аппарат, не мог ли бы ты показать...

Фэйрбенк заколебался, потом ответил: «Конечно» и повернулся к клавиатуре. Через несколько секунд на экране появилось чёткое изображение. Они увидели валявшиеся на земле черепа, толпу людей под мрачным небом, три пыточных столба в виде буквы «Т». Фэйрбенк взялся за переключатель, и средний столб медленно приблизился. Все молчали. Преподобный Мак, поражённый и потрясённый, опустился на колени, его губы тряслись: «Мой бог», — прошептал он. Изображение запрыгало и пропало.

Преподобный Мак поднялся с колен. Принуждённо откашлялся и произнёс тоном, несколько не вязавшимся с только что пережитыми им эмоциями:

— По-моему, Маркус, здесь возникает некая нравственная проблема. Этот орган, это великое чудо, может показать нам всё, что когда-либо случилось на Земле?

Фэйрбенк кивнул.

— Он может заглянуть даже в закрытое помещение?

— Да. Свет проникает всюду, его не удержишь.

— Ты можешь, например, показать нам, как Джордж Вашингтон ухаживал за Мартой?

— Без труда.

— Тогда ты должен спросить себя, Маркус, имеешь ли ты, мы или кто-то другой право видеть Джорджа и Марту в любой момент их жизни.

Фэйрбенк нахмурился.

— Кажется, я понимаю, куда ты клонишь, Мак, но...

Священник перебил его:

— Сейчас мы много слышим и читаем о вмешательстве в личную жизнь. Если этот орган попадёт в грязные руки, не будет ли он использован для самого грубого вмешательства в личную жизнь, какое только можно себе представить? Бесстыжее подглядывание за великими людьми и за простыми смертными, живыми и мёртвыми, заглядывание в их спальни и ванные комнаты?

— Вы кое в чём правы, святой отец, — начал Хаскелл, — но даже...

— Кстати, о ванных комнатах, — вмешался Вейсс, указывая на экран.

Все подняли глаза. Фэйрбенк забыл выключить орган, и на экране появилась ванная комната в доме Фэйрбенка. В ванне спокойно сидела седая женщина — Телма Фэйрбенк.

— Выключи, Маркус, — мягко сказал преподобный Мак. Фэйрбенк шагнул к органу.

— Постой, — Грейнер схватил профессора за руку. — Это надо посмотреть.

Хаскелл взорвался:

— Послушайте, Грейнер, что вы за человек...

— Помолчите и смотрите. Вы что, не помните, от чего умерла Телма?

На экране в комнату вошёл Фэйрбенк и остановился возле ванной. Охваченные ужасом, гости смотрели, как он погрузил голову жены под воду и держал её там, пока на воде не перестали появляться пузырьки воздуха. Женщина не сопротивлялась. Казалось, прошла вечность. Фэйрбенк на экране выпрямился и отвернулся от ванной.

Экран потемнел.

Живой Фэйрбенк дрожал крупной дрожью, в ужасе пятясь от органа.

Первым пришёл в себя преподобный Мак:

— Да простит тебя господь, Маркус.

Из горла Темпла вырвался лишь хриплый вопль:

— Почему?

Фэйрбенк стал как-то меньше ростом, он стоял посередине подвала, подавленный, уничтоженный, среди поражённых друзей, на лицах которых было написано презрение и осуждение.

Вейсс повторил вопрос Темпла:

— Почему ты это сделал, Маркус?

Несколько секунд царило молчание.

— Это всё из-за денег, понимаете? — Голос учёного был еле слышен. — Мы были уже так близки к завершению нашей работы... к нашему успеху... но кончились деньги. Мы не могли ждать, мне было почти семьдесят, Темле — шестьдесят пять, мы не могли позволить себе роскошь ожидания. Тогда она вспомнила о своей страховке. Двадцать тысяч долларов! Более чем достаточно, чтобы закончить работу. Она сказала: «Я уже стара, Маркус. Позволь мне сделать это. Ради тебя, ради нас, ради нашей работы». Но я не мог согласиться.

Фэйрбенк повернулся к священнику:

— Ну хоть ты-то понимаешь, почему я не мог позволить ей сделать это, а? Ведь, по-вашему, самоубийство — смертный грех! Тогда грех на себя взял я и совершил убийство.

Он закрыл лицо руками, его сухонькое тело сотрясали конвульсии. Наконец он отнял руки от лица, бормоча что-то непонятное. Он звал дьявола. Повернувшись к священнику, он спросил, как выглядит дьявол. Он указывал на орган, и голос его вдруг поднялся до визга. Он кричал, что дьявол похож на

это, на машину с её проводами, шкалами и переключателями, что дьявол смеётся, показывая ему свои зубы — клавиши... что это он соблазнил его, во имя святой Науки... что он заставляет придумывать благородные оправдания для свершения грязных поступков... даже убийства.

Потом, выкрикивая что-то нечленораздельное, словно безумный, Фэйрбенк набросился на орган.

— Дьявол! — кричал он. — Будь ты проклят! Будь проклят!

С искажившимся лицом он рвал провода, разбивал лампы, вырывал соединения.

— Маркус! — крикнул священник.

— Не надо, не ломайте! — бросился вперёд Хаскелл. Но в этот момент вслед за ослепительной вспышкой показался сноп ярких искр, на мгновение всех просто ослепило; едко запахло горелой резиной. Фэйрбенк был мёртв.

Позднее, когда ушла полиция, пятеро друзей, потрясённые, сидели в ближайшем баре. Преподобный Мак осипшим голосом спросил Хаскелла:

— Ваш друг Шекспир что-то говорил на эту тему, не так ли?

— Гм? — Хаскелл пытался раскурить свою потухшую трубку.

— Убийства не скрыть, — процитировал священник.

— А-а, да, — зачмокал Хаскелл. — Я понял вас, но это неточная цитата. На самом деле Шекспир сказал так: «Убийство выдаёт себя без слов, хоть и молчит».

A Most Miraculous Organ, 1966

Перевод: О. Касимов

Иллюстрация: Б. Салливан

БЕЖАВШИЕ ВЛЮБЛЁННЫЕ

Бежавшие влюблённые были схвачены у самой границы герцогства.

Их немедля доставили пред очи его светлости герцога, чей благостный облик и ореол белоснежных кудрей придавали ему сходство с ангелом на прекрасной картине, но лицо его было исполнено печали, пока он с укоризной смотрел на свою юную жену-изменницу и на трубадура, её любовника, а затем со скорбным вздохом, со слезами на добрых старых глазах, он уплатил золотом тем, кто их поймал, а их поручил заботам своего тюремщика.

Краткие распоряжения, которые герцог ему отдал, были необычными, ибо он вдаль и вширь слыл милосердным и благочестивым правителем.

Любовников надлежало заключить в темницу и строго карать на протяжении семи дней (по одному дню на каждый смертный грех) с тем, чтобы на исходе седьмого дня окончательно с ними разделаться. На протяжении этого срока надлежало наиболее действенным способом воспрепятствовать им смотреть друг на друга или обмениваться даже двумя-тремя словами, дабы они не поддерживали друг друга словами мужества или взглядами любви.

— Наиболее действенный способ, — рассуждал добродушный тюремщик, пока, побрякивая ключами, вёл злополучную пару в подземелье замка, — гм-гм... ну да! Убрать ваши глаза и языки. — Они возмущённо взвыли, но он весело рассмеялся и заверил их, что это совсем простенькая операция — щипцы да раскалённый прут — и длится лишь несколько секунд.

Тем не менее по пословице весь мир любит любящих, а тюремщик был добросердечным человеком и отложил удаление их глаз и языков до следующего дня, оставив им ночь, чтобы они могли видеть друг друга и говорить друг с другом. Видеть и говорить, но не ласкать и не обнимать, поскольку, содрав с них одежду, он запихнул их в отдельные клетки —

малюсенькие клетки, рассчитанные на причинение максимальных неудобств. Оставив один дымный факел в ввинченном в стену кольце, тюремщик простился с ними. Влюблённые, скорчившись на голых ягодицах, цепляясь пальцами ног за железный пол своих клеток, могли вволю утешать друг друга словами и взглядами.

Первой нарушила молчание она.

— Видишь, в какое ужасное положение мы попали, — сказала она, — и всё из-за тебя.

— Из-за меня?! — ответил юноша. — Так я же настаивал, чтобы ты осталась со своим супругом, герцогом, так как мы могли легко дарить друг другу блаженство под его ханжеским старым носом, и он бы ничего не пронюхал. Так нет! Тебе понадобилось бежать!

— Всё остальное было бы бесчестным. Бегство предлагало единственный порядочный выход.

— Ты говоришь о порядочности? Ты?! — вскричал он. — Ты же с ног до головы была одним жарким, голодным ртом, горящим от жажды, пересошим из-за воздержанности старика мужа, наглой, неутолимой, развратной...

— Сомкни свои гнусные губы! Это ты виновник нашего ужасного положения. Я бы не корчилась здесь нагая, будто ощипанная цесарка, в попугайчьей клетке, ожидая семь дней пыток, если бы ты не липнул ко мне.

— Твоя память так же ущербна, как и твоё целомудрие! Это же ты делала мне авансы!

— Лжец!

— Шлюха!

Она заплакала. Несколько устыдившись своих слов, он пробурчал:

— Вообще-то вина, наверное, не наша, а твоего обомшелого псалмолюбца-мужа...

— Сластолюбца? Нет, в этом же вся суть — он не...

— Ты ослышалась. Его вина, хотел я сказать, это брак с женой, годами втрое моложе шести его десятков. Его вина — оставлять её томиться без утоления. Его вина — постоянно сводить нас вместе, заверяя меня, как ты любишь мои песни, заверяя тебя, как я люблю, чтобы ты их пела. Его вина, что он

жил в такой слепой святости, в таком неведении потребностей плоти, в такой идиотичной невинности, что не предвидел естественного исхода всего этого. Да, вся вина лежит на нём. Только на нём! Да будь он проклят, сладкоречивый святоша!

Она глухо зашептала:

— Лишь недавно герцог начал избегать моего ложа. Когда мы только вступили в брак, моя юная плоть зажигала в нём такое пламя, что его серебряные волосы, благочестие были забыты, и он напоминал не столько монаха, сколько макаку или, можно сказать, козла, быка, жеребца, сам выбирай. Потом по непонятным причинам, которые я отнесла на счёт истощения его поугасших от возраста сил, он усмирился и стал для меня не более чем братом...

— Братом? — насмешливо переспросил трубадур. — Дедушкой!

Сырой сквозняк постукивал костями старого скелета, свисавшего на сухих запястьях с потолка на заржавелых цепях. Скелет привлёк их взгляды и породил не высказанные вслух вопросы: кто это был и как давно? Мужчина или женщина? За что он погиб? И какой смертью? Подвешенный под потолок, чтобы просто умереть от голода? Или было ещё что-то, не такое простое, как голодная смерть? Он задрожал, она снова рыдалась, некоторое время оба хранили молчание.

Потом он сказал:

— Попробуем подумать хорошенько. За всю его долгую жизнь внушал ли герцог кому-либо страх перед своей безжалостностью? Приговаривал ли он к пыткам самых отпетых злодеев? Распорядился ли хоть раз, чтобы выпороли ничтожнейшего крепостного? Разве лакеи не потешаются над его мягкотелостью? Над его бабской слабостью? Разве его кротость не предмет насмешек и почитания во всех краях? Разве попы и прелаты не восхваляют его за благочестие, милосердие, нескончаемые молитвы, его святость, наконец? Ну? Разве я не говорю чистейшую правду?

Сдавленное «да» вырвалось у узницы, скорчившейся в соседней клетке.

— Так каким же образом, — продолжал он, — подобный человек может подвергнуть жутким пыткам двух ближних своих? Тем более что речь идёт и о его очаровательной жене?

Она хлюпнула носом, зажав голову к коленям — слёзы ручейками стекали по голым ногам и блестели на ногтях их пальцев.

— Ты цепляешься за соломинки, — простонала она. — Ты слышал, что он сказал. Семь дней пыток...

— Строгого карания! — торжествующе перебил он. — А что, скажи на милость, он считает карами, эта елейная монахиня в облике мужчины? Пост, молитвы на коленях, умерщвление плоти? Семь дней во власяницах? Суровые проповеди, праведные наставления? — Он засмеялся. — Некоторые неприятные ощущения, смиренное покаяние и скука, от которой сводит скулы! Вот пытки, которых ты страшишься! — Он снова засмеялся, покачиваясь на пятках, насколько позволяла ширина клетки.

Она испустила вздох отчаяния.

— Дурак ты, — сказала она без малейшего раздражения, а просто констатируя факт. — На исходе седьмого дня мы умрём, вот что он приказал.

— Окончательно разделаться! — возразил он. — С нами должны окончательно разделаться.

— Это то же самое...

— Ничего подобного! У этого слова много значений! В том числе «отправить восвояси». Могут ли трупы быть отправлены восвояси? Могут ли покойники быть отпущены на все четыре стороны? Нет! Просто семь коротких дней нам предстоит падать на колени и испрашивать прощения — по дню на каждый из семи смертных грехов, ты же слышала выжившего из ума пустосвята! А затем нас отпустят. Отпустят! «Окончательно разделаться» — значит отпустить без всяких условий! Все наши страхи были лишь напрасными душевными мучениями!

Её веки, опухшие и покрасневшие от слёз, медленно поднялись, и она обратила на него презрительный и жалобный взгляд.

— У тебя такая короткая память? Неужели у тебя в голове застревают меньше, чем в разорванной рыболовной сети? И страх настолько лишил тебя мужества, что ты не способен вспомнить, что ещё было сказано? Про наши глаза и языки?!

Он было открыл рот, чтобы ответить, но сразу же закрыл. Вновь его лицо исказилось от тошнотворного ужаса. Она съязвила:

— Ну-ка, отмети и это!

Вскоре он улыбнулся.

— За твою недоброту и колкие слова мне следовало бы позволить тебе и дальше думать, что мы лишимся этих столь необходимых органов чувств, источников стольких радостей. Зачем мне утешать тебя, когда за все мои старания я пожинаю лишь ядовитые упрёки? — Он усмехнулся. — А потому я прикушу язык.

Последовала долгая безмолвная пауза. Наконец она закричала:

— Да говори же, подлый!

Он торжествующе засмеялся.

— Я люблю тебя, пышечка, а потому я скажу, а ты выслушаешь. Вспомни эти ужасные слова о наших глазах и языках. Кто их произнёс? Твой святой супруг? Или кое-кто почище, жалкий прислужник, а точнее, не кто иной, как наш олух-тюремщик?

Она задумалась.

— Мой муж сказал...

— Твой супруг сказал, что мы не должны смотреть друг на друга или говорить друг с другом. И воспрепятствовать этому, сказал он, надо самым действенным способом. Вот так. Кляпы и повязки на глазах — разве это не действеннейшие способы? И более простые, чем щипцы и раскалённые прутья. Наш глупый тюремщик просто дал волю фантазии, незаконно истолковывая приказания твоего мужа. А эти приказания, точно исполненные, окажутся не страшнее, чем удары линейкой по ладошкам ребёнка. Поверь, моя острая на язык цыпочка: страх — лишь призрак, родящийся из воздуха, за ним не стоит ничего, кроме пустоты. Не мучайся долее, утри глазки. Неделя посыпания главы пеплом во власянице, и с

нами окончательно разделяются: отпустят наши грехи, помянут нас и самым великодушным образом отпустят на все четыре стороны.

В его словах была логика, и она чуть-чуть успокоилась.

— Молю Бога, чтобы ты оказался прав, — сказала она.

— Положись на меня, — ответил он. — Твой муж не допустит, чтобы нас пытали или убили.

Чуть позже тюремщик, этот добросердечный малый, вернулся, одарил их бодрящей улыбкой и сел поблизости от них, чтобы съесть миску овсянки, свой скудный ужин. Хлюпанье и причмокивание он перемежал добродушной болтовнёй.

— Его светлость герцог говорит, что нехорошо держать вас в неведении о том, чего вам ждать вскорости. Всё должно быть честно-благородно, говорит его светлость. Он же не жестокий человек, не какой-то там тиран, вроде некоторых, каким мне доводилось служить. Не дьявол в человеческом облики, который позволил бы бедным овечкам вроде вас опасаться самого худшего из худшего, то есть неизвестно чего. Куда лучше для них, говорит он, знать, что их ожидает, и в словах этих истина и мудрость, клянусь собственными гвоздями Христа, вы уж простите, госпожа, что я выражаюсь. А потому, любезный, пойдя, говорит он мне, пойдя к ним опять и расскажи им обоим всё до единого, что с ними будут делать — семь раз за семь дней, и не скупись на подробности, говорит он, ибо для них благо знать побольше, чтобы они боялись поменьше и в спокойствии сердечном предали души свои Небесам. Да, хороший он человек, истый праведник, его светлость-то.

Утерев губы и отставив отполированную до блеска миску, доброжелательный тюремщик продолжал:

— Ну так завтра — первый день из семи, верно? А потому на заре, когда, надеюсь, вы сладко выспитесь, вот чего сделают с вами обоими...

Когда он поведал им о Первом Дне, они побелели. Когда он поведал им о Втором Дне, они застонали. Когда он поведал им о Третьем Дне, они разразились проклятиями. Когда он поведал им о Четвёртом Дне, они зарыдали. Когда он поведал им о Пятом Дне, они закричали. Когда он поведал им о Шестом

Дне, у них началась рвота. Когда он поведал им о Седьмом и Заключительном Дне, на что у него ушло минут двадцать, они потеряли сознание, не дослушав, и ему пришлось привести их в чувство, окатив холодной водой, чтобы всё-таки договорить.

— Вот, значит, и всё, — улыбнулся он, — а потом никаких там языческих измывательств над останками, а приличные похороны, христианское погребение для обоих. Так сказал его светлость. Ну, так доброй ночи вам, госпожа, и вам, благородный юноша. Сладких снов.

Напевая песенку, он покинул темницу, зловеще лязгнув железной дверью.

Юноша, обезумев от отчаяния, тряс прутья своей клетки, бил по ним кулаками, царапал замок, пока не искровенил пальцы. Наконец он сполз на пол — стонущий, дрожащий комок плоти.

Она в ошеломлении смотрела перед собой пустым взором и еле слышным шёпотом бормотала бессвязные слова:

— Чудовищно... отвратительно... омерзительнее всего, что я могла себе представить... ужаснее всех мук Ада! Семь дней! Каждый бесконечный день! О Боже! Страдать так? Подвергнуться такому гнуснейшему поруганию за несколько минут наслаждения? Нет! Нет!..

Её любовник посмотрел на неё взглядом помешанного. Он всхлипывал:

— Ты должна воззвать к нему, просить, молить! Скажи ему, что это ты соблазнила меня, и я, ветхий Адам, был затянут неумолимым водоворотом твоей похоти. Скажи ему это! Почему мы оба должны умереть столь ужасной смертью? Почему я должен страдать из-за твоей супружеской неверности?

Она закричала на него:

— Трус! Змей подколодный! Ты готов смотреть, как меня колесуют и четвертуют, лишь бы спасти собственную шкуру? Нет, это ты должен воззвать к нему о милосердии, сказать ему, что завладел моей душой дьявольскими уловками, колдовскими чарами, сделал меня беспомощной жертвой своего сластолюбия.

— Я? Криками в клочья разорвать своё горло в течение семи невыносимых дней и ночей — и всё ради девки? Пары губок, и глазок, и... и... и...

Его заплетающийся язык парализовало то, что он увидел перед своей клеткой. Он заморгал. Он облизал пересохшие губы.

— Посмотри! — сказал он, указывая дрожащим пальцем.

Она посмотрела. На каменном полу рядом с пустой миской возле клеток, в которых они скорчились, лежало будящее надежду кольцо — кольцо тюремщика с ключами!

— Ключ... — чуть не вскрикнула она, но «ш-ш-ш!» её любимого прервало этот возглас. Прижимая палец к губам, он хрипло прошептал:

— Ни слова! Ни звука! Это же Рука Провидения, не иначе!

И таким же шёпотом она отозвалась:

— Не мели богомольной чуши на манер моего мужа, а достань ИХ!

Он просунул руку между прутьями, но её длины не хватало. Он с трудом втиснул между ними плечо, не обращая внимания на боль, но всё равно кончики его пальцев зацепляли только воздух, хотя и почти над самыми ключами. В конце концов, обессилив, он сдался.

Теперь она высунула руку между холодными чёрными железными прутьями, и её тонкие изящные пальцы извивались змейками в попытке ухватить кольцо с ключами. Плебейски крикая, вульгарно ругаясь, она вытянула прелестную руку ещё дальше, беспощадно расплющив одну круглую, подобную спелому плоду, грудь о прутья. Всё её тело заблестело от пота, несмотря на подземный холод темницы. И всё-таки её пальцы не коснулись дразнящих ключей.

Он, наблюдая за её усилиями, прохныкал:

— Без толку... без толку...

Но она не собиралась так легко сдаваться. Выругавшись сквозь зубы в манере, не подобающей благородной даме, она теперь разогнула красивейшие, но затёкшие от долгой неудобной позы ноги и, морщась от колющей боли в них, начала их

протискивать сквозь прутья к металлическому кольцу с ключами, сулящему им спасение. Большие пальцы ступнёй сгибались и разгибались, стремясь коснуться ключей. Её ноги протянулись дальше, так как теперь прутья клетки царапали и стискивали её пышные бёдра. Кусая губы, она стиснула прутья в кулаках, беспощадно нажимая животом и лоном на прут, разделяющий ей ноги, словно в попытке раздвоиться, охала от боли, а пальцы на этих ногах сжимались и разжимались, а пот градом катился по её телу... И вот в конце концов её усилия были вознаграждены — её ступни сомкнулись на кольце, она ощутила желанные холодные стержни ключей между пальцами и медленно, осторожно начала придвигать кольцо ближе к клетке. Затем втянула в неё ноги, высунула руку, схватила ключи и откинулась на решётку сзади, скользя от пота, смешанного с кровью из многочисленных царапин, задыхаясь, всхлипывая, но торжествуя победу.

Её возлюбленный в соседней клетке, пожирая ключи почти сладострастным взглядом, прохрипел:

— Замки! Отопри замки!

Она попыталась вставить ключ в замок своей клетки, он не подошёл. Она испробовала другой из двенадцати — снова не тот. И опять. И опять. Оба влюблённых сыпали ругательствами, а отчаяние вновь заползало в их души, заполняя огромную пустоту, оставленную вспыхнувшей было надеждой, пока она продолжала примерять ключ за ключом.

Десятый подошёл! Она открыла заскрипевшую дверцу своей клетки и выползла на каменный пол темницы. Медленно, с мучительным трудом она поднялась на ноги и выпрямилась во весь рост, ослепительная в своей нагой красоте.

Затем она прошла мимо его клетки к двери темницы.

— погоди! — вскричал он. — Ты оставишь меня здесь?

— Налегке доберёшься дальше! — ответила она и отперла дверь темницы.

— Потаскуха!!! Отопри клетку!!!

Она ласково засмеялась и послала ему воздушный поцелуй.

— Я тебе нужен! — завопил он. — Нужен, чтобы одолеть стражников, украсть лошадей, еду, одежду. Если уйдёшь без

меня, я буду орать что есть мочи, перебужу весь замок, и тюремщик со стражниками схватят тебя, прежде чем ты доберёшься до первой стены!

Она смерила его задумчивым взглядом. Затем с улыбкой вернулась к его клетке.

— Я тебя просто поддразнивала, — объяснила она и отперла его клетку.

— Я намерен поверить тебе, — пробурчал он. — Лаху-дра!

Они вместе открыли тяжёлую дверь темницы. Бесшумно, быстро, едва дыша, они прошлёпали босыми ногами вверх по каменным ступенькам тесной винтовой лестницы в оружейный зал.

Там в ожидании стоял сомкнутый строй стражников!

Нет, это им лишь почудилось! Перед ними стояли лишь железные доспехи, и щели забрал были так же лишены жизни, как пустые глазницы ухмыляющегося черепа внизу.

Они поднялись ещё по одной лестнице и по-паучьи засеменили по тёмному, как котёл смолы, коридору, который с каждым их шагом становился словно всё уже, а потолок нависал всё ниже, ниже, и они были вынуждены нагибаться всё больше и больше, а потом стены настолько сомкнулись, что они уже не могли идти рядом, а вскоре вовсе поползли на животе в вонючем воздухе и непроницаемом мраке.

Казалось, миновал час, прежде чем они ощутили прохладу в воздухе и вскоре выползли в не менее тёмное место, где, однако, смогли встать на ноги. По-видимому, они оказались в каком-то туннеле. Они слепо побежали вперёд и обнаружили, что находятся в подобии лабиринта. То и дело они стучались о каменные стены, а затем слышали журчание и поняли, что находятся в системе стоков или чего-то вроде. И вскоре они уже зашлёпали по вонючей жиже, погружаясь в неё по щиколотки, затем она дошла им до колен и вскоре, ввергая их в панику, начала лизать им голые ягодицы.

Они словно целую вечность брели наобум, слыша писк крыс, видя среди тьмы их красные глаза, но вот пятнышко света далеко впереди вырвало у них хриплые возгласы торжества, и они побежали к нему очертя голову, разбрызгивая

жижу, скользя, падая, снова поднимаясь на ноги в отчаянном устремлении к благословенному путеводному свету. Жижя теперь доходила только до их колен, а затем только до лодыжек — и вот они уже бегут по сухому полу, а пятно света становится всё ярче, всё больше... Наконец, испытывая боль во всём теле, чувствуя, что их лёгкие объаты пламенем, они выскочили из туннеля в...

В темницу. Ту самую темницу, из которой спаслись. Вот клетки, распахнутая дверь, болтающийся на цепях скелет и благодушный их тюремщик с увесистой дубинкой в руках улыбается им щербатой улыбкой.

— Уловка! — простонал трубачур, падая на колени.

— Верно, малый, — кивнул тюремщик. — Весёлая уловка, чтобы скоротать время и отвлечь ваши мысли от всех ваших неприятностей.

— Сатанинская уловка! — закричала она. — Уловка, чтобы пробудить в нас надежду и тут же разбить её! Гнусная уловка злорадного демона!

— Ну-ну-ну, — попенял ей тюремщик. — А теперь назад в ваши уютные гнёздышки, да поторопитесь, не то мне придётся переломать пару рук или ног вот этой... — И он многозначительно помахал дубинкой. Забрав кольцо с ключами из её рук, он снова запер их в клетках.

— Совсем мы мокрые, а? Совсем мокрые, и голые, и от холода посинелые? — сочувственно осведомился тюремщик. — Подбодритесь! На заре тут будет жарко. — И многозначительным жестом, предварительно лукаво им подмигнув, он открыл шкаф и, вынув пару прутьев для клеймения, положил на скамью. — Да-да, и жара, и огня будет вдоволь, — ухмыльнулся он и достал из шкафа два длинных острых лезвия, похожих на гигантские ножички для срезки заусениц. — И жара, и огня, и кое-чего ещё, — добавил он, укладывая жуткие ножи рядом с прутьями. Затем он закрыл шкаф, прищурившись, оглядел страшные пыточные орудия и сказал: — Пожалуй, хватит. То есть на Первый День хватит. — Потом нарочно потряс кольцо с ключами, так что их лязганье разнеслось по всей темнице, и направился к двери со словами: — Уж на этот раз я ключей не забуду, как ленивый рохля. Доброй ночи, госпожа

моя, доброй ночи, благородный юноша, а вернее сказать, с добрым утречком. Заря ведь займётся, и часа не пройдёт.

Дверь гулко захлопнулась.

Лицо герцога омрачила скорбь.

— Ты говоришь, мертвы? И она, и он?

— Да, обои, ваша светлость, — ответил тюремщик. — Сами себя прикончили. Я было отвернулся, а они руки меж прутьев просунули да и ухватили ножики, которые я по приказанию вашей светлости положил у них на виду. Да помилует Господь их душеньки.

Герцог перекрестился, отослав тюремщика, и обернулся к прелату с аккуратной тонзурой.

— Вы слышали, монсеньор? Мучимые раскаянием, в ужасе перед своим грехом они наложили на себя руки.

— И как самоубийцы, — торжественно возгласил прелат, — прямо отправились в Адское пламя, дабы там терпеть кару, бесконечно более суровую, чем казнь, на которую могли бы обречь их вы.

— Истинно, истинно! Бедные, ввергнутые в вечное пламя души, — сказал герцог. — А ведь, как вам известно, я не собирался причинять им ни малейшего телесного вреда.

— Ну, разумеется, нет. Такая жестокость повредила бы доброй славе, которая повсюду сопутствует вам.

— Эти жуткие описания якобы уготованных им кар, которыми по моему приказу потчевал их тюремщик, эти скелеты и всё прочее имели лишь одну цель: в течение ночи исполнить их сердца ужасом и смирением. О, как я раскаиваюсь...

— В безобидных рассказах и костях?

— Не столько в них, монсеньор, сколько в своей излишне доверчивой натуре, которая толкнула эти юные создания на тропу соблазна. Не моя ли вина? Не моя ли рука привела их к развращённости, обличению и смерти?

Прелат сказал категоричным голосом:

— Нет! Бесхитростная доброта вашей светлости не может считаться причиной чужих грехов.

— Вы так милосердны!

— Вы ведь не могли ни предвидеть смерть вашей юной супруги, ни тем более желать этой смерти.

— О нет, нет!

— Вы ведь никак не могли пожелать того, чтобы ещё раз стать вдовцом!

— Оборони меня Бог.

— И в очередной раз жить в печальном одиночестве.

— О злополучный день!

— Ни один человек во всей стране не обвинит вас.

— Молю Небо, чтобы это было так.

— Сердца ваших друзей, ваши верные придворные, бедняки крестьяне, знатнейшие вельможи, его величество, сама Церковь — все скорбят с вами в этот тяжкий час.

— Благодарю вас, святой отец.

— Однако если мне будет позволено коснуться вашего положения овдовевшего супруга, чья рука внезапно стала свободной для нового брака, посмею напомнить вашей светлости о том, что теперь перед вами открылась возможность породниться через брак с семейством столь высоким, что мне нет нужды его называть...

— В подобное время, — сказал герцог, — не должно помышлять о браке. Но когда моё горе поутихнет, тогда мы сможем поговорить об августейшей особе, вами упомянутой, чья сестра, если не ошибаюсь, как раз достигла пятнадцати лет, а потому вполне созрела для вступления в брак. Вам, монсеньор, я поручаю все приготовления к брачной церемонии, которая, нет нужды напоминать об этом, может состояться лишь после того, что принято называть положенным сроком.

— После положенного срока, разумеется, — ответил прелат.

The Runaway Lovers, 1967

Перевод: И. Гурова

КРУГИ

Невидимый звёздный корабль стоял вблизи канала. Если бы он был виден глазу, то производил бы неизгладимое впечатление своей красотой, ибо состоял из гармонично сочетающихся кругов: внешний обод, полый и прозрачный, где жил и работал экипаж из четырёх человек, — и внутренний круг в этом круге, содержащий мощные двигатели, которые позволяли преодолевать галактические пространства. Но всё это было невидимым.

Капитан обратился к одному из членов экипажа, специалисту по цивилизациям:

— Значит, доклад готов? Мы можем стартовать?

— Да.

— Вы быстро справились.

— Эти примитивные культуры все очень похожи. Так что доклад получился краткий — население планеты ещё неспособно постичь смысл нашего появления здесь, поэтому мы предлагаем вернуться через несколько тысячелетий, когда эти существа будут более развиты и мы сможем установить культурные и научные контакты, завязать торговлю и так далее.

К ним приблизился первый помощник.

— Вы действительно считаете их настолько примитивными? У них уже есть язык, законы, религия...

— Но почти никакой технологии, — сказал специалист, — они не в состоянии понять, что мы прилетели с другой планеты, само понятие «планета» непостижимо для них. Нет, сейчас попытка контакта была бы слишком травматична. Если мы покажем себя — выключим поле невидимости — будут все возможные последствия... взаимодействия...

— Как круги на воде? — сказал капитан.

— Круги, — повторил специалист, кивнув. — Очень подходящее слово. Подобно камню, брошенному в пруд, образующему всё большие изображения оригинала, мы и наш корабль, однажды увиденные, со временем и пересказами станем увеличенными и искажёнными — возникнет нечто такое, чего мы и представить себе не можем.

— Тогда давайте-ка отправимся домой, нам давно полагается отпуск, — воскликнул капитан.

Но тут к ним подошёл навигатор, вид у него был встревоженный.

— Что-нибудь не в порядке? — спросил капитан.

— Да, к сожалению, — кивнул навигатор.

— Что именно?

— Главный двигатель не работает — как я и опасался.

Первый помощник заметил:

— От неудачной посадки пострадала не только наша гордость.

— А вспомогательные двигатели? — спросил капитан.

— Домой они нас доставят, хотя и с трудом, но стартовой перегрузки не выдержат, разве только...

— Что?

— ...Разве только мы будем строго экономить энергию. Придётся выключить освещение, компьютеры, связь, сенсоры, систему очистки воздуха, поле невидимости — но только на эти несколько первых секунд старта, конечно...

— Тогда сделайте это.

— Хорошо.

Специалист по цивилизациям в ужасе воскликнул:

— Капитан! Только не поле невидимости! Мы не должны его выключать!

— Вы слышали навигатора. Это наш единственный шанс — к тому же лишь на несколько секунд, так что... — Он кивнул навигатору и приказал: — Старт. — Потом посмотрел сквозь прозрачную стену на мир, который они покидали. — Прimitивные, говорите вы. Ну что ж, вы специалист. Но как жаль, что мы не можем установить с ними контакт сейчас. Это было бы интересно. Они так похожи на нас...

— Ну, не очень, — возразил специалист, когда звёздный корабль пришёл в движение. — У них только одно лицо, ноги совсем другие, а крыльев вообще нет. Но я понимаю вашу мысль...

Снаружи бородатый туземец моргнул, широко раскрыл глаза, показал пальцем.

— Гляди! — сказал он своему спутнику. — Вихрь! Большое облако! Огонь! Люди с крыльями и многими лицами! Колесо... в другом колесе!.. Небесная колесница! Это боги!

— Где? Что? — удивился его спутник, повернувшись с секундным опозданием. — Я ничего не видел, Иезекиль.

Но круги уже пошли по воде...

Ripples, 1967

Перевод: Л. Дымов

Иллюстрация: Д.-А. Панчетз, Б. Ионайтис

ВОТ ОН Я, ДЖОН ГЕНРИ!

Рей РАССЕЛ

Начнём. Говорит Джон Генри Картер, капитан военно-воздушного флота США, пилот космического корабля «Лунник-1». Вход в земную атмосферу прошёл успешно, до посадки в заранее заданном районе остаётся 30 минут 25 секунд, все бортовые системы работают нормально. Чувствую себя отлично, вот только чуточку перевозбуждён — должно быть, лёгкий приступ космической эйфории. Сейчас гляжу на Землю. Повторяю: вижу Землю во весь экран, изображение чёткое, и она такая лапочка, что — фу ты, господи, — улыбается мне, большущая-пребольшущая, прямёхонько подо мной, полнотелая вертушка, и — так приятно видеть тебя снова, матушка-Земля, дай-ка поговорю с тобой. Зовут меня Джон Генри Картер, капи... А впрочем, я, кажется, уже представлялся... Тогда допредставлюсь: в Атланте лучше меня парня нет, светлая — извините за каламбур — голова, стопроцентный янки, родился 4 июля 1945 года, полноправный гражданин США, первый человек, ступивший на Луну. Ошибочка. Первый человек, ступивший на Луну и вернувшийся на Землю, чтобы об этом доложить. В действительности первым на Луну ступил мой приятель, другой Джон Генри. Поскольку у меня полчаса времени и шестьсот футов магнитной ленты, то надо бы мне всё рассказать по порядку. Штука в том, что когда этот аппарат, который умеет чудо как точно приземляться, доставит меня по назначению, и я потопая навстречу телекамерам, грянет оркестр, все большие шишки вытаращатся на меня, а самая большая шишка изготавится приколоть мне медаль на грудь... тогда уж мне будет не до того.

Сказать по совести, я собирался в полёт без особого восторга. Конечно, меня заранее предупредили, что 239 тысяч миль я пролечу не один, со мной будет ещё человек. Но я и думать не думал, что мне в напарники подсунут одного из тех... Это ж надо — на Луну бок о бок с русским! Й-ю-ю! Конец всему!

Конечно, вспомнил я дарвиново: «Приспособиться или умереть!», и просто махнул рукой на всю эту хренотень: символ международного взаимочего-то, знак обоюдного доверия, шаг к мирному сосуществованию, рукопожатие через океан, и тэ-дэ и тэ-пэ (батьюшки, столько слов из пальца высосать!). К

тому же я смекнул, почему выбрали именно меня — славного негритосика, покладистого сыночка доброй матушки Картер. Есть такая штука, «паблик рилейшенз», слышали? Ребята, которые на пропаганде собаку съели, ночей не спали — всё думали, думали. В самом деле: Чёрный и Красный. Тёмный и Русый. Африканчик и Товарищ. Ниггер и Совок. По мне, так чересчур в лоб, можно было бы и потоньше. Ну да ладно, я парень покладистый.

Разумеется, у этого духа сотрудничества оказалось ядрёное звёздно-полосатое тело. Чтобы мне эта дружба-братство в голову не бросилась, её втихаря подразбавили. Намекнули перед вылетом без обиняков, что с напарничком дружить-то надо, но уж совсем брататься не стоит (помни, парень, ты был бойскаутом!) и совершенно ни к чему держаться в тени — ничего страшного, если к дружбе примешается добрая порция здорового соперничества. Только нет нужды это особо выпячивать. Словом, мягко так стелют. Ну, я вроде как не врубаюсь. Тогда мне говорят: будет очень даже славно, если американская половина космической команды каким-нибудь образом в глазах всего мира станет лучшей половиной, главной половиной. Я стою, морда чайником, пока они мне всю эту дрянь скармливают. А потом, значит, знакомят нас.

Первое, что я про этого типа просёк — зовут его тоже Джон Генри, то есть Иван Генрихович; Джон, сын Генри. Со всем как меня. Моего папашку тоже Генри звали. Иван Генрихович Яшвили. Язык сломаешь. Поначалу мы друг к другу официально: капитан Картер, товарищ капитан Яшвили, — но скоро он предложил упростить обращение до Вани, а я не возражал против Джона Генри, что он произносил не без труда. Получалось в лучшем случае что-то вроде Жонхенри, но что я за пуп земли, чтобы обижаться? Обижайся не обижайся, а по-английски он лопотал куда лучше, чем я по-русски.

Долго ли, коротко ли, наступил великий день. Мы оба растягивали рот до ушей и пережали руки чёртовой уйме репортёров. А потом забрались в эту утробу и втиснулись в сделанные на заказ кресла. Сами знаете, чтобы уместиться на них, нужна немалая сноровка — всё равно что имбирного человечка засунуть обратно в пирог, как подметил старина Ширра

в шестьдесят втором году, и лучше него никто не выразился. Ну, а там начался обратный отсчёт времени — эх, как это на нервишках играет, этот счёт до нуля, когда секунда хуже часа, и наконец БА-БАХ!!! — взлетаем!

Шум, скажу я вам! А трясёт-то как! Будто в шейкере исполинского бармена! Вес наших тел удвоился, потом ещё удвоился... Перегрузка норовила вмазать нас в кресла! Мы силились вздохнуть; наполнить лёгкие вопреки навалившейся на них чугунной наковальне, которая пыталась разгладить нас до толщины бумажного листа, напрочь выдавить из нас воздух. Вдохнуть — в голове только эта мысль и бьётся, — воздуху, приятель, воздуху, иначе хана, иначе отключишься и неизвестно, вернёшься ли на этот свет. А вместо того на прежнюю наковальню наваливается ещё одна, и ещё одна...

За две минуты штуковина набрала скорость шесть тысяч миль в час, отвалились баки с отработанным топливом, а разгон продолжался... и вот уже двадцать пять тысяч миль в час, мы вконец расплющены... Но тут все эти перегрузки и шум пропадают, и оказывается, что в креслах нас удерживают только ремни, потому как оба мы легче мыльных пузырей. Невесомость. Я проверил показания приборов, засосал джина из тюбика, потом повернул голову в сторону Вани и ухмыльнулся. Он ответил счастливым оскалом. Летим! Первые люди летят к Луне!

Когда в разгаре такое великое дело, смешно чваниться и оставаться чопорным, тем более занятий у нас особых нет — за всем следит автоматика; сиди себе да поплёвывай в потолок, чего, впрочем, в невесомости делать не рекомендуется. Ну, ясно, мы оба расслабились и начали калякать.

Тут он возьми и назови меня африканцем. Сперва я — на дыбы, но потом сообразил: он не хотел меня обидеть. Просто у них был такой великий русский поэт, вроде нашего Шекспира, наполовину африканец, наполовину русский. Тогда я говорю: «Раз так, значит, этот их чернявый Шекспир был большим ходок по части баб». А он меня спрашивает: «Ты, часом, не сын раба?» Тут я так и прыснул — эх он всю штатовскую историю в пять минут втиснул! Я ему разъяснил, что никакой я не рабский сын, а вот мой прапрадедушка в самом деле

гнул спину на белых. Он на это кивнул головой и говорит: «А мой прадедушка был крепостным».

Такие воспоминания взламывают лёд, и я не заметил, как стал расспрашивать его, откуда он, то есть из какой части России. А Ваня отвечает: «Жонхенри, я и не русский вовсе. Я из страны, которую русские называют Грузией, а мой народ называется Сакартвело. А по-английски мою родину именуют, кажется, Джорджией».

Не сиди я в кресле, я бы, наверное, упал от неожиданности.

— Как, ты тоже родом из Джорджии? Вот так номер! Выходит, мы с тобой парочка золотых ребят из Джорджии!

И я на радостях затянул куплет натуральной нашенской песни, которую певал когда-то...

— Ваня, а вы в своей Джорджии хлопок не выращиваете? А пшеницу или табак?

— И зерно, и табак, — отвечает он. — А вот хлопок не растёт. Зато есть апельсины и лимоны, как у вас в Калифорнии и во Флориде. Ещё чайные плантации, миндаль, шёлк, сахарная свёкла, виноградники!

— А где ты там в Джорджии жил? Ты из крестьянской семьи?

— Нет, я из большого города, столицы — из Тбилиси, который прежде звали Тифлисом.

— Потрясно! Я ведь тоже родился в столице Джорджии.

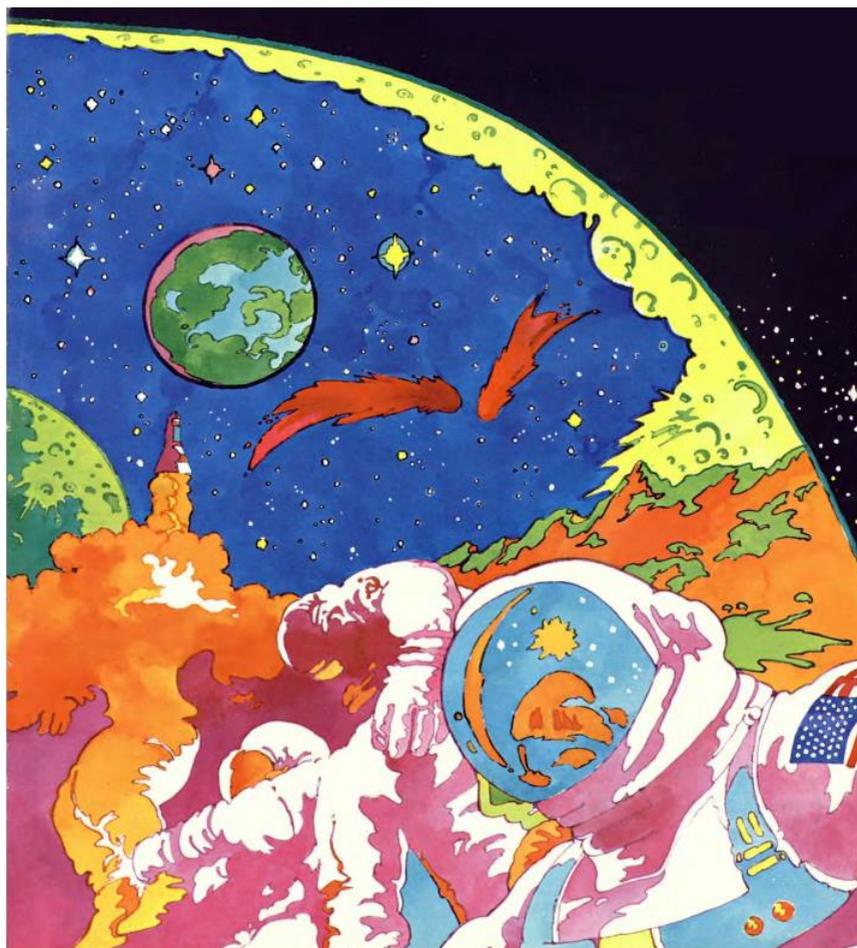
— Джугашвили — как раз наш, — с улыбкой сказал он.

— Как-как? Это сорт водки такой?

— Ты что! — рассмеялся Ваня. — Это Сталин, Иосиф Сталин!

— Так бы и говорил. А он тебе родственником не приходится? Очень у вас похожие фамилии — Яшвили вроде как сокращённый вариант.

— У меня на родине многие фамилии звучат подобным образом: Шолокашвили, Орашелашвили, Бараташвили, Такташвили. Но в Грузии живут не только грузины. Их всего шестьдесят пять процентов. Десять процентов русских. Остальные — это армяне, осетины, абхазцы, украинцы, евреи, греки, курды. Много разных народов.

Так мы мирно беседовали в первые часы, после выхода из земной атмосферы. Но потом всё пошло наперекосяк. Наперекосяк — ещё мягко сказано. Дело обернулось совсем паршиво.

С воздухом проблем не было — в систему жизнеобеспечения входит ёмкость с химическим веществом, которое поглощает углекислый газ и выделяет чистейший кислород. Запас провизии тоже был в порядке — весь полёт на Луну и обратно должен был занять меньше недели, а именно сто тридцать часов. Поэтому пищи требовалось относительно немного. (Чёрт побери, даже если бы мы вообще не взяли провизию, то

как-нибудь перебились бы пять с половиной суток; к концу путешествия, конечно, изрядно отощали бы и выли от голода, но это всё-таки не смертельно). Словом, насчёт воздуха и пищи мы могли не волноваться. Беда пришла со стороны запасов горючего.

Горючее необходимо на два взлёта, чтобы поднять всю эту хреновину плюс пару нехилых парней — и дважды преодолеть силу тяготения (сперва Земли, потом Луны). А это не бык чихнул. Поэтому горючего имелось, что называется, впритык. Ребята, которые наш аппарат проектировали, рассчитали всё до последней капли — так, что никакого запаса не оставалось, ни грамма лишнего для подстраховки.

Будучи в курсе этого, я на второй день полёта возьми и проверь показания топливных датчиков. И тут меня как обухом ударило.

— Ваня, приятель, — говорю я, — а глянь-ка сюда.

Он смотрит. Трясёт головой:

— Не понимаю, что ты высмотрел, Жонхенри.

— Прикинь-ка, приятель, в уме, сколько нам нужно горючего, чтобы попасть туда, куда мы летим. А потом сделай скидку на меньшую силу тяжести Луны и посчитай, сколько потребуется горючего на обратный путь. И тогда новым взглядом посмотри на показания счётчика.

Он берёт карандаш и бумагу, считает раз, второй. Потом лицо у него вытягивается.

— Твоя правда, Жонхенри.

— На обратный путь горючего не хватает, да?

На обратный путь горючего не хватает для двоих.

Тут мы оба языки проглатываем — как-то не тянет больше на светские беседы. Сидим себе, и пот по лицам каптится. Не, кондиционер работает на пять, но пот так и льёт. Каждый в уме прикидывает вес другого и как груда костей и мяса в соседнем кресле приведёт к тому, что мы не дотянем до Земли или подохнем на Луне. Словом, сидим и долго так молча кумекаем.

Наконец Ваня говорит:

— Жонхенри, по-твоему, это случайность?

— Разумеется. Что же ещё?

— Ума не приложу. Но как такое могло произойти? Ведь всё делалось не с кондачка, всё просчитывалось, столько испытаний...

— Чтоб им пусто было! Но что, если не случайность?

Тут он поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза:

— Жонхенри, до того, как встретиться с тобой, ещё в Москве, я достаточно наслушался про международное сотрудничество и мирное сосуществование. Однако вдобавок мне дали понять, что ничто не отменяет соперничество двух систем, что дружба, согласно законам социалистического реализма, не исключает соревнования. Мне посоветовали приложить все усилия, чтобы в здоровом соперничестве непременно одержать верх — не ради удовлетворения собственного самолюбия, а в высших целях служения советскому народу.

— Где-то я точно такое же слышал, — сказал я.

— Как, и тебя проинструктировали так же?

— А ты думал!.. Что же нам теперь делать, дружище?

— Хрен его знает, — говорит он и отворачивается от меня. — Хрен его знает, что я намерен теперь делать...

Снова надолго замолчали. Выполняем всё, что стоит в программе. Но молча, потому как говорить совершенно не о чем. Только в тишине каждый, похоже, слышит, как в голове другого вертятся-поскрипывают колёсики — работает мозговая мельница. Каждый прикидывает в уме, что без помощи партнёра ему — ему лично — не выжить, слишком многое необходимо делать на пару. Но это только до некоторого решающего, момента, а потом каждому следует позаботиться о собственной шкуре. Штука только в том, что ни один не может угадать, когда этот роковой момент наступит. Причём оба мы понимаем, что роковая минута настанет — через час ли, через сутки ли, до прилунения или после, но в определённый момент один из нас с научной невозмутимостью придёт к выводу, что второй внезапно стал лишним, смертельно лишним... Триктрак. Вертятся колёсики в голове.

Поспать? Нет уж, дудки!

И вот парочка поджавших хвост путешественников совершает посадку на эту огромную головку сыра — согласно графику, через шестьдесят пять часов после взлёта с Земли. Из

корректирующих двигателей новейшего типа вырываются столбы огня, и мы мягко-мягко садимся в заданном районе. Открываем люк. Ваня галантно отступает и жестом приглашает меня выйти первым. Я также отступаю и корчу вежливую физиономию: дескать, только после вас. Ни один из нас даже на мгновение не хочет оказаться спиной к другому. В конце концов Ваня шустро выбирается из люка — и становится первым человеком, ступившим на лунную поверхность.

Не буду распространяться о лунной силе тяжести, которая меньше земной, не буду ахать и охать по поводу того, как лунная пыль бесшумно вьётся у башмаков — всё это занесено в официальный бортовой журнал. Но вот чего ни в какой бортовой журнал не запишешь, так это обалденное ощущение, которое можно только самому пережить, — ощущение, когда стоишь там и твоё тело в шесть раз легче земного, и ничтошеньки между тобой и звёздами нет — никакого этого воздуха, а старушка-Земля висит над тобой, как огромное блюдо на чёрном столе, и ты чувствуешь... дьявол, кабы я мог это словами выразить!.. Всё, чем ты был прежде, всё твоё раздутое «я», всё твоё непомерное тщеславие мигом сметается большущим венником, напроць, так что ты перестаёшь быть собой, а становишься жалкой пылинкой, одновременно ощущая себя исполином, ты и осознаёшь своё ничтожество и упиваешься, словно заново родился, чистый, омытый, свободный.

Уверен, что и Ваня чувствовал то же самое — такое у него было лицо за щитком шлема. Ну так вот, нащёлкали мы сколько нужно фотографий, взяли образцы породы, сделали необходимые записи. Настал момент, когда нам — точнее, одному из нас — предстояло забраться в это космическое корыто и улететь на милую сердцу родную планету. Итак, вот он — момент истины, час икс, когда мальчики превращаются в мужчин.

Мы стояли друг перед другом, глядя друг другу в глаза. Ваня ничего не говорил, но через шлемовое переговорное устройство я слышал его сопение. И не спрашивайте, сколько мы так простояли.

— Дружище, — сказал я. Потом собрался с духом и продолжил: — Дружище, нельзя, чтобы они вертели нами, как хотят. Мы не марионетки. Не желаю я плясать под их дудку.

— Я не понимаю, Жонхенри, что ты имеешь в виду.

— Брось ты дурака валять. Вспомни — там, в полёте, ты сказал: «Какая тут к чёрту случайность!» У тебя в голове вертелся ответ, но ты не осмелился додумать мысль до конца. Трудно поверить, что есть такие подонки, которые могут пасть до такого скотства и вляпать нас в такое дерьмо. Такие вот подонки да в твоей распрекрасной республике, где власть принадлежит народу!..

— В твоих словах мало логики...

— Власть принадлежит народу! Животик надорвать! Приятель, у вас власть принадлежит правительству, и только ему, как всегда и везде и во все времена. Твой прадедушка сказал бы пару ласковых слов про правительство. И любой с моим цветом кожи кое-что поведает о власть предержащих. Да в конце концов себя спроси... Спроси-ка себя, что ты имел в виду, когда говорил: «Какая тут к чёрту случайность!»

— Но то, что ты предполагаешь... Это чудовищно!

— Чудовищно? Ах, Ваня, не строй из себя дурака, это просто-напросто политика, здоровый прагматизм, маленькая партия в большой игре, где нас с тобой используют в качестве пешек.

— Во имя чего?

— Ох, пораскинь же мозгами! Они ведь тоже хотят иметь бутерброд с маслом. Очень хочется разыграть карту международного сотрудничества, но это ведь только игра. Два-три типа на самом верху пошущукались и пришли к выводу: «И ты, и ты, и я — мы, ребята, отлично знаем, что вся эта дружба-вружба затеяна, чтобы другим пыль в глаза пустить. В действительности мир движется вперёд благодаря борьбе — кто-то побеждает, кто-то проигрывает, — и только поэтому мы всегда при деле. Давайте устроим, чтобы и на этот раз был победитель и побеждённый, но сделаем это втайне от всех. Итак, договорились — молчок...»

И его проняло, я это видел. Он весь вскипел от мысли, что оба наших правительства повели грязную игру и по-свински стравили двух людей — астронавта против космонавта, заставив их сцепиться в смертельной схватке.

— Если всё это правда... то мы не должны тешить их. Давай кинем жребий. Это будет разумно, в духе социалистического реализма...

— У-у, это будет логично и с точки зрения янки-всезнайки, и француза-бутуза, и англичанина с бульдожьим умом, и с точки зрения вашего цистического изма. Ваня, выкинь ты всю эту дребедень из головы! Почему из нас должен выжить кто-то один? Если ты действительно хочешь плюнуть в морду этим подонкам, то умирать нам обоим вместе. Или я не прав?

Тут я угодил, что называется, не в бровь, а в глаз. Он врубился. Допетрил.

— То есть ни одна из сторон не одержит победу. Победу одержит человечество в целом. Мы сообщим по радио на Землю, что решили встретить смерть вместе, как братья...

— Вот именно.

— И наше братство посмеётся над их политическими амбициями. Мы послужим чему-то более высокому...

— Наконец-то ты заговорил по-человечески!

— Не знаю, Жонхенри, не знаю... Всё так сложно...

— Будто я, чёрт побери, не понимаю! Думаешь, мне охота помирать? Но мы обязаны умереть! Неужто мы дадим выкрутиться этим подонкам? Мы должны задать им перцу!

Я положил свою руку в перчатке ему на плечо.

— Слушай, Ваня... Я же видел, какое у тебя было лицо, когда мы сели на Луну... Ты испытал те же чувства, что и я... словно ты весь омыт, вычищен, заново рождён и тебе отпущены все прошлые прегрешения... Что, я не прав? Ведь почувствовал?

— Да... верно...

— Погляди, Ваня, на всё это, на это всё. Над нами, вокруг нас, на эти звёзды, планеты — ведь это ещё поразительнее того, что представлялось нашему воображению... Назовём ли мы это бесконечностью, вечностью, Богом... Оглянись, дружище...

И он оглянулся. Посмотрел вокруг себя, вверх, вниз... А когда он оказался спиной ко мне, я молниеносно щёлкнул клапаном на его шлеме — и воздух из его скафандра унёсся в вакуум. Он просто бесшумно взорвался внутри своего скафандра и упал — медленно и изящно, как большое перо, — в лунную пыль. Это случилось быстрее, чем я мог бы произнести «товарищ капитан Иван Генрихович Яшвили».

И вот теперь я привёл эту космическую посудину к матушке-Земле и собираюсь приземлить её в указанной точке — заботливо и осторожно, как дроздиха откладывает драгоценное яйцо в своём гнезде. Я подлетел уже так близко, что могу видеть всех, могу видеть всю эту кутерьму. Реют флаги — Ванин и мой. Видимо-невидимо ихних и наших боссов — военных и гражданских. Батюшки, да там сам Президент, как и было обещано. Вон он, Вождь нации, изготовившийся нацепить мне медаль на грудь. А рядышком Государственный секретарь. И, конечно, оркестр наяривает: блестящие, как ириски, трубы и начищенные тромбоны, словно ряды жёлтых зеркалец. Даю голову на отсечение, играют они ту же мелодию, которую мы горланили много-много лет назад в детском хоре — не то Генделя, не то ещё кого. До сих пор помню все слова:

*Зри приближение героя!
Труби труба, бей барабан...*

Во-во, они непременно шпарят что-нибудь в этом духе, готов поспорить. И правильно, трубите в трубы, лупите по барабанам! Валяйте, не стесняйтесь! Недолго вам наяривать. Наверняка потом сочинят историю, что эта космическая хреновина стала неуправляемой, но не верьте, потому что система управления в полном порядке. Эта колымага подчиняется малейшему движению моей руки, и не сомневайтесь, ребята, сделана она на славу, классная штуковина. Очень хотелось бы, чтобы какой-нибудь настырный репортёр порылся в обломках и нашёл эту магнитофонную запись, тогда правда всплывёт. Было бы здорово. Так или иначе, вам, джентльменчики, там, внизу, придётся ахнуть от изумления. Сюрпризец будет, что надо. И для генералов, и для сенаторов, и для проныр из

службы «паблик рилейшенз», и, разумеется, для вас, господин Президент, и для вас, господин Государственный секретарь.

Мне не даёт покоя фраза Вани: «В твоих словах мало логики». Что же, очень может быть. Не исключено, что ребята, которые делали расчёт горючего, ошиблись без всякого умысла. Или вообще никто не виноват — просто произошла утечка. Если то или иное верно, вы можете сказать, что я задумал идиотский поступок. Но постойте меня ругать. Разве так уж важно, прав ли я в данном конкретном случае? Взгляните на дело попристальней: ежели сейчас я ошибаюсь, ежели я «нелогичен», ежели у меня в самом деле крыша поехала, то давайте условимся, что я покрываюсь со всей этой напыщенной шатией политиканов за всё сразу — ведь за долгие годы они много чего понатворили... Чёрт побери, пусть это будет местью за уйму безвинно погибших... А мстить есть за кого, только выбирай...

За бойню в Новгороде, за резню в Калькутте, за венгерскую революцию, потопленную в крови, за Вьетнам, за Дрезден, за Хиросиму, за Бабий Яр, за японцев во вторую мировую... за людей, сожжённых напалмом или разорванных шариковыми бомбами.

Если я всё же прав в данном конкретном случае, то просто замечательно, а если я не прав, то им есть, за что ответить по старым счетам.

Ну, подруливаем, самое время для посадочки...

Ваня, дружище, прости, что я так поступил с тобой. Но у меня не было выхода, только так я мог благополучно вернуться и осуществить то, что задумал. Ещё очень мне жалко репортёров и ребят из оркестра... давайте, додувайте, в свои трубы, мои хорошие... «Как эти розы и венки из мирта идут к божественному челу героя!»...

Простите, парни, вам просто не повезло. Потому как, когда я нацелю эту небесную колымагу и врублю посадочные двигатели прямо над разукрашенной флагами трибуной для гостей, где сгруппировались большие шишки, всем придётся очень-очень жарко. Уж я расстараяюсь, чтобы на этот раз герой явился

в испепеляющих лучах славы. Я заберу с собой на тот свет чёртову уйму мрази... Держите шляпы, сукины дети! Вот он я, Джон Генри!

Here Comes John Henry, 1968

Перевод: В. Задорожный

Иллюстрация: И. Мельников

МАРКИЗА

Дэнни Дейн оставил машину в узком переулке в тени густых деревьев, где она была практически не видна с улицы, и оставшиеся полмили преодолел пешком. Дорога шла наверх, но подъём оказался некрутым. Несмотря на уже не юный возраст (Дэнни шёл уже пятый десяток), он поддерживал неплохую физическую форму. Зрители платили хорошие деньги за то, чтобы посмотреть на его хорошо сохранившуюся фигуру. Поэтому он относился к ней с теми же вниманием и заботой, как к другим вложениям денег.

Время было позднее, но Дэнни надел большие чёрные очки, закрывавшие почти половину лица. После жаркого и сухого дня на город наконец опустилась живительная прохлада. Дейн шагал по улице и с наслаждением вдыхал полной грудью ароматы лимонов, липы, лавра и других деревьев, которыми славился Голливуд-Хиллс.

Через четверть часа энергичной ходьбы Дэнни Дейн пошёл к средних размеров дому, очевидно, не очень дорогому, но очень стильному. Всё, что он мог разглядеть в слабом свете, говорило об отменном вкусе владельца. Об этом красноречиво свидетельствовала и толстая деревянная дверь, которой наверняка было несколько сотен лет. Её несомненно привезли откуда-нибудь из Испании, возможно, даже из монастыря. Дэнни не был специалистом по антиквариату, но готов был поспорить на любые деньги, что это была настоящая старина, а не подделка.

Не найдя звонка, он с интервалом в одну-две секунды несколько раз поднял и резко опустил тяжёлый медный молоток. Громкий звук спугнул стайку птиц, устроившихся на ночлег в деревьях.

Томительные секунды между звуками ударов и открытием двери были наполнены для него сладким ожиданием. Он пришёл в гости, причём будет единственным гостем, к самой соблазнительной и загадочной женщине, которую когда-либо

встречал. А встречал их, как без ложной скромности мог признаться сам себе Дэнни Дейн, он на своём веку великое множество.

На эту потрясающую испанку Дэнни обратил внимание, едва переступил порог дома Фрэн Плоткин. Неделю назад Фрэн устроила вечеринку, на которую собрался весь Голливуд. Дейн не мог отвести взгляд от жгучей красавицы в красивом чёрном платье. Он не без удовольствия отметил про себя, что и она бросает на него тайком взгляды.

Когда новая супруга Дэнни, Жена номер шесть, отошла на безопасное расстояние, он спросил у хозяйки:

— Кто это?

— Успокойся, мой мальчик, — улыбнулась Фрэн Плоткин. — Не забывай, что ты молодожён.

— Фрэн, ты же меня знаешь.

— Я-то знаю, а вот знает ли твоя юная жёнушка, какой ты ловелас? Или она всё ещё пребывает в счастливом неведении?

— Понятия не имею! — беспечно пожал плечами Дейн. — Да и какая разница! Рано или поздно ей всё равно предстоит это узнать... Ну не томи, Фрэн. Кто она?

— Елена Мендоса, маркиза де Альтамадура.

— Мендоса... — задумчиво повторил Дэнни Дейн. — Откуда я знаю эту фамилию? И ещё к тому же маркиза. Она мне определённо нравится. Можешь мне не верить, но у меня ещё никогда не было... Она настоящая маркиза?

— Не совсем. Титул у неё от мужа.

— О Господи! Муж... Означает ли это отвратительное слово, что маркиз где-то поблизости?

— Не совсем поблизости. Доктор Мендоса находится на глубине двух метров в земле.

— Отлично! — обрадовался Дэнни Дейн. — Фрэн, ты должна представить меня этой очаровательной вдове.

— Дэнни, ну ты и паршивец! Сколько времени прошло после твоей свадьбы? Две или три недели, не так ли?

— Кто бы говорил! На голове твоего супруга столько рогов, что его скоро никто не сможет отличить от морского ежа.

— Дэнни, только хочу сразу тебя предупредить, что она не из тех звёздочек, которые падают в обморок только от того, что на них обратил внимание сам великий Дэнни Дейн. Маркиза Альтамадура очень приличная испанская дама. Не знаю, почему она осталась здесь после смерти мужа, а не уехала на родину и не живёт сейчас в родовом замке где-нибудь в Гранаде или другой испанской провинции и не носит мантилью. Имей мужество взглянуть правде в глаза, мой мальчик. Она не для тебя.

— Тогда объясни мне, пожалуйста, почему она бросает на меня эти горячие испанские взгляды с той самой минуты, как я приехал? Помогите мне, детка, или я начну буйствовать. Ты же знаешь, каким буйным я могу стать, когда буйствую...

Монастырскую дверь открыла сама Елена Мендоса. Этим вечером она выглядела ещё более потрясающе, чем в воспоминаниях Дэнни Дейна.

— Входите, мистер Дейн, — с лёгкой улыбкой пригласила смуглая красавица. Её глаза напоминали чёрные колодцы, в которых так легко было утонуть.

— Маркиза, — ответил он и склонился над её рукой.

Елена Мендоса закрыла тяжёлую дверь.

— Я не слышала вашей машины, — произнесла она.

— Потому что я оставил её в полумиле отсюда, у подножия холма, — объяснил он. — Видите, я был очень осторожен и постарался защитить вашу репутацию, как вы просили в разговоре по телефону.

— На карте стоит не только моя репутация, но и ваша, — напомнила Елена Мендоса.

— Боюсь, моя репутация так замарана, — рассмеялся Дэнни, — что её уже не отмыть.

— Может, я слишком старомодна, — сказала маркиза, вводя гостя, — но я решила отослать слуг, чтобы не было никаких сплетен.

Она показала изящной ручкой на серебряный кофейник.

— Или, может, вы предпочитаете что-нибудь покрепче?

THE
M
A
R
Q
U
E
S
S
A

— Нет, нет, кофе пока вполне достаточно. Немного позже мне наверняка захочется... — он пристально посмотрел ей прямо в глаза, — чего-нибудь более крепкого.

— Интересно, — слегка улыбнулась Елена Мендоса, наливая кофе в фарфоровые чашечки, — что вы сказали о своём сегодняшнем вечере миссис Дейн?

— Вы говорите об этой безмозглой дурёхе? — беспечно хмыкнул Дэнни Дейн. — Она считает, что я играю в покер с друзьями.

— Ваш звонок, — негромко, явно волнуясь, сказала маркиза, — застал меня врасплох. Честно говоря, я не надеялась увидеть вас после того вечера. Не надеялась, но очень хотела этого.

Дейн с удовольствием слушал, не перебивая.

— В вашей стране всё это более просто и легко, — продолжила она и быстро исправилась: — Проще и легче. Если ваши женщины хотят встретиться с мужчинами, которые не предпринимают никаких действий, они берут инициативу в свои руки. У нас всё иначе. Я рада, что вы позвонили. И я рада, что вы здесь.

— Не больше, чем я, маркиза, — улыбнулся Дэнни.

— Елена.

— В таком случае, я — Дэнни.

— Хорошо, Дэнни.

— Замечательно! Удивительно, какого прогресса мы с вами достигли за какие-то пять минут.

— Не знаю, что вы сейчас думаете обо мне, — заметно волнуясь, произнесла Елена Мендоса. Она смотрела не на гостя, а на ковёр у себя под ногами. — Я недавно овдовела, вы только что женились. Мы не должны быть вместе. Когда вы позвонили, мне следовало разговаривать с вами холодно и строго. А я вместо этого пригласила вас к себе в гости и приняла меры, чтобы никто не узнал о нашем свидании, и чтобы обмануть вашу жену. Мне должно быть стыдно, но мне так одиноко и печально... Пожалуйста, не думайте обо мне очень плохо.

— Ни в коем случае, моя дорогая Елена, — поспешил успокоить хозяйку Дэнни Дейн. Он излучал знаменитое дейновское обаяние, против которого могла устоять редкая женщина. — Я считаю вас самой доброй и прекрасной женщиной на свете.

— Я должна вам кое в чём признаться, — с лукавой улыбкой сказала маркиза. — Сначала я не собиралась приезжать на вечеринку миссис Плоткин. У меня ещё не закончился траур, и я не должна ездить по светским приёмам. Но когда миссис Плоткин сказала, что вы там будете....

— Я польщён, — искренне сказал он.

— Я так много раз видела вас на большом экране. У меня всегда было... как вы это называете?.. кажется «потерять голову». Мы с маркизом часто шутили по этому поводу. Знаете, мой муж был очень известным врачом. Мы познакомились в одной мадридской больнице, где я работала медсестрой. На первом свидании он пригласил меня в кино. Показывали фильм, в котором вы спасаете блондинку с пиратского корабля. Вы играли потрясающего храбреца! У вас было очень много врагов, но вы всех перебили своей шпагой! Я до сих пор помню, как вы схватились за канат, пролетели над палубой корабля и столкнули в воду главаря пиратов!

— Должен вас разочаровать, Елена, — рассмеялся Дэнни, — но это был не я, а Билл Уоллмэн.

— Билл Уоллмэн?

Он с улыбкой кивнул.

— Обычно, я предпочитаю помалкивать и принимаю все похвалы в храбрости и ловкости на свой адрес, но вы — особый случай. Вы, Елена, не какая-нибудь глупая поклонница из провинциального городишки. Билл Уоллмэн является моим... вернее, был моим дублёром по трюкам. Он снимался вместо меня в кадрах, снятых дальним планом. Вблизи, конечно, разница сразу бросается в глаза, но во всех сценах дуэлей, полётов на канатах и прыжков с одной мчащейся машины на другую снимался только Билл. Он — лучший каскадёр в Голливуде. Мне его очень не хватает.

— Он умер, этот ваш замечательный мистер Уоллмэн?

— Нет, пару месяцев назад сбил на моей машине маленькую мексиканскую девочку и, боюсь, сейчас сидит в тюрьме, бедолага... Можно ещё кофе?

Дэнни не кривил душой. Ему на самом деле не хватало Билла Уоллмэна, причём не только по профессиональным причинам. В прошлом Билл много раз его выручал. Он брал на себя вину в многочисленных пьяных скандалах, которые устраивал Дэнни, и авариях. Для него Билл был дороже золота. Дело в том, что на 8-й странице контракта с киностудией есть пункт, согласно которому Дэнни должен был соблюдать нормы морали и законы. Он не должен совершать никаких поступков, которые вызовут к нему со стороны публики неуважение, насмешки или презрение. Билл Уоллмэн был его палочкой-выручалочкой, его спасателем, которого теперь очень трудно заменить.

— Может, вы хотите вина? — предложила Елена Мендоса.

— Спасибо, с большим удовольствием.

Она открыла бар и разочарованно покачала головой:

— Увы, ничего хорошего не осталось.

— Не страшно. Налейте любое.

— Нет, нет, — торопливо возразила Елена. — Любое вино не для вас. Вы... как вы это сказали? Особый случай, да? Вспомнила! Кажется, осталась ещё одна бутылка, последняя. Пожалуйста, пойдёмте со мной. Знаю, это звучит глупо, но я боюсь.

— Боитесь? Чего боитесь?

— Нужно спуститься в винный погреб. Я боюсь идти туда одна.

— Винный погреб? — удивился Дэнни, вставая. — Это что-то новое для Южной Калифорнии. Ну что же, ведите.

— Мой муж Энрике, — рассказывала маркиза, спускаясь по узкой крутой лестнице, — купил этот дом после длительных поисков. Он приехал в Лос-Анджелес преподавать в Калифорнийском университете. Маркиз был очень предан своей работе и с удовольствием делился своими знаниями с молодёжью, но всё равно оставался истинным аристократом, любите-

лем и знатоком вин. По-другому Энрике жить не мог. Его поиски подходящего жилища в конце концов увенчались успехом. Он нашёл дом с подвалом, который можно приспособить под винный погреб... Включите, пожалуйста, свет. Выключатель рядом с вами.

Дэнни щёлкнул выключателем. Через пару секунд, когда глаза немного привыкли к свету, он увидел ровные ряды бутылок, терпеливо ждущих своей очереди. Каждая лежала в специально отведённом для неё месте. Дейн подошёл к стеллажам и принялся с интересом разглядывать этикетки. Маленький золотистый паучок в панике бросился наутёк.

— У вас превосходный погреб, — похвалил он.

Елена Мендоса обошла его и взяла бутылку, которой судя по её виду было очень много лет.

— Я не ошиблась, вот она! — торжествуя воскликнула она. — Самый старый из всех хересов. Это вино разлито в 1750 году!

— В 1750 году! — в благоговейном ужасе повторил Дэнни Дейн. — Такое вино я обязательно должен попробовать.

Он взял у неё древнюю бутылку и направился к лестнице.

— Подождите, — остановила его маркиза, — кажется, наверху нет штопора. По крайней мере я ни одного не видела. После смерти мужа я ни разу не пила вина.

Такой возможности он упустить не мог.

— После смерти вашего мужа вы не пробовали и много других хороших вещей, — нежно и с лёгкой грустью заметил Дэнни. — Напрасно, Анна... Извините, конечно, я хотел сказать: «Елена». Бесмысленная трата женской теплоты и жизни.

Ему всегда нравилась эта реплика из «Королевского капитана». Он использовал её с разными вариациями много раз. Но почему он назвал её Анной? Ведь он не знал никакой Анны...

— Вот он! — со смехом прервала его Мендоса.

— Что?

— Штопор. Откройте бутылку, пожалуйста.

— Здесь? В подвале?

— Вино очень старое. Бутылку нельзя сильно встряхивать. Мой муж всегда говорил, что старое вино любит покой.

Дэнни не без труда осторожно и очень медленно извлёк пробку, которая закрывала бутылку почти два с половиной столетия. От времени она сильно потрескалась и могла рассыпаться в любой момент, но ему кое-как удалось справиться.

— Вот бокал, — показала маркиза на хрустальный фужер и смахнула с него платком пыль.

— Только один?

— Будем пить по очереди.

Он уловил в её голосе произнесённое обещание. Сначала выпьем, скажем, полбутылки, мысленно планировал Дэнни Дейн сценарий вечера. Потом под действием вина, одиночества, горячей испанской крови и любви к нему она возбуждётся, и сама упадёт в его объятия.

Дэнни налил в бокал густую жидкость цвета расплавленного янтаря. Маркиза сделала небольшой глоток и протянула бокал. Он осушил его одним огромным глотком.

— Как Тристан и Изольда, — с широкой улыбкой проговорил актёр, — когда они поклялись вечно хранить верность

друг другу и... Крепкое, однако, вино! Оно не могло со временем испортиться? Как-никак столько лет простояло закрытым. Знаете, у меня что-то кружится голова. Как вы себя чувствуете? Не кружится голова? Не тошнит?

Елена молча покачала головой.

— Пожалуй, мне... лучше присесть... на минуту, — рас-
терянно пробормотал Дэнни Дейн.

Дэнни судорожно схватил стул и почти упал на него. Затем, словно столбик ртути высотой под метр девяносто, плавно перетёк со стула на пол. Сейчас он лежал на полу и, ничего не понимая, ошеломлённо смотрел на Елену, которая, казалось, стояла очень далеко от него. Маркиза отвернулась и выплюнула вино, которое держала во рту. Дейн рухнул в чёрный колодец...

— Вы пришли в себя, мистер Дейн?

Голос маркизы донёсся справа. Дейн обнаружил, что может слегка повернуть голову, но этого было недостаточно, чтобы увидеть её.

— Теперь вы догадываетесь, где я. А сейчас я хочу, чтобы вы меня внимательно выслушали. Очень важно, чтобы вы поняли, что с вами происходит и почему. Наверное, вы уже догадались, что в вине что-то было. Добавить в него сильнодействующее лекарство оказалось совсем нетрудно. Я только впрыснула его через пробку шприцем с длинной иглой. Никаких проблем, у меня неограниченный доступ к шприцам, лекарствам и всему остальному, что связано с медициной. Не забывайте, что покойный маркиз был врачом, а я — неплохой медсестрой... Вы лежите сейчас на кровати, вернее на койке, какие стоят в больницах. Вы не можете пошевелиться, потому что крепко к ней привязаны. Во рту у вас кляп, глаза завязаны. Эту кровать поставили для моего мужа в последние месяцы его болезни. После его смерти её отнесли в подвал... Для начала, мистер Дейн, вам следует понять, что вы сейчас считаетесь пропавшим без вести человеком и останетесь таковым до конца своих дней. Никто не знает, где вы находитесь. Вы сами позаботились об этом, не правда ли? Своей бедной болтливой

жёнущке вы соврали, что отправились играть в карты с приятелями. Машину оставили в полумиле от дома у подножия холма и прошли остаток пути пешком.

Когда вы похвалили мой подвал, я мысленно рассмеялась иронии ваших слов. Это действительно превосходный подвал. Его построил прежний владелец дома, чтобы в случае необходимости воспользоваться им как бомбоубежищем. За стеллажами с винными бутылками находится тайная комната, о которой не знают даже слуги. В ней очень толстые и прочные стены. Она вентилируется, обогревается, имеет санитарные удобства и даже не лишена уюта. При необходимости в ней можно очень долго жить. Да, мистер Дейн, вы, конечно, уже догадались, что сейчас находитесь как раз в этой тайной комнате и никогда её не покинете.

Дэнни попытался встать, но ремни крепко держали его за шею, грудь, живот, запястья, колени и лодыжки. Едва слышно застонав от разочарования, он прекратил бороться.

— Эти ремни сделаны из самой крепкой кожи, мистер Дейн. Они в полдюйма толщиной, усилены стальными волокнами и заперты на замки, ключи от которых находятся у меня. Все ваши усилия освободиться тщетны. Так что лучше поберегите силы, они вам ещё понадобятся.

Сейчас её голос раздался слева от него.

— В самом начале этого вечера вы упомянули «маленькую мексиканскую девочку», которую сбил ваш мистер Уоллмэн. Но при этом вы намеренно допустили две неточности, а если быть точнее — солгали. Во-первых, это была маленькая испанка, моя шестилетняя дочь Анна. И во-вторых, не мне говорить вам, что за рулём машины сидел не мистер Уоллмэн. За рулём в тот день сидели вы, не так ли, мистер Дейн?

Она ходила по комнате, постукивая каблучками по бетонному полу. Её голос то стихал, то становился громче.

— Вам удалось обмануть полицию и газетчиков, но вам никогда не обмануть меня. Я обратилась к частному детективу и попросила навести о вас справки. Результат его работы — досье на вас толщиной с телефонный справочник Лос-Анджелеса. Я много знаю о вас, мистер Дейн. Помимо прочих грязных подробностей вашей жизни мне, к примеру, известны и

ваши прежние трюки с мистером Уоллмэном, который становился козлом отпущения и брал на себя вину за ваши ошибки, неприличное поведение, мелочные скандалы и преступления. Он много раз спасал вас от справедливого наказания, но от этого возмездия ему вас не спасти. На этот раз вам придётся за всё заплатить сполна. Сначала свидетели того наезда в один голос утверждали, что моего ребёнка сбила знаменитая кинозвезда Дэнни Дейн. Потом ваш мистер Уоллмэн «признался» в наезде, и вы убедили их в том, что они ошибаются. Так что сейчас вы можете продолжать вести такой же образ жизни, как раньше: и дальше безнаказанно топтать людей и оставлять после себя только горе и страдания. Но сегодня вечером всему этому беспределу пришёл конец.

Неожиданно Дэнни весь напрягся и попытался перевернуть кровать, произвести хоть какой-то шум, порвать ремни или сломать замки, но кровать даже не шелохнулась.

— Я хочу, чтобы вы поняли, если сможете, — продолжила Елена Мендоса, — что, забрав мою Анну, вы отняли у меня самое дорогое. Боюсь, вы не в состоянии понять мои чувства из-за многочисленных разводов. После смерти мужа Анна стала всем, что у меня было в этом мире. Она мой первый и последний ребёнок. Я не смогу больше иметь детей. В Анне заключена моя жизнь, вся моя вселенная. И когда вы сбили её своей машиной...

Дэнни Дейн попытался вложить всю душу в голосовые связки, чтобы заговорить, но единственным звуком, который ему удалось произнести, было жалкое хныканье.

— Вы сбили её, этого незащитного ребёнка. У неё страшная травма черепа. Анна должна была умереть, но благодаря злему чуду, явно вызванному вмешательством Сатаны, она осталась жить. Сейчас она жива. Анна лежит на больничной кровати. Она полностью парализована, не может пошевелить даже пальцем. Она ничего не видит и не говорит. Бедный шестилетний ребёнок! Моя маленькая сладкоголосая птичка была рождена для детских игр и веселья, а благодаря вам она теперь обречена на невыносимые страдания полной неподвижности и бездействия, обречена на мрак, то есть на жизнь, которая мало чем отличается от смерти.

Елена замолчала на несколько минут. Он слышал её дыхание и был уверен, что она не плачет, а просто о чём-то задумалась.

— Вы разделите её судьбу, мистер Дейн. Кажется, я уже вам говорила, что я опытная медицинская сестра. Мне будет нетрудно очень хорошо заботиться о вас. Готова поспорить, вам нигде не найти такого хорошего ухода. Я буду ухаживать за вами так же хорошо, как ухаживают за моей дочерью в больнице. Буду ухаживать весь остаток вашей жизни, мистер Дейн. Всё время, что вам осталось прожить на этом свете.

Дэнни снова попытался заговорить с ней, и опять у него ничего не получилось.

— Доктора сказали мне, что предсказать, сколько ещё проживёт Анна, невозможно. Она может жить и месяц, и год, и два года, и пять лет. Но сколько бы она ни прожила, мистер Дейн, столько же отведено жить на этом свете и вам. Вместе с моей дочерью умрёте и вы. Ни днём раньше и ни днём позже. Я бы на вашем месте молила Бога, чтобы она умерла поскорее. Такой жизни не пожелаешь и злейшему врагу.

До Дейна донёсся какой-то царапающий звук. Он догадался, что она придвинула к его кровати деревянный стул. Маркиза села, слегка зашуршав платьем.

— Несмотря ни на что мне хочется быть справедливой. Я не хочу лишать вас в отношении удобств того, что есть у моей дочери. Я навещаю её каждый день, поэтому и к вам буду спускаться ежедневно. Я читаю ей сказки. И вам буду читать те же книжки. Вам повезло, мистер Дейн. Это не испанские сказки, эти сказки на вашем языке, на английском. Полагаю, вначале вам это маленькое утешение придётся не по вкусу. Но я с нетерпением буду ждать того дня, может он наступит через месяц, а может, и через год, когда я спущусь сюда к вам после того, как побываю у Анны в больнице, близко придвину к кровати стул и скажу, что этим вечером сказки не будет. Вы, наверное, попытаетесь что-нибудь сказать, но кляп вам не позволит этого сделать. Вы будете молить меня читать, вы захотите услышать любые слова, любой человеческий голос вне зависимости от того, кому он принадлежит; хоть какой-то звук, который отличал бы жизнь от смерти; всё что угодно, лишь бы

не сойти окончательно с ума... Поэтому надеюсь, вам понравятся эти сказки, мистер Дейн. Я буду читать любимые сказки моей Анны. Вы уж постарайтесь, пожалуйста, чтобы они вам понравились, мистер Дейн. Хотя бы потому, что это единственное, чему вы сможете радоваться.

Дэнни Дейн услышал шелест страницы. Он закричал, но испуганный голос звучал только в его голове: «О Господи, скажи ей... Пусть кто-нибудь ей скажет... О милостивый Боже, пожалуйста объясни ей, что в тот раз за рулём машины действительно был не я, а Билл Уоллмэн!»

— «Глава первая, — громко прочитала Елена Мендоса. — Медвежонок Эдвард спускается по лестнице вслед за Кристофером Робинем. Бум, бум, бум...»

The Marquesa, 1969
Перевод: С. Мануков

ВЫШИВАНИЕ ПО ДАРВИНУ

Он висел на стене комнаты, заключённый в антикварную рамку, вышитый старинной вязью в стиле «Благослови дом этот». Подобное сочетание показалось мне забавным. Впрочем, прямолинейный текст лозунга легко можно было обнаружить в настенных граффити едва ли не каждого дома:

Приспособься или умри!

Чарльз Дарвин

Хозяйка вызвала нас, не получив никакого отклика после длительного стука в дверь постояльца. Мы проникли внутрь и поняли всё с первого взгляда. Хозяйка квартиры закричала. Мой напарник, сержант Фред Нагель, посоветовал её заткнуть и оставить нас, что та незамедлительно исполнила.

— Жаль, что он позабыл о лозунге, — я махнул рукой в сторону вышивки, глядя на труп на полу.

— Эта чёртовы штуки через некоторое время становятся невидимыми. Ты просто их не замечаешь, — хмыкнул Фред.

— Как портреты Ленина, что раньше висели в Советском Союзе повсюду.

— Точно. На стене в каждом доме, в каждом офисе, в каждом общественном месте... но этих бедолаг мне жаль. Они просто не могут смириться, не могут приспособиться...

— Динозавры тоже не смогли приспособиться, — подхватил я, — и вспомни, что с ними случилось.

— Если бы он был стариком, я бы ещё понял. Но он был совсем молодым. — Фред ткнул пальцем в настольный календарь, выставленный на 31 декабря 1999 года. — Не очень-то счастливый Новый год для него.

Снаружи уже доносились залпы фейерверков.

— Молодым хуже всего, — возразил я. — Да ты и сам знаешь. У них нет воспоминаний, только байки от стариков, а ещё им хочется быть бунтарями. Спорим, этот парень, был членом СДВ?

— «Старые Добрые Времена»? Этой компании придурков? Спорить не буду. Наверняка. Но мне всё равно его жаль.

— А мне не очень.

— Ты суров, — ухмыльнулся Фред не без доли сарказма. — Почему они делают это? — спросил он. — Из любопытства? Желания узнать, каково было в те далёкие времена? Или тут примешивается жажда смерти? Позорище. Пустая трата времени...

Я спросил, не хочет ли он, чтобы ребятам коронера позвонил я.

— Всё в порядке, я наберу им, — сержант подошёл к телефону. Да, ему было тяжело, но таков уж Фред. Пусть его сердце обливается кровью, но служба превыше всего.

Пока он звонил, я снова посмотрел на вышивку и подумал о Дарвине, динозаврах и тех обязательных прививках, что вкалываются при рождении уже второе поколение подряд. Вместо благодарности, такие психи, как этот мёртвый юнец, протестуют, считая, что прививки противоестественны или просто вредны. Разве они не знают, что это делается для их же блага? Неужели они не понимают, что прививки просто помогают процессу приспособления? Да, приспособление в любом случае произошло бы естественным путём, со временем. Но вот времени как раз у человечества и не было. Катастрофа надвигалась, подобно лавине, и другого выхода просто было. Нет, я не испытывал сожаления к подобным вышивальщикам... То есть выживальщикам...

Фред заканчивал звонок в офис коронера:

— Да, мы пока на месте, но поторопитесь. Я бы предпочёл встретить Новый год с женой, причём со своей женой.

Сержант повесил трубку. Затем наклонился и снял ингаляционную маску с баллоном с тела мёртвого нюхача. Печально покачал головой, став похожим на большого грустного сенбернара, и зачитал вслух этикетку с баллона:

— 78% азота, 21% кислорода, 1% других газов. То, что эсдеवेशники называют «воздухом». С таким же успехом он мог пустить себе пулю в лоб. Трудно поверить, что люди дышали этой дрянью. Открой окно, пожалуйста.

Я так и сделал, глубоко вдохнув настоящий свежий воздух. Он был таким же густым, как минестроне, насыщенным выхлопными газами и прочими питательными химикалиями, уже второе поколение подбадривающими людские организмы.

Пьяный на улице поднял на меня взгляд и крикнул:

— С Новым годом!

Я поправил:

— Ты хотел сказать, с Новым веком, приятель. С Новым веком!

The Darwin Sampler, 1969

Перевод: А. Ланудев

Содержание

Инкуб, или Демон вождления	3
Клетка	224
Актёр.....	232
Комната	234
Космическая опера	238
Деяния Арго	
Чёрный эликсир	247
Долгая ночь	249
Ксанаду Сонни Грея	251
Кто лучше?	271
Ошибка профессора Фэйрбенка.....	276
Бежавшие влюблённые	288
Круги.....	301
Вот он я, Джон Генри!	304
Маркиза	318
Вышивание по Дарвину	332